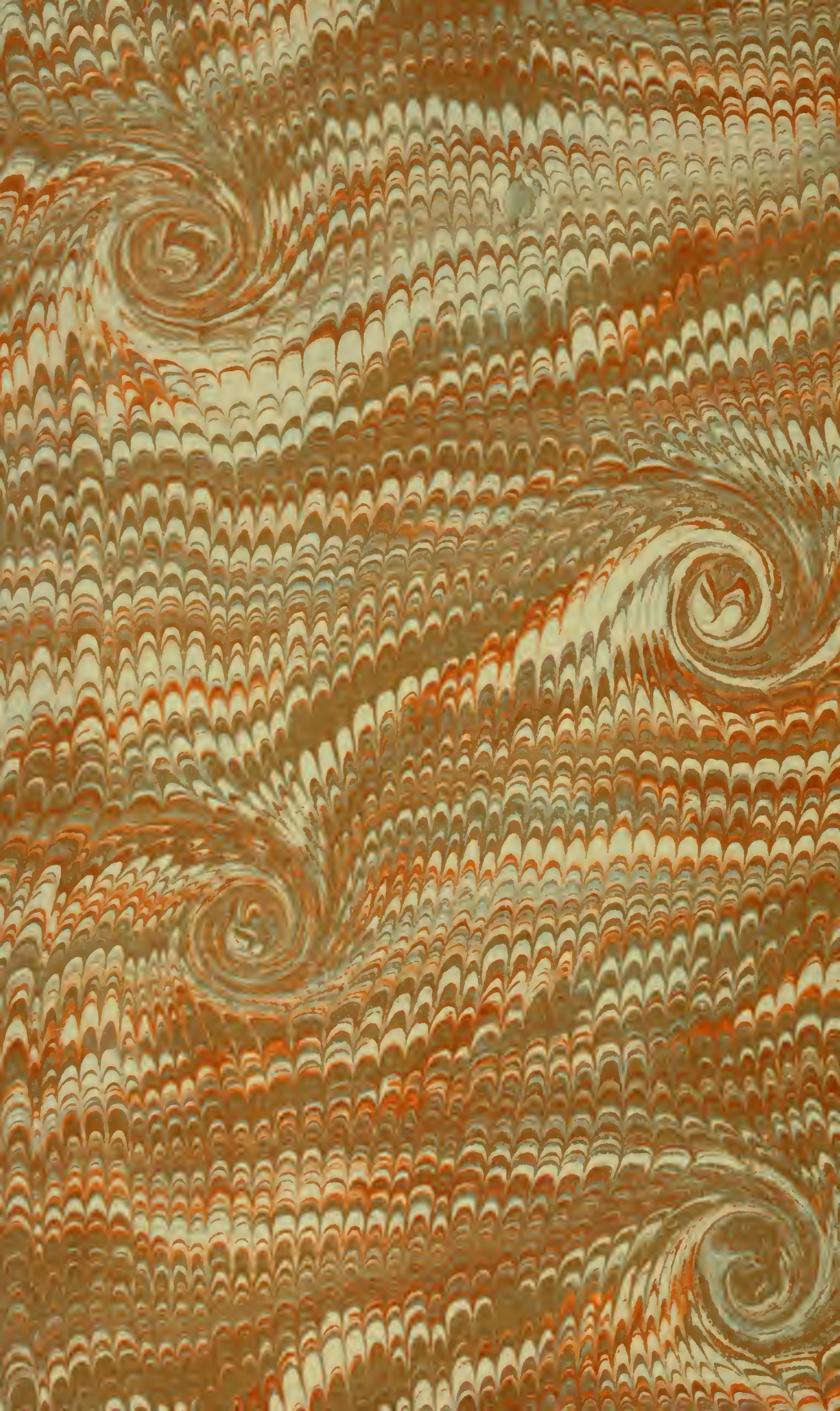

А. БУБНОВ

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк

В библиотеку Донского прихода.

А. БУБНОВ

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

Воспоминания адмирала Бубнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

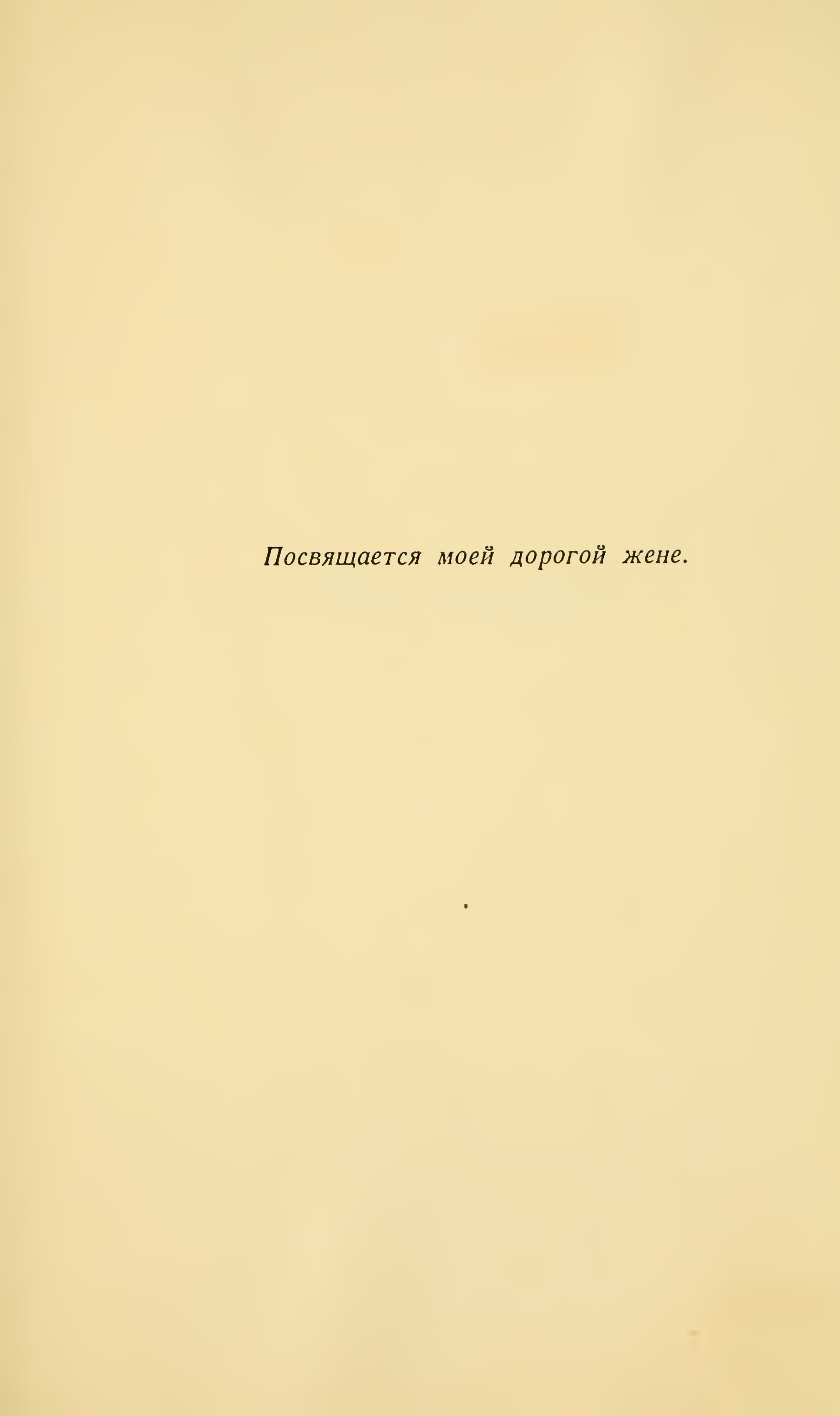
Нью-Йорк • 1955

ALEXANDER BUBNOV

AT THE IMPERIAL HEADQUARTERS

Recollections of Admiral Bubnov

Printed in the U.S.A.

Посвящается моей дорогой жене.

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Два органа верховной власти стояли во главе России во время Первой мировой войны: правительство и верховное командование вооруженными силами, взаимоотношения которых были лишь весьма неполно и неопределенно установлены введенным наспех с началом войны «Положением о полевом управлении войск в военное время», каковое к началу войны не было еще окончательно разработано.

На этот недостаток «Положения» сознательно закрывали глаза, полагая, что единство действий этих двух органов верховной власти будет в полной мере обеспечено личностью царя, так как предполагалось, что в случае большой войны, он будет совмещать обе должности: главы государства и Верховного Главнокомандующего вооруженными силами.

При этом, однако, упускалось из вида, что полное и успешное единство действий таких двух органов верховной власти могло бы быть вполне обеспечено лишь в том случае, когда бы громадное бремя этих должностей нес на себе такой гениальный правитель, каким был Петр Великий.

Между тем император Николай II-ой таким гением не был. Но и помимо этого, он, вопреки предположениям, не принял на себя верховное командование вооруженными силами, и таким образом исчезла даже самая возможность полного единства

действий обоих органов верховной власти, мыслимая лишь при объединении их обоих в одних руках.

Поэтому-то в Англии и во Франции, победоносно окончивших войну, вся полнота гражданской и военной верховной власти была сосредоточена в так называемом «Военном кабинете».

У нас же в то время как верховное командование — сначала в лице великого князя Николая Николаевича, а затем в лице ген. Алексеева, которому Государь всецело вверил верховное управление вооруженными силами страны, — стремилось добиться победы, верховное управление страной, в лице престола и правительства, вели ее своей пагубной внутренней политикой к погибели.

***

Оба органа верховной власти: правительство в столице и верховное командование в Ставке, если и не вступили сразу же после начала войны в открыто неприязненные отношения, то во всяком случае, вместо тесного единения, начали подозрительно относиться друг к другу.

В Ставке стали прислушиваться и приглядываться к тому, что говорят и делают в столице, то есть в правительственных и придворных кругах, а в столице стали гадать и наблюдать за тем, что думает и предпринимает Ставка.

При этом тесного единения не было не только между гражданским управлением государством и верховным командованием, но не было его и в чисто военной сфере, ибо военный министр, на котором лежала громадная и ответственная задача снабжения

и укомплектования Армии, не был подчинен Верховному Главнокомандующему.

Между тем, занимавший должность военного министра, бездарный интриган и оппортунист, генерал Сухомлинов, пользовавшийся, к сожалению, расположением Государя, занял по отношению к Ставке враждебную позицию, считая себя обойденным назначением великого князя Николая Николаевича, так как — со свойственным ему тщеславием и самомнением — полагал, что, в случае неприятия на себя Государем должности Верховного Главнокомандующего, на эту должность никто в России, кроме него, не имел права и не был бы способен ее выполнять.

И вот в столице — в известных кругах и при дворе — начали шептаться о том, что громадная популярность в России великого князя может причинить вред престолу, и стали намекать на то, что в Ставке могут появиться, на почве этой популярности, узурпаторские тенденции.

Слухи эти, конечно, тотчас же дошли до Ставки, которая начала подозрительно смотреть на разные мероприятия правительства, рассматривая их как стремление ограничить свободу действий верховного командования. В душе же рыцарски честного и преданного престолу великого князя слухи эти вызвали глубокое возмущение и обиду. Это побудило великого князя, — а по его указанию и Ставку — тщательно избегать всего, что могло бы дать этим слухам малейшую почву, и таким образом Ставка оказалась вынужденной не поднимать некоторых вопросов и не предпринимать известных действий, которые, однако, могли бы успешно повлиять на ход войны.

В частности, например, великий князь за всё время войны, которое он провел на посту Верховного Главнокомандующего, тщательно избегал общения с так называемыми «общественными» кругами, группи-

ровавшимися вокруг Государственной Думы, среди которых он пользовался большой популярностью; между тем в той гигантской борьбе, которую в 1-ой мировой войне вела Россия, тесное единение общественности с Армией должно было бы несомненно благоприятно влиять на ход этой борьбы.

Кроме того, великий князь никогда не посещал войска на фронте, всегда предоставляя это делать Государю, так как опасался вызвать такими посещениями подозрение в искании популярности среди войск. Между тем посещение великим князем войск, среди которых он действительно пользовался легендарной популярностью, могло бы, особенно в критические моменты операций, значительно способствовать благоприятному их ходу.

Великий князь был также вынужден отказаться от категорического требования смены высших военных начальников, оказавшихся несоответствующими своему назначению, но пользовавшихся благоволением Государя, и не мог решительно вмешиваться в дело снабжения армии, которое было в руках военного министра, подчиненного не ему, а Государю.

Лишь впоследствии, когда стало совершенно очевидным, что верховное управление страной не способно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению, великий князь — во имя спасения родины, отказался от чрезмерной осторожности, в своих сношениях с ним, и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий, но вскоре за тем был сменен.

Таким образом раздвоение верховного управления и отсутствие единства действий между обоими органами верховной власти отразилось на свободе действий великого князя в деле выбора высшего командного состава, ограничило его влияние на дух вооруженных сил и отчуждало его от народа, на твор-

ческих и духовных силах которого основывалось спокойствие и плодотворная деятельность страны в тяжелую годину войны.

**
*

С самого начала войны симпатии и чаяния русской общественности разделились между этими двумя органами верховной власти: все честные и любящие свою родину люди, принадлежавшие по своим убеждениям к прогрессивно настроенным слоям общества, устремили свои взоры на Ставку, а всё, что было сосредоточено в «темных силах» распутинского толка, тесным кольцом охватило правительственные сферы и престол.

Между тем, после принятия на себя Государем должности Верховного Главнокомандующего, отчуждение верховного командования от общественности еще больше увеличилось, ибо Государь относился к ней с предубеждением.

Однако общественные круги, порвавшие связь с правительством, находившимся под влиянием «темных сил», ведших Россию к гибели, продолжали видеть в Ставке луч надежды на спасение, и стремились через посредство Штаба Верховного Главнокомандующего воздействовать на Государя, чтобы побудить его изменить пагубную для России внутреннюю политику престола и правительства.

**
*

Роль правительства и общественности во время 1-ой мировой войны, и их влияние на ее трагический

исход, в известной мере уже выяснены, но далеко еще не выяснены роль и влияние верховного командования на течение войны и ее исход.

Особенно же остается невыясненным волнующий вопрос: сделало ли верховное командование всё от него зависящее, чтобы этот трагический исход предотвратить; волнующий потому, что ведь оно руководило всей вооруженной силой страны и что к нему одному обращены были все чаяния русского народа.

Автор настоящих воспоминаний пробыл в Ставке всё время войны, сначала на подчиненных, а затем на руководящих должностях. Он был свидетелем, а в некоторых случаях и участником ряда, неизвестных до сих пор истории, решений, имевших решающее влияние на исход войны, и составил себе определенное суждение о том, каково было, и каковым могло бы быть влияние верховного командования на этот исход, — иными словами, каковы были причины нашего поражения в 1-й мировой войне, — изложению чего и посвящены настоящие воспоминания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

Глава I

ВЫСТУПЛЕНИЕ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НА ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Своим назначением в Ставку или, точнее говоря, в состав морского управления Штаба Верховного Главнокомандующего, я был обязан тому, что в течение нескольких лет служил в Морском Генеральном Штабе и занимал кафедру «общей тактики» в Николаевской Морской Академии.

Назначение это застало меня в Кронштадте на крейсере «Диана», откуда я тотчас же выехал в Петербург, где Ставка формировалась.

В Петербурге мною было получено приказание обзавестись походным обмундированием защитного цвета и выбрать себе верховую лошадь в эскадроне Академии Генерального Штаба. Последнее меня немало озадачило, так как, хотя, мы моряки, искони отличались неудержимым влечением к верховой езде, я всё же далеко не был уверен, что не ударю лицом в грязь, следуя на коне в свите такого выдающегося кавалериста, каким был великий князь. Из этого затруднительного положения вывел меня командир эскадрона, дав мне такого старого и мудрого коня, который, по его словам, «из чувства собственного достоинства меня ни в коем случае не сконфузит».

Однако, как оказалось, условия ведения войны настолько изменились, что Штабу Верховного Главнокомандующего ни разу не пришлось садиться на коней; но всё же верховые прогулки являлись для многих офицеров Штаба единственным отдохновением от напряженной работы, и в этом отношении мой

мудрый конь сослужил мне во время войны хорошую службу.

Этот незначительный сам по себе случай показывает, как в военных кругах перед 1-ой мировой войной несовершенно было представление о ее ведении в современных условиях.

В течение нескольких дней, проведенных в Петербурге перед отъездом на фронт, я не мог не ощутить того глубоко сосредоточенного и озабоченного настроения, которое овладело всеми кругами столицы. На всех лицах выражалась скрытая тревога за будущее и смутно угадывались тяжелые предчувствия. Того радостного настроения, которое дает твердая уверенность в своих силах, не чувствовалось почти нигде. Все сознавали, что предстоит невероятно тяжелая борьба, и с болью в сердце провожали уходящих на войну.

Правда, в первые дни войны замечался известный патриотический подъем под лозунгом единения царя с народом, выразившийся в патриотических манифестациях, но уверенности в прочности этого единения, вследствис известных всей России признаков разложения, подтачивавших престол и правительственные круги, ни у кого не было.

Единственная надежда была на великого князя Николая Николаевича. Его имя было у всех на устах, ему приписывалась некая чудодейственная мощь, которая благополучно выведет Россию из предстоящего ей тяжелого испытания. И мы, будущие его сотрудники, вступая в состав его штаба с сознанием, что на его личности покоятся все упования России, были проникнуты благоговейным к нему уважением и были готовы употребить все свои силы, чтобы облегчить ему сверхчеловечески трудную его миссию.

**
*

30 июля я получил распоряжение явиться на Царскосельский вокзал для отправления в Ставку.

Время отправления поездов Штаба Верховного Главнокомандующего и место их назначения сохранялись в тайне, и на слабо освещенном перроне вокзала не было ни провожающих, ни публики.

О том, что местом расположения Ставки будут Барановичи, большинство чинов Штаба узнало лишь после того, как поезда отошли от Петербурга. Когда я приехал на вокзал, он был пуст и безмолвен. Отсутствие обычных на вокзале суеты и шума производило необычайное впечатление. У перрона стоял готовый к отходу, так называемый «второй» поезд, Штаба Верховного Главнокомандующего. У входа на этот перрон стоял комендант поезда, который направлял быстро входивших на перрон чинов штаба в отведенные им вагоны. Над всем царила какая-то торжественная строгость и сосредоточенность.

В полночь, без всяких сигналов и никем не провожаемый, поезд тихо отошел от пустого перрона и, ускоряя ход, двинулся в путь.

Так началась жизнь Ставки Верховного Главнокомандующего, которая, до последнего дня пребывания на этом посту великого князя Николая Николаевича, неизменно носила тот же характер молчаливо-строгой деловитости и проникновенной вдумчивости.

⁂

Штаб Верховного Главнокомандующего был размещен в нескольких поездах. В «первом поезде» находился великий князь Главнокомандующий, его брат великий князь Петр Николаевич, ближайшая их свита, — начальник штаба генерал Янушкевич, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Данилов с офицерами оперативного отделения своего управления, протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский и представители союзных армий при Верховном Главнокомандующем генералы: маркиз де ла Гиш и сэр Хембери Вильямс.

Во втором поезде находилось управление дежурного генерала во главе с генералом П. К. Кондзеровским, управление военных сообщений во главе с генералом И. А. Ронжиным, военно-морское управление во главе с контр-адмиралом Д. В. Ненюковым, в составе которого был великий князь Кирилл Владимирович, дипломатическая канцелярия, во главе с Н. А. Базили, временно замещавшим, не успевшего прибыть князя Кудашева, гражданская канцелярия, во главе с князем Оболенским и остальная часть управления генерал-квартирмейстера, не поместившаяся в первом поезде.

Эти два поезда собственно и составляли Штаб Верховного Главнокомандующего. В каждом из них был свой вагон ресторан и чинам штаба был обеспечен максимальный жизненный комфорт и удобства для работы, так как каждый помещался в своем отдельном купе.

В остальных поездах помещался служебный персонал Штаба и охрана места расположения Ставки.

В этих поездах штаб прожил почти целый год, в течение которого Ставка находилась в Барановичах.

**
*

В пути наш поезд обогнал поезд великого князя, который задержался для совещания с Главнокомандующим Северозападного фронта генералом Жилинским, и мы прибыли на станцию Барановичи раньше его.

Всем нам было предложено выйти из вагонов и построиться на платформе вокзала для встречи великого князя. Здесь же должно было состояться представление чинов штаба великому князю: мы сами, выйдя из вагонов, впервые познакомились со многими будущими сослуживцами, которых раньше не знали.

В ожидании великого князя образовались на платформе группы оживленно разговаривавших офицеров. Настроение было бодрое и приподнятое: 1-ая армия только что с боем перешла немецкую границу и успешно продвигалась вперед, а начавшееся наступление в Галиции сулило нам победу. Обсуждался вопрос о продолжительности войны, и тех, кто осторожно определял ее в 6 месяцев, считали отъявленными пессимистами. Еще одно доказательство того, сколь ошибочно было, даже в руководящих военных кругах, представление о современных условиях войны.

Вскоре на станцию прибыл «первый» поезд и из него вышел на платформу великий князь. Строгим взглядом он окинул своих будущих сотрудников, быстрой походкой обошел их фронт, молча пожимая

всем руки, и вернулся к себе в вагон. Немедленно затем его поезд отошел, направляясь в месторасположение Ставки. Вслед за ним двинулся туда же и наш поезд.

Так в строгой и сосредоточенной атмосфере без лишних слов — началась повседневная работа Штаба.

Глава II

ЖИЗНЬ СТАВКИ

Местонахождение Ставки находилось вблизи местечка Барановичи, в районе казарм железнодорожной бригады. Казармы эти, окруженные лесом, были пусты, так как занимавшая их бригада ушла на фронт.

К этим казармам было проведено от железнодорожной магистрали несколько путей, на которых и стали поезда штаба.

На пути, ведущем к отдельно расположенному дому начальника бригады, стал поезд Верховного Главнокомандующего. В этом доме поместилось управление генерал-квартирмейстера и к нему были проведены прямые провода связи с фронтом и Петербургом.

Ежедневно рано утром великий князь из своего вагона направлялся, в сопровождении начальника Штаба, в управление, где, ознакомившись с донесениями, поступавшими за ночь с фронтов, принимал, совместно с генерал-квартирмейстером, оперативные решения. Все же донесения, поступающие в течение дня, докладывались великому князю в его вагоне, куда являлись к нему во всякое время для доклада начальники управлений Штаба.

Таким образом великий князь был осведомлен во всех подробностях о ходе военных действий, и фактически — а не номинально, ими руководил. Иногда великий князь со своим поездом покидал на короткий срок Ставку и отправлялся на совещания к Главнокомандующим фронтами, но за время своего пребывания

на посту Верховного Главнокомандующего великий князь в Петербург или куда-либо в тыл не ездил.

Второй поезд стоял на другом пути в небольшом расстоянии от первого и остальные управления штаба разместились в ближайших казарменных постройках бригады. Личное общение между управлениями штаба ограничивалось кратким изложением дела или получением справки. В управление же генерал-квартирмейстера чины штаба, не принимавшие непосредственного участия в оперативной работе, вообще не допускались.

Штаб Верховного Главнокомандующего при великом князе был весьма немногочисленный: в управлении генерал-квартирмейстера было около 8 офицеров Генерального Штаба, а в каждом из остальных военных управлений, т. е. в управлениях дежурного генерала, военных сообщений и военно-морском было от 4 до 6 офицеров, так что в непосредственной работе по Верховному управлению вооруженными силами России участвовало всего около 25 офицеров. Во всём же штабе, включая чинов дипломатической и гражданской канцелярии, офицеров для шифрования, адъютантов, офицеров на второстепенных или специальных должностях, было всего человек около 60-ти, не считая офицеров частей, несших охрану Ставки и ее обслуживающих.

В этом отношении Штаб при великом князе был полной противоположностью Штабу, который при Государе разросся до нескольких сот человек.

Охранные части оцепили Ставку кольцом своих постов и в район ее расположения никого не пропускали, а окружающая нас лесная местность, скрывая Ставку от посторонних взоров, еще больше отчуждала нас от внешнего мира, и способствовала строгому образу жизни, заведенному в ней с самого первого дня, чем была создана спокойная обстановка для сосредоточенной работы и было обеспечено сохранение тайны.

***

Работа в Штабе продолжалась с раннего утра до позднего вечера, а зачастую и ночью — с небольшими перерывами для завтрака и обеда.

Во время завтрака и обеда, когда в вагон-ресторан нашего поезда сходились офицеры Штаба, не допускались служебные разговоры и беседа велась на отвлеченные темы, не касающиеся ведения войны. Еда была простая и к столу подавалось только легкое белое или красное вино.

Каждый день известное число чинов Штаба из нашего поезда приглашалось к столу великого князя в первый поезд. Вагон-ресторан этого поезда, как и все вагоны-рестораны, был разделен переборкой с дверью на два неравные отделения. В меньшем отделении за столиком в углу сидел великий князь с начальником штаба и протоиереем о. Шавельским; за столиком рядом с ними занимали место представители союзных армий, а за остальными двумя столиками сидели генерал-квартирмейстер и приглашенные гости. В большом отделении сидели остальные чины первого поезда.

Великий князь входил в вагон-ресторан в точно назначенный час, пожимал руки сначала всем гостям, а затем переходил во второе отделение, чтобы поздороваться с теми чинами первого поезда, которых он в этот день еще не видел. Ввиду его высокого роста на верхней перекладине дверной рамы в переборке был прикреплен лист белой бумаги, чтобы обратить его внимание на необходимость наклонить голову.

Завтрак продолжался очень недолго, — каких-нибудь полчаса с небольшим. Беседа за столом обычно

носила не натянутый, но сдержанный характер. Когда дела на фронте шли благоприятно, великий князь принимал в ней живое участие и остроумно шутил, но когда положение на фронте оставляло желать лучшего, великий князь хмурился и завтрак быстро проходил в молчании.

В тяжелые же периоды Самсоновской катастрофы и отступления из Галиции приглашения к столу великого князя прекратились.

***

Короткими перерывами работы после завтрака и обеда мы пользовались для прогулок пешком и верхом по живописным окрестностям Ставки. Эти прогулки были единственным нашим развлечением.

Во время этих перерывов генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций. Великий князь, когда не гулял вместе с ним, — строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Ю. Н. Данилова во время этих прогулок.

Изредка мы, более молодые офицеры Штаба, выезжали целым эскадроном верхом на прогулку под командой общего любимца Ставки весельчака и балагура — бывшего лихого кавалериста полковника Генерального Штаба Муханова, который заставлял нас проделывать разные эволюции. Во время этих эволюций больше всего доставалось, конечно, нам морякам, а особенно мне, ибо мой «россинант», не желая терять «собственного достоинства», решительно никогда не торопился. Однако, к нашему удовольствию, доставалось от Муханова и его собратьям по оружию, особен-

но медлительному и мягкому полковнику Стаховичу. Прогулки эти своим весельем очень способствовали поддержанию хорошего настроения в Ставке.

Хотя великий князь весьма отрицательно смотрел на посещение родными и женами членов Штаба, всё же изредка жены некоторых из нас приезжали на краткие свидания со своими мужьями, и, тщательно скрываясь, жили в плохонькой гостинице местечка Барановичи.

Однажды мы с женой на прогулке верхом в дальнем и глухом лесу неожиданно встретились с великим князем, который в сопровождении начальника Штаба ехал верхом недалеко от нас. Я обомлел. Однако великий князь отвернулся и, заговорив с начальником Штаба, сделал вид, что нас не заметил.

На следующий день за завтраком великий князь посмотрел на меня иронически — тем дело и ограничилось.

Этот случай привожу лишь в опровержение распространявшихся некоторыми злонамеренными лицами слухов о, якобы, бессердечности и даже бесчувственности великого князя.

***

Иногда в Ставку приезжал Государь со своей свитой и некоторыми министрами.

Эти приезды всегда вносили тревожное настроение в жизнь Ставки, ибо они в большинстве случаев были вызваны решением каких-либо исключительно важных для ведения войны вопросов.

Зная умонастроение Государя и некоторых его министров, мы всегда беспокоились за исход этих сове-

щаний, опасаясь последствий столкновения взглядов между великим князем и окружением Государя.

С тревогой смотрели мы на медленно проходивший в Ставку мимо нас царский поезд, за которым как бы тянулась струя гнетущей атмосферы, окружавшей престол и известные столичные круги, и, облегченно вздыхали, когда царский поезд покидал Ставку.

Во всё остальное время Ставка жила своей обособленной, строгой жизнью, работая в атмосфере возвышенных чувств.

Вся Россия знала, что там, в этой Ставке, пользовавшейся в то время громадным авторитетом и уважением, живет и творит свое великое дело благородный вождь, на которого она возлагала все свои надежды.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

По своим личным качествам великий князь Николай Николаевич был выдающимся человеком, а среди членов императорской фамилии представлял собою отрадное исключение.

По природе своей честный, прямой и благородный он соединял в себе все свойства волевой личности, т. е. решительность, требовательность и настойчивость. При чем эти свойства проявлялись в нем иногда в чрезмерной форме, создавшей ему репутацию подчас суровой строгости.

Все — не исключая министров и высших чинов государства — его побаивались, а нерадивые и неспособные люди его панически боялись.

В этом отношении великий князь точно походил на адмирала Рождественского, благодаря личной железной воле которого, как ныне окончательно установлено историей, был осуществлен во время Русско-японской войны нигде и никогда не бывалый подвиг — поход на Дальний Восток 2-ой Тихоокеанской эскадры.

При господствовавшем в царствование императора Николая II во всём государственном аппарате безволии и непотизме, наличие на посту Верховного Главнокомандующего такой волевой личности, как великий князь Николай Николаевич, было одним из главных залогов благополучного исхода войны, и потому-то вся Россия встретила с таким единодушным восторгом назначение его на этот пост.

Помимо этого, великий князь, пройдя все ступени военной иерархии был истинным знатоком военного дела, которое он искренно любил и которому посвятил всю свою жизнь.

Имея высшее военное образование, он отдавал себе ясный отчет в задачах высшего командования и руководства военными операциями, чему способствовало продолжительное пребывание его в должности командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, а незадолго до войны и на должности председателя Совета Государственной Обороны.

Давно уже в России не было личности, в такой мере отвечающей по своим качествам должности Верховного Главнокомандующего, как великий князь Николай Николаевич.

Но, стоя во главе вооруженных сил России, он, к сожалению, не был — как уже в предисловии мною сказано — свободен в своих решениях. Он должен был считаться с Государем, который со своим правительством распоряжался судьбами государства.

Хотя великий князь и считал, что многие действия правительства могут иметь отрицательное влияние на ход войны, хотя он и отдавал себе ясный отчет в пагубном влиянии на Государя его супруги и распутинской камарильи, однако из-за верноподданнических чувств не считал себя в праве вмешиваться в категорической форме в верховное управление страной и в семейную жизнь Государя.

Несомненно при приездах Государя в Ставку великий князь в своих разговорах с ним с глазу на глаз предостерегал его об этом. Но, зная чувства и идеологию великого князя, можно с уверенностью сказать, что, если он и излагал свои мнения в свойственном ему решительном тоне, то во всяком случае никогда не придавал им характера угрозы, которую ему приписы-

вала народная молва, твердившая, что он требовал заточения Государыни в монастырь.

Однако, предостережения великого князя не только не достигали цели, но имели в некотором отношении даже отрицательное действие.

Государь, конечно, ставил о них в известность свою супругу, под чьим безграничным влиянием он находился, и этим еще больше усугублялась ее ненависть к великому князю. Государыня издавна не любила великого князя потому, что видела в нем волевую личность и что до нее доходили слухи о его огромной популярности, которую она считала опасной для престола. Эту мысль она внушала Государю с самого начала войны, и разговоры великого князя с Государем заставляли ее еще более усилить свое воздействие на Государя, что в конце концов и привело к смене великого князя.

Презрение великого князя к Распутину было также известно Государыне. Его, якобы, ответ на попытку Распутина приехать в Ставку для благословения «войск»: «приезжай — повешу», был слишком распространен народной молвой и был встречен таким всеобщим энтузиазмом, что не мог, конечно, не дойти до Государыни. Однако, вряд ли великий князь мог привести такую угрозу в исполнение, ибо никогда не решился бы нанести такой явный удар престижу царской семьи, и так уже поколебленному Распутиным.

Но энтузиазм, с которым по всей России была встречена эта легенда, как нельзя более ярко выражает глубину той духовной трагедии, которую переживала страна, вступая в гигантскую борьбу, благоприятный исход которой мог быть достигнут лишь при условии единодушного устремления всех духовных сил народа исключительно на борьбу с грозным внешним врагом.

С неспособными же военачальниками великий князь, действительно, расправлялся решительно и кру-

то, но, конечно, никогда не применял физического воздействия, как это ему приписывала народная молва. Как бы он ни был несдержан, это всё же слишком бы претило его благородной рыцарской натуре.

***

Нижеследующий случай покажет точку зрения великого князя в отношениях его к командному составу.

В начале зимы 1914 г. немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» начали сильно беспокоить своими внезапными бомбардировками части кавказской армии, опиравшиеся на черноморское побережье.

Хотя деятельность Черноморского флота не отличалась особенной энергией, вызывая этим гнев и нарекания великого князя, однако, за неимением в составе Черноморского флота достаточно быстроходных судов, командующий флотом адмирал Эбергард не был в состоянии пресечь операции этих немецких крейсеров, о чем морское управление великому князю и докладывало.

Однажды после одной из таких операций, ординарец великого князя принес нам поздно вечером в управление, написанную лично великим князем телеграмму для отправления адмиралу Эбергарду.

В это время в управлении со мной был мой товарищ и друг В. Яковлев, так как адмирал Ненюков уехал по делам в Петербург. Прочтя с ним эту телеграмму, мы пришли в ужас от резкости выражений, в которых она была составлена.

Во флоте мы искони привыкли к совсем иным формам отношений между начальствующими лицами и их подчиненными, особенно на высоких должностях, а,

зная чрезвычайно благородный, честный и самолюбивый характер адмирала Эбергарда, мы сильно опасались, как бы эта телеграмма не вызвала катастрофу.

Посоветовавшись с Яковлевым, я решил попытаться попросить через начальника Штаба великого князя смягчить выражения телеграммы.

Когда я изложил генералу Янушкевичу свою просьбу, он гневно посмотрел на меня и с трепетом в голосе воскликнул: «Как вы осмеливаетесь вмешиваться в повеления великого князя! Да знаете ли вы чем это вам угрожает?!» На это я ему ответил, что, зная характер адмирала Эбергарда, я опасаюсь, что такая телеграмма может побудить его на самоубийство и что поэтому я настаиваю на своей просьбе.

Тогда генерал Янушкевич взял из моих рук телеграмму, посмотрел на меня с печальным сожалением и сказал: «Хорошо, но помните, что за последствия я не ручаюсь» — прошел в вагон великого князя. Через несколько минут он вернулся и, передав мне слова великого князя «когда дело идет о пользе Родины и успехе военных действий, я не щажу отдельных личностей», — приказал отправить телеграмму без изменений.

К счастью, эта телеграмма не возымела того действия, которого мы опасались; адмирал Эбергард нашел в себе мужество перенести обиду во имя своего долга перед Родиной в войне.

Этот случай ясно показывает то возвышенное понимание великим князем своего долга, как Верховного Главнокомандующего, из коего вытекали его отношения к подчиненным без различия положения, которое они занимали. И показывает также высокое сознание своего военного долга, со стороны некоторых благородных личностей подчиненного ему командного состава.

**
*

Но в вопросе смены высшего командного состава руки великого князя не были вполне свободны. Тут ему приходилось считаться с волей Государя. А так как симпатии Государя распространялись нередко на совершенно неспособных генералов, сумевших завоевать его симпатии угодничеством и интригами, то в вопросе устранения таких генералов великому князю подчас не легко было добиться своей цели.

Несмотря на то, что например, пользовавшийся расположением Государя генерал Ренненкампф доказал в Восточной Пруссии в начале войны свою несостоятельность, его удалось убрать лишь после того, как он, к всеобщему негодованию, скомпрометировал успех лодзинской операции, где мы — не будь его — могли бы сторицей искупить катастрофу Самсоновской армии.

Не легко было также доказать Государю необходимость убрать Сухомлинова, ответственного за недостаточное снабжение армии, и обманувшего Государя своими ложными докладами.

И несмотря на то, что после его смены ясно обнаружилась вся легкомысленная преступность его деятельности и весь причиненный им России вред, Государыня старалась своим влиянием на Государя смягчить ожидавшую его заслуженную кару.

Еще более тяжелым было положение великого князя, когда ему приходилось, во имя успешного ведения войны, поднимать вопрос о смене неспособных членов правительства, что составляло прерогативу Государя.

Между тем трения, возникавшие между великим князем и Государем в вопросах смены высших чинов военного и, особенно, гражданского управления, пользовавшихся расположением Государя и поддержкой «темных сил», оставляли в скрытой и ревнивой к своим прерогативам психологии Государя глубокий след и еще более отчуждали его от великого князя.

Так интригами, влиянием «темных сил» и работой разных лиц, снискавших себе недостойными путями расположение престола, создавались и углублялись трения между правлением страны и верховным командованием ее вооруженных сил.

А между тем в условиях современной войны «вооруженных народов», и, особенно, в тех условиях, в которых вела ее Россия, главным условием не только успеха в войне, но и спасения государства должно было бы быть тесное единение этих двух органов верховной власти.

Глава IV

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Ближайшими сотрудниками великого князя были: начальник Штаба генерал Янушкевич и начальники отдельных управлений штаба.

Генерал Янушкевич автоматически перешел, согласно «Положению о полевом управлении войск», на должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего с должности начальника главного управления Генерального Штаба, которую он занимал перед войной, и на которую был назначен Сухомлиновым, главным образом, благодаря «покладистости» — если не сказать более — характера и отсутствию свободы мысли.

На должности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего он растерялся, но всё же имел гражданское мужество сознать свою неспособность играть какую-либо роль, стушевался и уступил руководящую роль в верховном командовании генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову.

Ю. Н. Данилов, прозванный «черный», за цвет своих волос, в отличие от другого «рыжего» генерала Данилова — начальника тыла — был несомненно одним из самых образованных и знающих свое дело генералов русского Генерального Штаба. Строгий, требовательный в службе, он был грозой для подчиненных, но за несколько искусственно созданной им себе мрачной и недоступной наружностью, скрывался блестящий — правда, едкий, — но всегда любезный собеседник.

Обладая твердостью характера, граничащею с упрямством, он, однако, не отличался особенной широтой взглядов. Во всяком случае он был во всех отношениях отличным ближайшим сотрудником такого решительного вождя, как великий князь Николай Николаевич, который его ценил и уважал.

**
*

Остальные ближайшие сотрудники великого князя были все на должной высоте.

Дежурный генерал П. К. Кондзеровский был в высшей степени симпатичный, вдумчивый человек, пользовавшийся всеобщей любовью в армии и на своей должности распорядителя личного состава был безусловно незаменим.

Начальник управления военных сообщений генерал И. А. Ронжин, человек широких взглядов и блестящих способностей, был большим знатоком своего дела, и опытной рукой управлял военными сообщениями.

Начальник военно-морского управления адмидал Д. В. Ненюков соединял в себе свойства большого сибарита с ясностью ума и высокой духовной культурой.

Управляющий дипломатической канцелярией Н. А. Базили был человеком исключительно выдающихся способностей, и считался, с полным правом, одним из лучших русских молодых дипломатов.

Начальники отдельных управлений Штаба поддерживали между собой самые тесные отношения и были безгранично преданы великому князю, вследствие чего Штаб представлял собой единое тело, одушевленное единством взглядов и был отличным органом для проведения в жизнь воли Верховного Главнокомандующего.

**
*

Особняком стоял по своему положению протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский. Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь проницательного, мудрого и обаятельного, по своим высоким качествам, человека.

Прекрасно осведомленный о состоянии чувств и настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений, отдавал себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее. Решительный противник Распутина и его приспешников, он мужественно предупреждал Государя об опасностях, грозивших России в связи с разлагающим влиянием на правительство «темных сил».

Как вследствие своих высоких умственных и душевных качеств, так и вследствие возвышенного патриотизма о. Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя России. Влияние это усугублялось тем, что великий князь был глубоко верующим и видел в о. Георгии выдающегося духовного пастыря.

Таким образом в деятельности великого князя по ведению войны и в его заботах о благе России два лица занимали место в непосредственной его близости и могли иметь на него влияние; эти лица были: генерал Ю. Н. Данилов и о. Георгий.

**
*

Все офицеры управлений Штаба в полной мере отвечали своим назначениям.

Среди офицеров управления генерал-квартирмейстера особенно выделялись своими способностями полковники: Щелоков, Скалон, Самойлов и капитан Андерс.

Щелоков, вследствие весьма неприятных личных свойств, был очень непривлекателен; во время гражданской войны он был у большевиков начальником Штаба Буденного и много содействовал успехам его конницы.

Полной ему противоположностью был необыкновенно благородный, честный и привлекательный Скалон; командированный от Штаба Верховного Главнокомандующего в состав делегации для ведения мирных переговоров в Брест-Литовск, он не вынес позора Брест-Литовского мира и застрелился. Самойлов отличился во главе своего полка. Андерс во время II-ой мировой войны командовал польским добровольческим корпусом в составе союзных войск на итальянском фронте.

В состав военно-морского управления входили: великий князь Кирилл Владимировач, назначенный впоследствии начальником морских батальонов на фронте; капитан 2-го ранга Немитц, назначенный впоследствии командиром эскадренного миноносца в Черном море; автор настоящих воспоминаний, пробывший в Ставке до ее занятия большевиками; и его близкий друг старший лейтенант В. В. Яковлев, назначенный впоследствии морским агентом в Румынию, на каковом посту он своими разведывательными сведениями о Турции и Болгарии весьма содействовал операциям Черноморского флота.

Мы трое раньше служили в Морском Генеральном Штабе, а Немитц и автор настоящих воспоминаний были профессорами Николаевской Морской Академии. Краткое время был в нашем управлении и лейтенант Апрелев.

Всеобщей симпатией пользовался в Ставке доктор Козловский и начальник нашего автомобильного парка капитан В. Р. Вреден. А. А. Козловский усердно и внимательно заботился о нашем здоровьи, а гостеприимный, всегда благорасположенный В. Р. Вреден, с которым все мы были в приятельских отношениях, доставлял многим из нас при общении с ним приятные минуты душевного отдохновения от напряженной нашей работы.

Глава V

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Личный состав, который при вступлении своем в должность Верховного Главнокомандующего великий князь застал на высших командных постах армии, к сожалению, во многих случаях далеко не отвечал своему назначению.

Особенно неудовлетворительным был высший командный состав Северозападного фронта в лице его Главнокомандующего генерала Жилинского и командующих армиями этого фронта: 1-ой генерала Ренненкампфа и II-й генерала Самсонова, что и было одной из главных причин, происшедших в начале войны на этом фронте катастрофы армии генерала Самсонова и разгрома армии генерала Ренненкампфа.

Все три эти генерала представляют собой типичные примеры выдвижения в эпоху министра Сухомлинова на командные посты не соответственных своему назначению начальников.

Генерал Жилинский, бывший некоторое время начальником Главного Управления Генерального Штаба, был выдвинут на высшие командные посты благодаря отсутствию у него широкой идейной инициативы и твердости характера, что делало его безопасным для Сухомлинова.

Карьере генералов Самсонова и Ренненкампфа положили начало «лихие» их действия во главе конных отрядов во время «боксерского» восстания 1901 г. и во время Японской войны.

Но командные их способности не шли далее на-

чальника кавалерийской дивизии, что ясно обнаружилось в самом начале войны и имело решительное влияние на ход наших операций в Восточной Пруссии.

Оба они не имели представления о руководстве крупными армейскими соединениями в условиях современной войны и применяли к этому руководству методы управления небольшим конным отрядом. В критические минуты операций они отрывались от своих штабов и совершенно выпускали из своих рук оперативное руководство; при этом не умели поддерживать связь по фронту и организовать разведку, действовали вслепую, и неожиданно оказывались лицом к лицу с внезапно создавшейся катастрофической для них обстановкой.

На Югозападном фронте положение в отношении командного состава было значительно лучше: благодаря присутствию там на постах командующих армиями и командиров корпусов таких выдающихся генералов, как Щербачев, Брусилов, Плеве и Горбатовский, а главным образом благодаря тому, что фактическое руководство операциями этого фронта находилось в руках самого выдающегося представителя нашего Генерального Штаба генерала М. В. Алексеева.

Началу карьеры главнокомандующего этим фронтом генерала Н. Иванова положило усмирение им солдатских беспорядков при возвращении войск после Русско-японской войны; никакими стратегическими способностями он не отличался и образования Генерального Штаба не имел; всё же он был достаточно умен, чтобы всецело предоставить оперативное руководство Югозападного фронта своему начальнику штаба генералу Алексееву.

Вообще говоря Н. И. Иванов представлял собой типичный пример, нередкий в то время, «дутых знаменитостей».

Причинами несоответствия своему назначению ча-

сти высшего командного состава было, с одной стороны, система выдвижения на командные должности, при коей решающую роль нередко играли не стратегические способности, а «лихость», «беззаветная преданность» и ханжество; с другой же стороны, неудовлетворительно поставленные перед войной теоретическая и практическая подготовка командного состава к занятию высших командных должностей, на что столь ясно указывал в своих трудах после войны талантливый профессор генерал Н. Н. Головин.

Не менее важной причиной этого было также стремление военного министра генерала Сухомлинова выдвигать на высшие командные посты генералов «лихих» и «беззаветно преданных», ибо таковые пользовались большим расположением престола.

Только этим и можно объяснить нахождение на посту командира 1-го корпуса генерала Артамонова, сыгравшего такую печальную роль в катастрофе Самсоновской армии, карьера которого была основана на рассказах о том, как он «переплывал» при экспедиции в Абиссинию «Нил на крокодиле», а упрочилась перед войной ханжеством и строгим требованием, чтобы во всех помещениях, подчиненных ему войсковых частей, были иконы и лампады.

***

К каким последствиям привела такая система выбора начальников, автор настоящих воспоминаний мог лично убедиться при командировке из Ставки в Восточную Пруссию в начале войны.

Вскоре после начала наступления Самсоновской армии и накануне ее катастрофы, я был срочно командирован Верховным Главнокомандующим к генералу

Ренненкампфу с приказанием обратить его внимание на правый фланг вверенной ему 1-й армии, и лично убедиться в надежности мер, принятых для его обеспечения.

Дело заключалось в том, что верховное командование справедливо опасалось как бы немцы, пользуясь своим господством на Балтийском море, на побережье коего правый фланг 1-ой армии опирался, не сделали попытку нападения на этот фланг со стороны моря и этим бы лишили армию свободы маневрирования, когда эта свобода, после начала наступления Самсоновской армии, была генералу Ренненкампфу особенно нужна для согласования с ней своих действий.

Эти опасения были тем более обоснованы, что, согласно поступившим в Ставку агентурным сведениям, немцы спешно сосредоточивали в Куриш-Гафе мелко сидящие суда, при помощи которых они и могли предпринять десантную операцию не только против правого фланга 1-й армии, но даже в ближайший ее тыл.

Между тем сведения, поступавшие о положении дел на правом фланге 1-й армии из штаба Северозападного фронта или, вернее говоря, отсутствие этих сведений, заставляло предполагать, что ни главнокомандующий фронтом, ни командующий 1-й армией не отдают себе ясного отчета об опасности этого положения.

Выехав из Ставки на автомобиле прямо в Восточную Пруссию, я принужден был оставить его в Ковно, так как загромождение шоссейных дорог не позволяло быстрой езды, и отправился далее с этапным поездом в Инстербург, где находился генерал Ренненкампф. Приехав туда, я отправился с вокзала в гостиницу, где расположился генерал Ренненкампф со своей свитой.

Там я застал такую картину: на застекленной веранде, сообщающейся широкими дверями с ресторан-

ным залом, сидело за длинным обеденным столом человек 20 офицеров, а во главе стола сидел у самых дверей, ведущих в ресторанный зал, сам генерал Ренненкампф.

Посадив меня рядом с собой и поверхностно расспросив о цели моего приезда, генерал Ренненкампф громогласно продолжал с сидевшими за столом разговоры на разные оперативные темы.

Осмотревшись, я был прежде всего удивлен тем, что почти все, сидевшие за столом, были совсем молодые офицеры, повидимому, адъютанты и ординарцы командующего армией; штаб-офицеров Генерального Штаба было среди них всего два.

К столу во время обеда часто подходил хозяйничавший у стойки ресторана буфетчик, с которым сидевшие за столом говорили по-немецки, заказывая ему кушания и пиво.

Этот буфетчик был немец, едва ли, судя по его интеллигентному лицу и выправке, не переодетый немецкий офицер. Его по непростительному недомыслию оставили на своей должности квартирьеры штаба при отводе гостиницы под помещение для командующего армией.

Стоя за своей стойкой в ресторанном зале, он, конечно, хорошо слышал легкомысленно ведшиеся за столом командующего армией разговоры на оперативные темы и, как впоследствии обнаружилось, сообщал ночью их содержание в Кенигсберг по телефону, спрятанному под стойкой буфета.

По окончании обеда, командующий армией направил меня в оперативное отделение своего штаба, тут же в гостинице. Там я застал двух офицеров Генерального Штаба и из разговора с ними уяснил себе причину удививших меня ненормальных явлений в жизни штаба.

Оказалось, что начальник штаба «рассорился» с

командующим армией и остался в Сталупёнене вместе с некоторыми старшими чинами штаба, а в Инстербурге при генерале Ренненкампфе остались два, пользовавшихся его особенными симпатиями офицера Генерального Штаба и целый полк «примазавшихся» к нему адъютантов, ординарцев и «маменькиных сынков» из влиятельных придворных кругов, которые и делали ему в этих кругах карьеру; этим отчасти объясняется то, что Ренненкампф не был немедленно сменен после разгрома его армии, в чем его вина была несомненна.

Полученные мною в оперативном отделении неопределенные сведения о положении на правом фланге армии меня не удовлетворили и я решил на другой день утром вновь доложить об этом генералу Ренненкампфу, а затем выехать к правому флангу на берег Кудиш-Гафе, чтобы лично убедиться в том приняты ли для его обеспечения меры.

Так как уже наступил вечер, я отправился в отведенную мне в верхнем этаже гостиницы комнату и, уставши с дороги, проспал в ней до позднего утра. Когда я проснулся, меня прежде всего поразила полнейшая тишина в гостинице. Быстро одевшись, я спустился вниз и, проходя по коридорам, заметил группы немцев, служащих гостиницы, провожавших меня злобными, дерзкими взглядами; но никого из чинов штаба я не видел.

Придя на веранду, где мы накануне обедали, я застал там растерянного адъютанта командующего армией, который что-то искал. От него я узнал, что ночью были неожиданно получены сведения о разгроме армии генерала Самсонова и одновременно с этим донесение об обходе немцами левого фланга 1-й армии, вследствие чего генерал Ренненкампф на рассвете выехал со своей «свитой» из Инстербурга назад в Вержболово. Адъютант же этот остался для ликвидации каких-то

дел и он-то обнаружил тайную телефонную связь гостиницы с Кенингсбергом; но было уже поздно — буфетчик сбежал.

Не теряя времени — мы с этим адъютантом побежали на вокзал, где успели захватить последний этапный поезд, за которым уже было приказано взрывать станционные строения и мосты.

Приехав вечером в Вержболово, я застал там невообразимый хаос: вокзал был полон раненых из наспех эвакуируемых полевых госпиталей; все вокзальные пути были забиты поездными составами; кругом вокзала царил невероятный беспорядок, среди скопившихся здесь отступающих тыловых частей.

По платформе взволнованно ходил взад и вперед генерал Ренненкампф с ближайшими своими сотрудниками. Увидев меня, он начал мне объяснять, показывая какие-то телеграммы, что во всём виноват штаб фронта, не дававший ему никаких указаний о положении на фронте и просил меня доложить об этом великому князю.

Вина Главнокомандующего Северозападным фронтом генерала Жилинского в разгроме армии Ренненкампфа была, конечно, не малая и он за это был смещен. Но это нисколько не умаляло вины и самого генерала Ренненкампфа, который своим легкомысленным отношением к командованию армией, неумением поддерживать связь с своим соседом генералом Самсоновым и неумением организовать должную разведку, поставил свою армию в критическое положение.

***

Совсем иначе стоял вопрос высшего командного состава флота.

В течение ряда лет до войны во главе морского ведомства стоял безусловно самый выдающийся морской министр, какого Россия когда либо имела со времени Петра Великого — незабвенный адмирал Григорович.

Необыкновенно умный, прекрасно знающий свое дело, рыцарски благородный и честный человек, адмирал И. К. Григорович был замечательным знатоком людей и не боялся выдвигать на командные посты талантливых и заслуживающих того офицеров.

Окружив себя такими выдающимися сотрудниками, какими были начальник Морского Генерального Штаба адмирал А. И. Русин, помощник министра адмирал М. В. Бубнов и командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. Эссен, он неутомимо работал над воссозданием после войны с Японией русской морской силы, и в короткий срок до 1-ой мировой войны достиг таких результатов, которые история справедливо назвала чудодейственными.

Значительную долю в этих чудодейственных результатах история также справедливо приписывает командующему Балтийским флотом адмиралу Н. О. Эссену, герою Русско-японской войны, энергичному и умному начальнику, посвятившему всего себя подготовке вверенного ему Балтийского флота к войне, в чем адмирал И. К. Григорович и его помощники оказывали ему всестороннюю поддержку.

Идя по стопам знаменитых русских адмиралов Ушакова, Сенявина и Макарова, он создал в Балтийском море свою «Эссенскую» школу, из которой вышли такие выдающиеся начальники, какими были адмиралы: Колчак — впоследствии назначенный командующим Черноморским флотом; Непенин, бывший последним командующим Балтийским флотом и погибший на этом посту от руки наемного убийцы в начале революции; а также Трухачев, Кедров, Развозов и многие другие.

Сплоченные единством мысли и проникнутые возвышенным пониманием своего долга, эти выдающиеся люди, чуждые всякого карьеризма и прислуживания, согласной работой довели подготовку морской силы до такого совершенства, что она не только безукоризненно исполнила все задачи, поставленные ей планом войны, но послужила, в области артиллерии и минного дела, примером даже для английского флота.

Глава VI

ПЛАН ВОЙНЫ И НАШИ СОЮЗНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Свобода действий верховного руководства военными операциями, особенно в начале войны, неминуемо бывает ограничена рядом факторов, называемых французской военной наукой «servitudes», и вытекающих из: замысла плана войны, различных союзных и дипломатических обязательств, особенностей подготовки вооруженной силы к войне и внутренно-политической обстановки.

На трудном деле верховного руководства военными действиями наших вооруженных сил тяжелым бременем лежали и ограничивали его свободу: 1) несоответствие своему назначению части командного состава; 2) недоверие к великому князю со стороны престола и некоторых правительственных кругов; 3) обещание данное нами Франции, предпринять возможно скорее энергичное наступление против Германии; и 4) обнаружившийся с самого начала войны недостаток снабжения армии боевыми припасами.

Несмотря на чинимые ему препятствия, великому князю всё же удалось за время своего пребывания на посту Верховного Главнокомандующего, сменить не отвечающих своему назначению военных начальников и назначить на их места выказавших свои способности в начале войны генералов, так что в момент ухода великого князя со своего поста высшее командование армии значительно больше отвечало своему назначению чем то, которое великий князь застал во главе армии, принимая свой пост.

Но изменить к себе отношение престола и известных правящих кругов великому князю, несмотря на все предпринятые им с этой целью меры — о чем подробно было уже сказано выше — не удалось, и в конце концов эти всё ухудшавшиеся, не по его вине, отношения привели к его смене.

Не мог, конечно, великий князь освободиться и от данного Россией обещания своей союзнице Франции; так же бессилен был он изменить критическое положение снабжения боевыми припасами, ибо таковое явилось следствием преступной непредусмотрительности правительства и, в частности, военного министра генерала Сухомлинова, в деле подготовки армии к войне.

Так как вопросу снабжения боевыми припасами будет посвящена отдельная глава, мы здесь займемся лишь вопросом обязательств, взятых на себя Россией по отношению к своей союзнице.

**
*

Как известно в результате переговоров русского и французского Генеральных Штабов, имевших место после заключения Франко-русского союза, Россией было взято на себя обязательство выделить с самого начала войны значительные силы для энергичных действий против Германии, в целях облегчения положения на французском фронте.

Это обязательство шло, конечно, в ущерб выполнению первоначальной главной задачи русской стратегии, состоявшей в уничтожении австрийских армий, сосредоточившихся в Галиции с целью вторжения в Россию.

Обязательство это, разбрасывая наши силы по двум

расходящимся операционным направлениям, противоречило, конечно, основным требованиям стратегии о сосредоточенности максимума сил на главном операционном направлении и выделении лишь минимума сил на другие операционные направления.

Это обязательство послужило предметом жестокой критики нашего Генерального Штаба, давшего на него свое согласие, не только со стороны талантливого военного писателя генерала Головина, но даже со стороны и некоторых авторитетных французских военных писателей.

При этом генерал Головин стоит на точке зрения, что сосредоточением максимальных сил против Австрии и выделением лишь незначительного заслона против Германии, был бы быстро достигнут полный разгром австрийской армии, и этим был бы облегчен французский фронт, ибо Германия должна была бы подать помощь гибнущему своему союзнику, и срочно снять известное число сил с французского фронта для переброски их на Восток.

В действительности же, выделив значительные силы против Германии и, предприняв наступление по двум операционным направлениям, мы, хотя и решительно облегчили, ценой гибели Самсоновской армии, французскую армию, но сами лишились возможности нанести решительное поражение Австрии, вследствие чего война затянулась и привела Россию к гибели.

Эти рассуждения нельзя не признать, с точки зрения «отвлеченной стратегии», правильными.

Однако, в этом трудном вопросе может быть и иной ход мыслей, а именно: рассуждения генерала Головина могли бы привести к желанной цели, т. е. к победе коалиции Антанты над Тройственным Союзом, лишь в том случае, если бы немцы, не добившись еще решения на французском фронте, перебросили с него

значительные силы на Восток, для оказания помощи своей союзнице Австрии в критический для нее момент.

Но полной уверенности в этом у Генеральных Штабов Антанты быть не могло, ибо весьма возможно было предположить, что, несмотря на критическое положение своей союзницы, немцы не перебросят на Восток сколько-нибудь значительных сил, до тех пор пока не разгромят Францию и не принудят ее к капитуляции.

В этом случае, Россия, ослабленная большими потерями в борьбе с Австрией, оказалась бы после разгрома Франции один на один с Германией, понесшей правда тоже потери в борьбе с Францией, но относительно менее для нее чувствительные, нежели для России ее собственные потери, по причине значительно лучшего снабжения германской армии боевыми припасами и значительно более быстрой и полной мобилизации всех ее сил.

С другой стороны, как сие показал опыт всех минувших войн, Германия при выдержке характера, могла бы добиться капитуляции Франции в значительно более короткий срок, чем этого могла бы добиться Россия по отношению к Австрии, ибо на пути русской армии к жизненным центрам Австрии, лежали труднопроходимые Карпаты, которые эти центры прикрывали, тогда как на пути германской армии к жизненным центрам Франции, после разгрома ее армии на фронте, препятствий не было никаких.

Сколь же на самом деле оказались для нас труднопроходимыми Карпаты и сколь громадны были наши потери в Галиции, особенно принимая во внимание острый недостаток боевых припасов, ясно показал опыт войны.

Поэтому риск остаться даже после поражения нами австрийской армии, один на один с германской армией был бы для нас слишком велик и был бы чреват катастрофой.

Значит не только в интересах Франции, но и в наших собственных интересах было не допустить разгрома ее Германией.

Для этого необходимо было бы оказать Франции возможно более энергичную поддержку, которая могла быть достигнута в значительно большей мере непосредственным давлением на Германию, нежели разгромом австрийской армии, которым Германия, при выдержке характера могла бы пренебречь.

Опыт войны и показал, что именно непосредственное давление наше на Германию в Восточной Пруссии спасло Францию от разгрома.

Насколько же велика была вероятность, что Германия могла бы пренебречь, во имя разгрома Франции, критическим положением Австрии, ясно видно из того, что после войны все военные авторитеты, даже в самой Германии, поставили в большую вину германскому верховному командованию отсутствие выдержки характера при нашем вторжении в Восточную Пруссию, выразившуюся в переброске двух корпусов на наш фронт, чем Франция и была спасена.

Если сами немцы считают, что было возможно пожертвовать, во имя разгрома Франции, Восточной Пруссией — этим центром германского милитаризма и политико-экономической ее мощи — то что же говорить о возможном влиянии на германскую стратегию потери Австрией Галиции или угрозы вторжения наших войск в Венгрию через Карпаты?

Не подлежит сомнению, что такая постановка вопроса служила предметом обсуждения нашего и французского Генеральных Штабов перед войной, и отразилась на составлении нашего плана войны.

При этом Франция несомненно настаивала на возможно более энергичном давлении с нашей стороны на Германию, зная по собственному горькому опыту

войны 1870 г. выдержку характера немецкого командования и не зная, конечно, что у фактического верховного руководителя всеми будущими операциями Германии Мольтке-младшего, окажется в предстоящей войне неизмеримо меньше твердости характера, чем у его знаменитого дяди в 1870 году.

К тому же было еще одно обстоятельство, которое указывало на необходимость усиления давления на Германию и заставляло нас еще более ее опасаться: незадолго до войны было обнаружено, что мощь германской армии значительно больше, чем это предполагалось. Из одного немецкого документа, добытого агентурным путем, вытекало, что военный состав германской армии, после полной мобилизации, будет почти на 30% больше, чем наш и французский Генеральные Штабы предполагали.

Данные этого документа показались в первый момент столь невероятными, что Главное Управление Генерального Штаба усомнилось в его подлинности, тем более, что в нем было предусмотрено применение воздушных кораблей типа «Цеппелин» для военных целей; а сие показалось уже фантастическим, ибо никто не мог поверить, что германская техника шагнула столь далеко вперед.

Так как в этом документе были приведены так же данные, касающиеся боевого развертывания германского флота, Главное Управление Генерального Штаба, для проверки его подлинности, запросило мнение Морского Генерального Штаба об этих данных, каковые были найдены последним отвечающим действительности.

В конце концов после всестороннего рассмотрения этого документа, пришлось придти к заключению, что приведенные в нем данные о мощи германской армии могут быть правдоподобны.

Не подлежит, конечно, сомнению, что все вышеприведенные соображения о германской стратегии были подвергнуты всестороннему обсуждению на совещаниях Генеральных Штабов, причем были учтены новые данные о вероятной мощи германской армии, что в конечном итоге и отразилось на последнем варианте нашего плана войны.

План этот был значительно более осторожный, чем план, выдвигаемый сторонниками так называемой «милютинской стратегии», во главе которой стоял генерал Головин, подвергший после войны наш осторожный план и особенно его составителя генерала Ю. Н. Данилова острой, но по моему скромному мнению, — неосновательной критике.

Генерал Головин, придерживаясь идеи милютинской стратегии конца прошлого столетия, считал, что мы должны были бы сосредоточить почти все свои силы для разгрома австрийской армии, выдвинув против Германии лишь заслон, и убедить при этом Францию, что разгромом австрийской армии достигается облегчение французского фронта столь же успешно, как сие было бы достигнуто непосредственным давлением с нашей стороны на Германию.

Что произошло бы, если бы германское верховное командование проявило «твердость характера» и, после уничтожения Франции, набросилось бы с значительно превосходящими силами на нашу армию, ослабленную большими потерями в боях с австрийцами и не вполне еще закончившую свою мобилизацию — генерал Головин не учитывает.

Между тем наш «осторожный» план, учитывавший и эту возможность, на опыте доказал свое полное соответствие с обстановкой, ибо, не будь недостатка боевых припасов и революции, мы, действуя по этому

плану, несомненно, вместе с нашими союзниками, окончательно разгромили бы Германию и всех ее союзников.

***

Согласно замыслу нашего плана войны, разработанного после совещания с французским Генеральным Штабом, давление на Германию должно было бы быть осуществлено: во-первых вторжением в Восточную Пруссию и занятием ее до нижнего течения Вислы, а затем наступлением в операционном направлении Познань-Берлин.

Для осуществления первой из этих задач предназначались I-я и II-я армии, которые должны были перейти в наступление тотчас же после начала войны, а для второй задачи — наступления на Берлин — предназначалась IX армия, сосредоточившаяся в районе Варшавы и долженствовавшая согласовать свои действия с результатами операций первых двух армий в Восточной Пруссии.

Нельзя, однако, не признать и не согласиться в этом с генералом Головиным, что последний из этих способов давления на Германию — то есть наступление на Берлин с теми силами, которыми мы могли бы для сего в начале войны располагать — был весьма рискован и имел скорее — в данной обстановке, — авантюристический, чем методический и стратегический характер.

Но именно этому операционному направлению французы придавали в вопросе о давлении на Германию наибольшее значение, считая его наиболее действенным, и с самого начала войны, всеми путями воз-

действовали на Государя, на наше правительство и на великого князя в том смысле, чтобы мы развили, возможно скорей, наши операции в этом направлении; причем в дни кризиса на французском фронте эти воздействия приняли чрезвычайно нервный и настоятельный характер.

Вступая в должность Верховного Главнокомандующего, великий князь, конечно, во всех подробностях ознакомился с планом войны и точно знал о взятых нами на себя обязательствах по отношению к нашей союзнице — Франции.

О коренном изменении плана войны, из которого вытекает план перевозок для сосредоточения, не могло бы, конечно, быть и речи, но и помимо этого в рыцарски благородной душе великого князя не могла бы даже зародиться мысль о том, чтобы уклониться от взятых на себя Россией обязательств.

Великий князь не мог не знать о предназначении IX армии, сосредоточившейся в районе Варшавы, тем более, что мы все, прикосновенные к оперативной работе в штабе, это знали.

Поэтому очень странным кажется нам утверждение генерала Головина в его труде: «Дни перелома Галицийской битвы» о том, будто бы великий князь этого не знал и будто бы Ставка «маскировала» (!) ему — по собственному выражению генерала Головина — это назначение, давая этой армии значение лишь стратегического резерва.

Если бы это было действительно так, надо было бы думать, что великий князь лишь номинально исполнял свою высокую обязанность, и что Штаб, а в частности генерал Ю. Н. Данилов — «втирал ему, — грубо говоря, — очки».

Мы, бывшие сотрудники великого князя, можем

категорически утверждать, что это ни в коем случае не могло иметь места.

И не только потому, что великий князь непосредственно и фактически руководил военными действиями и лично входил во все подробности оперативной работы, — чему сам генерал Головин приводит в своем труде показательный пример и о чем будет сказано ниже, — но и потому, что, зная его характер, никто бы никогда не осмелился что-либо от него скрывать или что-либо ему «маскировать».

Но, и помимо этого, генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов столь глубоко почитал великого князя и между ними были столь доверчивые отношения, что благородному Ю. Н. Данилову никогда ничего подобного не могло бы даже придти в голову.

Лишним доказательством того, что великий князь знал о назначении войск, сосредотачивавшихся в районе Варшавы, является приведенный самим же генералом Головиным факт повеления Государя великому князю ускорить начало наступления в операционном направлении на Берлин, каковое явилось следствием данного Государем французскому послу Палеологу обещания в ответ на настоятельные просьбы французского правительства оказать более энергичное давление на Германию.

Весьма вероятно, что великий князь отрицательно относился к возможности успешного развития наступательных действий в этом операционном направлении, но, не наступи критический момент на нашем Галицийском фронте, потребовавший его решительного вмешательства — вряд ли бы он уклонился от более энергичного давления на Германию, в согласии с данным Россией и подтвержденным Государем обещанием.

**
*

По получении в Ставке известия о катастрофе армии генерала Самсонова, великий князь, сознавая опасность создавшегося положения, тем более, что на правом фланге галицийской битвы мы к тому времени не могли еще добиться решительного успеха, отдает приказ перебросить к этому фронту два корпуса из состава войск, группировавшихся в районе Варшавы.

Этим актом верховного командования, предпринятым великим князем по личному почину, невзирая на повеление Государя и давление на него представителей Франции, был в 2-х дневный срок достигнут решительный успех в ходе галицийской битвы и миновала опасность, созданная поражением армии генерала Самсонова.

Это ясно показывает, как великий князь решительно руководил военными действиями, не поддаваясь ничьему влиянию и давлению и принимая в критические минуты, по собственному почину меры, вызываемые требованиями обстановки и имеющие целью облегчить, невзирая ни на что, успех нашему оружию.

Впрочем, к этому моменту наступление наше на Восточную Пруссию и жертва армии Самсонова оказала уже желанное влияние на французский фронт, ибо Мольтке-младший, не выдержав характера и, не добившись на этом фронте успеха, перебросил в Восточную Пруссию два корпуса, сняв их к тому же с самого опасного для французов своего правого, обходящего фланга.

Таким образом отказ от развития наступательных

действий в определенном направлении на Берлин, после переброски части войск из района Варшавы в Галицию, не мог иметь отрицательного влияния на обещание наше Франции оказать ей поддержку давлением на Германию, ибо это обещание было в достаточной мере выполнено нашим давлением на Восточную Пруссию, стоившим нам столь тяжелых жертв.

Глава VII

КАТАСТРОФА АРМИИ ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА

Вскоре после первоначальных успехов армии генерала Ренненкампфа в Восточной Пруссии разразилась страшная катастрофа армии генерала Самсонова.

Эта катастрофа чрезвычайно тяжко отразилась на настроении великого князя и его Штаба, и никакие наши последующие успехи в Галиции не могли сгладить наложенный ею тяжелый отпечаток на ожидания и предположения верховного командования.

Дабы, елико возможно, ослабить губительное влияние этой катастрофы на дух армии и народа, Ставкой были приняты меры, чтобы скрыть ее размеры и условия, при которых она произошла.

Но само верховное командование ясно отдало себе отчет о тех тревожных выводах из этой катастрофы, как яркой молнией осветившей крупные недостатки в подготовке нашей армии к войне.

Изучение причин этой катастрофы привело Штаб Верховного Главнокомандующего к ряду печальных заключений.

Прежде всего выяснилась полная несостоятельность и неподготовленность большинства военных начальников к оперативному руководству крупных войсковых соединений.

Главнокомандующий Северозападным фронтом генерал Жилинский не отдавал себе ясного отчета в стратегической обстановке в Восточной Пруссии и не

принял соответствующих мер для объединения действий армий генерала Самсонова и Ренненкампфа.

Этим, как уже было выше сказано, генерал Ренненкампф объяснял свое бездействие во время наступления армии генерала Самсонова, бездействие, которое общественное мнение назвало преступным и усмотрело в нем даже признаки измены, ибо, главным образом, благодаря этому бездействию, немцам удалось нанести столь тяжелое поражение армии Самсонова.

Известная доля вины в этом бездействии, падавшая на генерала Жилинского, не освобождала, однако, генерала Ренненкампфа от ответственности за непроявление инициативы, пассивность, неумение оценить обстановку и недостаточное стремление к установлению оперативной связи с армией генерала Самсонова, в результате чего Гинденбург, оставив перед целой его армией одну лишь кавалерийскую завесу, беспрепятственно сосредоточил все свои силы против армии генерала Самсонова.

Бездействию армии генерала Ренненкампфа много способствовала, конечно, невероятная его метода командования армией и хаос, царивший в его штабе.

Однако, генерал Ренненкампф не был тогда же сменен, отчасти вследствие его настойчивых ссылок на вину генерала Жилинского, отчасти вследствие симпатий, которыми он пользовался в придворных кругах и отчасти вследствие опасения, как бы его немедленная смена не послужила подтверждением слухов об его измене, тем более, что он носил немецкую фамилию.

Дальнейшее изучение причин катастрофы Самсоновской армии выяснило, что генерал Самсонов в самый критический момент совершенно выпустил из рук оперативное руководство армией.

Не имея почти никаких сведений о противнике,

вследствие плохо организованной армейской разведки и, расходясь во мнениях о ведении операций не только с главнокомандующим фронта, но и с собственным своим начальником штаба, он, когда его присутствие в штабе армии было особенно необходимо, отправился на фронт, предоставив начальнику штаба оперативное руководство армией.

Вследствие этого начальник штаба, не пользовавшийся достаточным авторитетом у командиров корпусов, входивших в состав армии, лишился возможности прибегать для принятия быстрых оперативных решений, к авторитету уехавшего на фронт командующего армией, сношения с коим часто прерывались по причине плохо налаженной связи и постоянных его перемещений с места на место.

Между тем в той обстановке, в которой происходило наступление армии генерала Самсонова, от быстроты оперативных решений командования армией зависел не только успех наступления, но и безопасность самой армии: — корпуса армии, расходясь веером и постепенно ослабляя между собой оперативную связь, быстро подвигались вперед навстречу неизвестно где находящемуся и что-то предпринимающему противнику; в таких условиях в любой момент могли внезапно создаться такие критические положения, из коих армия могла бы быть выведена без катастрофы лишь быстро действующим и твердым оперативным руководством.

Для этого, конечно, было прежде всего необходимо постоянное, ежеминутное присутствие командующего армией в своем штабе, чем достигалось бы быстрое принятие решений.

Оторвавшись же от своего штаба и переместившись на один из участков фронта, генерал Самсонов утратил возможность лично влиять на общий ход опе-

раций и оказался, в конце концов, в штабе одного из своих корпусов беспомощным зрителем разгрома вверенной ему армии, что и привело его к трагическому решению покончить с собой.

Между тем корпуса, полагаясь на оперативное руководство командования армией и на армейскую разведку, быстро двигались вперед, часто утрачивая связь с штабом армии и с соседями, по причине некоторого недостатка средств связи, а главным образом вследствие неумения эту связь организовать. Не ведя впереди себя дальней разведки, они шли вслепую, как обреченные, прямо в пасть неприятелю.

Весь трагизм этой картины командования и оперативного руководства Самсоновской армии усугублялся тем, что штабы некоторых войсковых частей, стремясь с помощью беспроволочного телеграфа восстановить утраченную связь, посылали депеши с точным указанием своих мест и оперативных предположений открыто без шифровки, а это, как ныне известно, в значительной мере содействовало окружению и разгрому немцами Самсоновской армии.

С помощью беспроволочного телеграфа был обнаружен крупный недостаток в подготовке войск к использованию современных боевых средств и низкий интеллектуальный уровень тех, кто ими пользовался.

При выяснении причин разгрома Самсоновской армии Ставкой было обращено особое внимание на действия командира 1-го армейского корпуса генерала Артамонова, того самого, карьера коего была основана на ханжестве, хвастовстве и низкопоклонстве.

Этот лево-фланговый корпус армии генерала Самсонова играл чрезвычайно важную роль в ее наступательной операции, так как, помимо защиты ее фланга, представлял точку опоры всего ее маневра.

Войдя в соприкосновение с противником, не превосходящим его в силах, генерал Артамонов совершенно растерялся в боевой обстановке, и, несмотря на то, что эта обстановка была ему благоприятна, оттянул без всяких оснований весь свой корпус на целый переход назад, не предупредив своевременно об этом ни штаб армии, ни своего соседа.

Этим он внезапно обнажил фланг армии и дал немцам широкую возможность пройти в глубокий тыл, ушедших далеко вперед ее главных сил.

После Самсоновской катастрофы он был уволен со службы, хотя по справедливости его нужно было бы отдать под суд, как того хотел великий князь Николай Николаевич.

Помимо вышеприведенной безотрадной картины командования и оперативного руководства, выяснился также недостаток стойкости некоторых войсковых частей под огнем немецкой тяжелой артиллерии, чему, конечно, в значительной мере способствовало почти полное отсутствие у нас соответствующей артиллерии, могущей с этой немецкой артиллерией успешно бороться.

Единственным утешительным фактом, установленным при изучении катастрофы армии генерала Самсонова, было геройское самопожертвование и безукоризненное исполнение своего долга низшим офицерским составом, во главе с командирами полков и батарей.

Таким образом изучение причин катастрофы армии генерала Самсонова выяснило неспособность большинства высших военных начальников, недостаточное ведение разведки, неумение поддерживать связь и пользоваться для этого новейшими техническими средствами, хаотические методы командования и неудовлетворительную организацию оперативного руко-

водства войсками в штабах высших войсковых соединений.

По выяснении этого Штабом Верховного Главнокомандующего были изданы инструкции и приняты решительные меры к устранению обнаруженных крупных недостатков, и в дальнейшем ходе военных действий эти недостатки больше не повторялись.

Глава VIII

ВЕРХОВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Своим решением перебросить два корпуса из состава войск, сосредоточенных в районе Варшавы, на правый фланг Югозападного фронта, великий князь обеспечил нам победу в Галицийской битве, следствием чего было поспешное отступление австрийской армии из Галиции за Карпаты.

Во время этого отступления австрийцы потеряли сотни тысяч пленными, тысячи орудий, неисчислимое количество боевых запасов и принуждены были сдать нам, после сравнительно короткой осады, первоклассную крепость Перемышль.

Однако, это отступление не повлекло за собой полного разгрома австрийцев, как то предполагалось замыслом нашего плана войны, не столько вследствие порочности этого плана — как утверждает генерал Головин — сколько вследствие неподчинения командования 3-ей армией Югозападного фронта в критический момент Галицийской битвы оперативным указаниям штаба фронта.

Дело в том, что в то время, как Галицийская битва на северном своем фасе, где оперировала главная масса австрийских войск, достигла своего максимального напряжения, штаб фронта указал 3-ей армии, наступавшей в западном направлении с целью занятия главного города Галиции Львова, оставить против Львова заслон и переменить направление наступления на северо-

запад, с тем, чтобы выйти в тыл австрийцам, упорно сражавшимся на северном — главном — фасе битвы.

Вследствие болезненного состояния командующего 3-ей армией генерала Рузского, оперативное руководство армией находилось в руках ее начальника штаба генерала Драгомирова и генерал-квартирмейстера полковника Бонч-Бруевича, того самого Бонч-Бруевича, который после захвата власти большевиками сыграл столь гнусную роль при ликвидации Ставки.

Генерал Драгомиров считал, что главная цель армии — занятие сильно укрепленного, по мнению штаба армии, — Львова, для чего упорно группировал на Львовском направлении главные силы своей армии, оставаясь глухим к указаниям штаба фронта о перемене наступления армии в северозападном направлении.

В этом генералу Драгомирову усердно помогал полковник Бонч-Бруевич, роль коего в этом была в высшей степени подозрительна. А именно, он по собственному почину остановил движение армии вперед как раз в тот момент, когда от быстрого ее наступления зависел исход сражения на северном фасе Галицийской битвы.

Призванный к ответственности он объяснил свое распоряжение недоразумением. Но время было потеряно и австрийцам удалось поспешным отступлением с северного фаса избежать катастрофы, которая им угрожала со стороны 3-ей армии, будь она в руках другого командования.

Остановка в наступлении 3-ей армии вызвала со стороны Верховного Главнокомандующего повеление немедленно продолжать движение вперед; этим было ускорено отступление австрийцев, сопряженное для них с огромными потерями.

Это также показывает сколь внимательно и мудро следил Верховный Главнокомандующий за развитием операций и сколь целесообразно было его руководство ими.

Случай этот показал, помимо недостатка так называемой «оперативной дисциплины» у некоторых высших начальников, также и недостаток в разведывательной работе при подготовке к войне.

Дело в том, что наш Генеральный Штаб считал Львов первоклассной крепостью с соответствующим гарнизоном; поэтому командование 3-й армии считало необходимым для его занятия группировать на Львовском направлении не только все свои силы, но стремилось притянуть на это направление часть сил соседней 8-й армии.

По этой причине командование 3-ей армией весьма неохотно и лишь с замедлением реагировало на указания штаба фронта о выделении значительных сил для действий в северозападном направлении и лишь после повторного категорического приказания двинуть армию в этом направлении исполнило это приказание.

Однако, при исполнении этого приказания обнаружилось, что Львов не только не крепость, но что в нем вообще не было никакого гарнизона, так что его, — к своему собственному удивлению и к удивлению штаба армии — заняла совершенно незначительная наша войсковая часть. Всё это лишний раз доказывает, какое пагубное влияние на ход операций может иметь предвзятое представление о противнике, основанное на ошибочных или недостаточных данных разведки мирного времени, ибо задержка у Львова уменьшила размер нанесенного нами противнику поражения в Галиции, каковое при своевременном выходе 3-ей армии в тыл австрийцев могло бы обратиться для них в полную катастрофу.

**
*

После нашей победы в Галицийской битве великий князь непрестанно настаивал на том, чтобы преследование отступавших из Галиции австрийцев, велось самым энергичным образом и в этом смысле Ставкой отдавались войскам Югозападного фронта многочисленные и неотступные повеления.

И надо сказать, что войска в максимальной мере отозвались на эти повеления Верховного Главнокомандующего и, не щадя своих сил, без отдыха преследовали отступающего противника.

Однако, несмотря на огромные потери, части отступавшей австрийской армии удалось достигнуть Карпат и укрепиться в их проходах.

Но несмотря на повторные наши попытки овладеть этими проходами и ворваться в Венгрию, нам это не удалось, отчасти вследствие трудной проходимости этих проходов, особенно в осеннее и зимнее время, отчасти вследствие крайнего утомления наших войск после продолжительного преследования, а главным образом вследствие того, что в это время начало уже обнаруживаться грозное и чреватое страшными для нас последствиями явление, — недостаток боеприпасов, — принудивший верховное командование отдать распоряжение: «беречь патроны».

**
*

В верховном руководстве Галицийской битвой великий князь проявил крайнюю решимость, настойчи-

вость и неуклонное стремление к достижению цели. Он сделал всё, что можно было сделать в той обстановке войны, в которой Галицийская битва разыгралась.

Эта обстановка была значительно затруднена обязательством поддержать нашу союзницу Францию, вследствие чего планом войны были выделены против австрийской армии сравнительно скромные силы, особенно на правом главном фланге нашего Югозападного фронта; вместе с тем в критический момент Галицийской битвы на общую обстановку тяжелым бременем легла катастрофа армии генерала Самсонова и, наконец, несоответствие своему назначению командования 3-ей армией не дало нам возможности нанести австрийцам решительное поражение.

Своими целесообразными и решительными указаниями великий князь, елико возможно, поправил эти недостатки и обеспечил нам максимум успеха, который в этой обстановке можно было получить. И военное отличие орденом св. Георгия 2-й степени за победу в Галицийской битве было лишь скромным воздаянием его заслуг в деле верховного командования и руководства военными действиями.

Но вместе с тем, нельзя не отметить, что это трудное дело было ему значительно облегчено доблестью и безграничной жертвенностью наших войск.

***

После того, как было во Франции на Марне остановлено немецкое наступление, главным образом благодаря мощному нашему содействию давлением на Германию, приведшему к гибели армии генерала Самсонова, немцы приступили к переброске с французско-

го фронта нескольких корпусов на наш фронт для оказания помощи австрийской армии.

Сосредоточив в короткий срок, благодаря чрезвычайно развитой своей железнодорожной сети, довольно значительные против нас силы, они в середине сентября, когда еще не вполне было закончено наше сосредоточение, так как сибирские войска еще не прибыли на фронт, перешли в энергичное наступление на нашем фронте.

Наступление их развивалось в трех оперативных направлениях: в области Мазурских озер в восточном направлении к реке Неману; из Восточной Пруссии в южном направлении к Буго-Наревскому фронту и из Западной Пруссии в юговосточном направлении к Варшаве.

Наступление немцев имело для нас угрожающий характер, как потому, что его направления могли вывести их в глубокий тыл всего нашего Югозападного фронта, так и потому, что наше сосредоточение на Северозападном фронте, как сказано выше, не было еще закончено.

Сразу же на всех трех направлениях немецкого наступления, к которому вскоре присоединилось еще и четвертое из района Познани на восток к Варшаве и Ивангороду, положение сделалось для нас критическим.

На первом из этих направлений после упорных боев в области Мазурских озер мы были отброшены на линию реки Немана, которую немцам, однако, не удалось перейти благодаря поддержке, которую оказали, подоспевшими в последнюю минуту подкреплениями, наши крепости Ковно и Гродно.

Более опасным было для нас немецкое наступление на Буго-Наревский фронт, особенно в части его, примыкающей к правому берегу Вислы, ибо, при успехе

оно давало возможность немцам отрезать весь Привисленский край со всеми нашими войсками, оперировавшими за Вислой и на левом ее берегу.

Поэтому немцы, сосредоточив на этом направлении весьма крупные силы, упорно добивались успеха повторными массовыми атаками. Временами положение — особенно в части фронта, прилегающей к Висле, — делалось для нас критическим, но, к счастью, подоспевшими на этот участок доблестным сибирским корпусам удалось, ценою громадных потерь и истинного геройства, остановить немецкое наступление и окончательно закрепить за нами этот опасный фронт.

На Зависленском фронте, особенно на правом его участке, прилегавшем к Висле, где оперировали главным образом конные наши части, положение сейчас же, после начала немцами наступления из западной Пруссии и из района Познани, сделалось для нас весьма тяжелым.

Крупные немецкие силы, наступавшие в этом направлении, без затруднения отбросили сравнительно незначительные наши силы, и быстро развили наступление к Варшаве, с целью захвата варшавских мостовых переправ для переброски своих войск на правый берег Вислы и выхода в тыл упорно сопротивлявшихся наших корпусов на Буго-Наревском фронте.

Наступление немцев на этом направлении было столь стремительным, что некоторые наши части начали даже отходить через варшавские мосты на правый берег Вислы, так что появилась опасность потери для нас варшавской переправы.

Однако, энергичным вмешательством Верховного Главнокомандующего и своевременной переброской на этот участок фронта стратегических резервов, удалось и здесь остановить немецкое наступление, сохранив на

левом берегу Вислы обширный тэт-де-пон со значительным плацдармом для развертывания войск на этом берегу.

Именно тут и родилась легенда о том, что великий князь, стоя на варшавском мосту и физически расправляясь с высшими войсковыми начальниками, лично остановил отступление и обеспечил за нами варшавскую переправу.

Столь же опасным было для нас наступление значительных сил противника на фронт Варшава-Ивангород, так как это наступление было оперативно согласовано с действиями австрийских войск на правом берегу Вислы в западной Галиции.

Это наступление имело целью завладеть переправами через Вислу в Ивангороде и, перебросив значительные немецкие силы на правый берег Вислы, ударить в тыл нашего фронта в Западной Галиции, чтобы вырвать из наших рук достигнутую нами в Галицийской битве победу.

Сколь важное значение придавало немецкое верховное командование действиям на этом направлении видно по тому, что оно сейчас же после катастрофы армии генерала Самсонова доверило руководство действиями на этом направлении Гинденбургу и Людендорфу, поставив их во главе имевшей действовать на этом направлении 9-ой германской армии.

Для нас тяжесть действия на этом направлении усугублялась не только тем, что все наши силы были сосредоточены в районе Варшавы и на Буго-Наревском фронте, так что на этом направлении остались слабые второочередные части, но еще и тем, что незадолго перед войной Ивангородская крепость, защищавшая переправы через Вислу, была разоружена и верки ее были частично разрушены.

Разоружение Ивангородской, равно как и Варшавской крепости, последовало в связи с перенесением в начале столетия нашего стратегического развертывания из зависленской Польши в районы правого берега Вислы и отказа нашего от развития с началом войны наступательных операций в зависленской Польше, что было основным замыслом милютинской стратегии.

Отказ же наш от этой стратегии и принятие более осторожного замысла войны, основанного на развертывании в области правобережной Польши, с опорой на крепость Брест-Литовск, явился следствием нашего ослабления в войне с Японией и сильным ростом германской военной мощи.

Однако, тотчас же после начала войны Верховный Главнокомандующий обратил внимание на то, сколь важное значение будут иметь Ивангородские мостовые переправы при развитии нашего наступления в Западной Галиции, и принял решение восстановить, елико возможно, боеспособность верков упраздненной крепости Ивангород, с тем, чтобы воспрепятствовать или во всяком случае затруднить немцам овладение этой переправой.

Эта задача была возложена на одного из самых талантливых и энергичных наших военных инженеров, полковника Шварца. Этот замечательный человек работал денно и нощно, творил буквально чудеса и привел в кратчайший срок запущенные и разрушенные верки Ивангородской крепости в такое состояние, что, опираясь на нее, сравнительно незначительные наши войсковые части не только оказали успешное сопротивление немцам, но даже отбросили их назад.

Таким образом благодаря твердости характера и хладнокровию верховного командования, благодаря целесообразному введению в дело стратегических резервов, благодаря мудрому решению о восстановлении боеспособности Ивангородской крепости, а также бла-

годаря доблести, особенно сибирских войск, нам удалось совершенно остановить так называемое «осеннее» немецкое наступление в Польше, имевшее целью облегчить критическое положение австрийской армии в Галиции, и немецкие войска принуждены были, не достигнув в Польше поставленной ими цели, отойти назад к своей государственной границе.

***

Наши войска последовали за отступавшим из Польши противником и, достигнув государственной границы, остановились, выжидая результата предпринятой нами операции для укрепления крайнего нашего правого фланга в районе реки Немана.

Операция эта увенчалась полным успехом и нам даже удалось вновь занять часть области Мазурских озер и Восточной Пруссии. Этому нашему успеху много способствовало то обстоятельство, что немецкое командование после своего неуспеха в Польше предприняло перегруппировку своих сил для нового наступления в Польшу, и с этой целью перебросило часть своих сил из Восточной Пруссии в район Познань-Торн.

В этом районе сосредоточилась ударная группа в 5½ корпусов, которая вскоре была усилена несколькими корпусами, переброшенными с французского фронта. Эта ударная группа в начале ноября месяца неожиданно перешла в энергичное наступление в юго-восточном направлении, имея целью выйти во фланг и тыл всего нашего расположения в Польше.

Наши части, застигнутые врасплох, начали быстро отходить и вскоре три зарвавшихся вперед немецких корпуса достигли Лодзи, которую наши части собира-

лись уже очистить. Но эти части были решительным повелением Верховного Главнокомандующего задержаны в Лодзи, для сохранения ее в наших руках, пока не закончится, задуманная нами операция с целью окружения этих зарвавшихся у Лодзи немецких корпусов.

«Этим повелением, — говорит Людендорф в своих воспоминаниях, — был нам нанесен железной волей великого князя большой ущерб».

И действительно, не прояви генерал Ренненкампф, которому было поручено с его войсками закрыть северный выход из окружения полнейшей неспособности и бестолковости, немцы, в результате этой блестяще задуманной и твердой волей великого князя проведенной операции, потерпели бы катастрофическое поражение с пленением нескольких их корпусов. Благодаря же бездарности генерала Ренненкампфа, который за это, наконец, был уволен со службы, окруженные немецкие корпуса — хотя и с большими потерями — но всё же у Бржезян вырвались из окружения и присоединились к своей армии.

С душевным трепетом следя за развитием Лодзинской операции, мы в Ставке были настолько уверены в ее полном успехе, что начальникам военных сообщений было уже сделано распоряжение о подаче к Лодзи поездных составов для вывоза массы будущих немецких пленных.

Лодзинской операцией закончилось так называемое «зимнее» наступление немцев в Польше, в котором они, так же, как и в «осеннем» своем наступлении, не достигли поставленной себе цели.

После этого обе стороны окопались и до весны военные действия в Польше носили позиционный характер с боями лишь местного значения.

***

После вторичного неуспеха своего наступления в Польше, немцы решили вновь сделать попытку нанести нам удар восточнее реки Вислы, с целью отрезать Польшу и выйти, таким образом, в глубокий тыл сосредоточенных там наших главных сил.

Для этого они в начале 1915 г. значительно усилили свою армию в Восточной Пруссии переброшенными с французского фронта корпусами, и в начале февраля перешли в энергичное наступление из района Мазурских озер в направлении к реке Неман и на Буго-Наревском фронте в направлении к реке Бобр.

В результате упорнейших и кровопролитнейших боев, длившихся целых два месяца, немцы, не достигнув поставленной себе цели, принуждены были и здесь отказаться от продолжения своего наступления.

Во время этого немецкого наступления наши сибирские корпуса, занимавшие особенно важный в стратегическом отношении участок Буго-Наревского фронта, примыкавший к правому берегу Вислы, покрыли себя неувядаемой славой в боях под Праснышем, где не только отстояли свои позиции перед упорными и длительными атаками превосходящих сил противника, но и принудили его к отступлению.

Столь же успешно было оказано нами сопротивление на остальном Буго-Наревском фронте главным образом благодаря тому, что этот фронт опирался на крепость Осовец, которую немцам, несмотря на жестокие бомбардировки и повторные атаки, не удалось взять.

Менее благоприятно развились для нас операции на крайнем нашем правом фланге; здесь мы были вновь отброшены из области Мазурских озер и, после ожесточенной борьбы в Августовских лесах, где мы потерпели громадные потери, были прижаты к реке Неману. Однако, подоспевшими подкреплениями, вышедшими из оставшейся в наших руках крепости Гродно, положение и на этом фронте было в известной степени восстановлено и упрочено.

Хотя во время этих наступательных операций немцев положение неоднократно становилось чрезвычайно напряженным, и мы в Ставке переживали иногда тревожные дни, однако, наше верховное командование так же, как и в прежних операциях, сохраняло полное хладнокровие и твердость духа, и мудрым расходованием своих стратегических резервов привело эту борьбу к благоприятному для нас окончанию.

**
*

В то время, как на нашем Северозападном фронте развивались вышеописанные немецкие наступательные операции, имевшие в конечном итоге цель облегчить катастрофическое положение Австрии, армии нашего Югозападного фронта продолжали свои операции в Карпатах, хотя и в значительно сокращенном объеме, вследствие тяжелых условий зимнего времени и крайнего утомления войск.

Между тем немецкое верховное командование считало положение австрийских войск в Карпатах, несмотря на переброску им в помощь нескольких корпусов с французского фронта, непрочным, и опасалось, что нашим войскам всё же удастся весной прорваться через Карпаты и принудить Австрию к капитуляции.

Во избежание сего немецким верховным командованием было принято решение перейти к позиционной войне на французском фронте и приступить к массовой перевозке войск на Восток, с целью генерального наступления на нашем фронте.

Это решение совпало с самым трагическим для нас моментом всей войны, когда боеспособность нашей армии была значительно уменьшена громадными потерями кадрового состава и когда были исчерпаны почти все наши боеприпасы.

Сосредоточенная под командой генерала Макензена в районе Кракова мощная ударная армия, составленная из корпусов, переброшенных с французского фронта, перешла 9 мая 1915 года в стремительное наступление и глубоко пробила наш фронт в Западной Галиции, после чего началось общее наше отступление, продолжавшееся три месяца, во время которого мы принуждены были очистить всю Галицию, Польшу и Курляндию, потеряв при этом все свои крепости.

Будь в это время во главе русских войск самый великий военный гений, он был бы бессилен остановить это отступление, так сильно упала в это время боеспособность нашей армии: наше верховное командование, как раз в это время принуждено было отдать распоряжение не расходовать в день более пяти (!) снарядов на орудие, а десятки тысяч запасных, присланных на пополнение потерь, не имели ружей.

Но несмотря на это и несмотря на огромные потери во время отступления, наши войска, проявляя безграничную доблесть в арьергардных боях, отходили в порядке плечо к плечу, не теряя связи друг с другом, и немцам, по собственному их признанию, не удалось достигнуть поставленной себе цели, а именно уничтожения русской военной мощи и капитуляции России.

А сие следует, помимо доблести войск, в значительной мере приписать хладнокровию и твердости воли нашего Верховного Главнокомандующего в эти трагические для нас месяцы.

В начале августа немецкое наступление «выдохлось», фронт стабилизировался, наши измученные войска окопались и начали залечивать свои тяжелые раны.

При таком замечательном нашем верховном командовании, каковым оно было при великом князе Николае Николаевиче, и при такой доблести наших войск, можно себе представить сколь благоприятно и быстро могла бы закончиться для нас борьба на нашем фронте, будь снабжение нашей армии боеприпасами широко обеспечено и будь дело их пополнения в должной мере организовано.

Глава IX

НЕХВАТКА БОЕВЫХ ПРИПАСОВ

С первых же дней войны особенное внимание обратил на себя огромный расход боевых припасов, особенно артиллерийских снарядов, и это сильно озаботило верховное командование.

Немедленно было приступлено к выяснению возможности их пополнения и вскоре в этом вопросе, имевшем основное значение для ведения войны, обнаружилась весьма тревожная картина.

Оказалось, что даже те, более чем скромные, нормы боевых запасов, кои были намечены планами военных заготовок, составленными на основании опыта Русско-японской войны, где их расход был значительно меньший, чем оказался в мировой войне, не были достигнуты, и что это было скрыто военным министром от Государя и правительства.

Вместе с тем оказалось, что наша промышленность совершенно не в силах пополнять огромный расход артиллерийских снарядов и винтовок, который войска теряли десятками тысяч, и что не было предпринято решительно никаких мер к увеличению производительности нашей промышленности в военное время.

Военный министр старался оправдаться тем, что никто не предвидел такой огромный расход боевых припасов и не ожидал, что война будет столь продолжительной.

Однако же во Франции, где боевой запас был рассчитан на тех же основаниях, как у нас, и в Германии, где он был предусмотрен на 30% больше нашего,

установленные нормы были перед войной достигнуты полностью.

Между тем Германия располагала для пополнения расхода своих боевых припасов промышленностью громадной производительности, а Франция, хотя и не располагала такой промышленностью, но могла легко прибегнуть к помощи извне, благодаря своей обеспеченной связи с Англией и Америкой.

Между тем Россия, не имея даже полностью тех боевых запасов, кои были предусмотрены недостаточными нормами, не располагала ни достаточной мощной промышленностью, ни возможностью достаточно широко прибегнуть к помощи извне.

В этом, именно, и оказалась легкомысленная непредусмотрительность военного министра и его полная неспособность вдумчиво оценить обстановку, в которой должна была оказаться Россия в случае войны с Тройственным Союзом.

* * *

Военному министру, даже при поверхностном рассмотрении этой обстановки, должно было бы стать ясным, что в случае такой войны, когда Россия должна будет призвать под знамена многие миллионы запасных, ее слабо развитая промышленность не будет в состоянии удовлетворить нужд армии, а между тем, именно, в такой войне снабжение извне окажется чрезвычайно затруднительным, вследствие пресечения ее главных сообщений с заграницей.

Поэтому он должен был своевременно поставить в известность правительство о таком положении вещей, чтобы оно могло заблаговременно принять меры для увеличения военной производительности нашей про-

мышленности и для обеспечения снабжения боевыми припасами из-за границы.

Но так как военный министр не только скрыл от правительства истинное положение вещей, но даже давал в этом отношении успокоительные заверения, оно узнало о катастрофическом состоянии снабжения нашей армии боевыми припасами уже после начала войны, и лишь тогда приняло меры, когда уже было слишком поздно.

***

При тех технических средствах, которыми Россия располагала, значительное увеличение производительности в короткий срок было, конечно, — особенно после начала войны — совершенно невыполнимо. Для этого нужны были бы годы.

Поэтому, приступив по силе возможности к развитию своей военной промышленности, нам пришлось одновременно обратиться за срочной помощью извне.

Но тут мы сразу же натолкнулись на трудно преодолимые затруднения, явившиеся следствием непредусмотрительности военного министра, каковые гибельно повлияли на срочное получение этой помощи извне.

Во-первых, оказалось, что не было своевременно предпринято никаких мер для обследования производительности заграничной промышленности и не было установлено предварительной связи с соответствующими фирмами для использования на нужды нашей армии в случае войны.

Между тем, после начала войны вся иностранная промышленность, включая и промышленность нейтральных держав, была завалена срочными заказами наших предусмотрительных союзников, и не могла уже принять заказов от нас.

Правительственным органам, на кои было возложено разрешение этого вопроса, пришлось бросаться во все стороны, и при этом они неминуемо попадали в руки разных международных аферистов, которые много обещали, но из своих обязательств мало что исполняли. В результате терялось много драгоценного времени, а приобретенные таким путем сравнительно незначительные количества боевых припасов были во многих случаях неудовлетворительного качества.

Производство и приобретение заграницей достаточного количества боевых припасов для нашей армии удалось наладить, после длительной и упорной подготовки, лишь к осени 1915 г. т. е. уже после того, как закончилось общее наше отступление, вызванное, как мы знаем, катастрофическим недостатком боевых запасов.

**
*

Во-вторых, сразу же возник вопрос о способах доставки боевых припасов из-за границы.

Так как дело шло о громадных грузах и о срочности их доставки, необходимо было располагать путями сообщения большой провозоспособности, именно на тех кратчайших направлениях, которые связывали место нагрузки этих грузов заграницей с местами их выгрузки в России.

Однако, с началом войны все железнодорожные связи России с Западной Европой и морские сообщения по Балтийскому морю были прерваны, а когда, через два месяца после начала войны, выступила против нас Турция, были прерваны и морские сообщения через турецкие проливы. Между тем по всем этим сухопутным и морским путям сообщения проходило в мирное время 97% всего ввоза из-за границы в Россию.

Таким образом, вскоре после начала войны, в нашем распоряжении остались для срочного ввоза огромных количеств боевых припасов и всех других предметов, необходимых для жизни страны, лишь те пути, по коим обычно проходило 3% нашего нормального ввоза.

Эти пути были: 1) связь с бассейном Атлантического океана через Ледовитый океан, Белое море, Архангельск и далее по Архангельской железной дороге; и 2) связь с бассейном Тихого океана и далее через всю Сибирь по Сибирской железной дороге.

Из этих двух путей сообщения имел для нас значение первостепенной важности первый из них, ибо в бассейне Атлантического океана находились главные наши заграничные поставщики боевых припасов — Америка, Англия и Франция.

В бассейне же Тихого океана находились второстепенные наши поставщики — Япония и слабо развитые в промышленном отношении западные штаты Северной Америки; поэтому из этого бассейна добывалась сравнительно незначительная часть необходимого нам снабжения, с доставкой коего Сибирская железная дорога, вследствие своей малой провозоспособности и огромных расстояний, всё же едва справлялась и требовала для этого громадного времени.

Оставшиеся же еще связи с Швецией и с Румынией не имели в снабжении нашей армии никакого значения, ибо Швеция была особо благорасположена к Германии и не пропускала в Россию никаких военных грузов, а через Румынию Россия не могла ни откуда получить боевых припасов.

Между тем связь с бассейном Атлантического океана, при посредстве коей должны были быть доставлены на фронт те громадные количества боевых припасов, от которых зависело сохранение боеспособности нашей армии, была в отчаянном состоянии.

По этому пути доставлялось в мирное время в Россию 0,01% ее нормального ввоза. Провозная способность Архангельской железной дороги, удовлетворявшая в мирное время этому незначительному количеству, едва достигала 2-3 пар поездов в сутки, а сама железная дорога, проложенная в части своей по топким пространствам северной тундры, была чрезвычайно ненадежна. Пропускная способность Архангельского порта, где не было никаких разгрузочных набережных, выражалась в цифре 1-2 парохода в неделю, да и то в течение 5-6 месяцев в году, ибо на остальное время года он замерзал.

Между тем морской путь из Атлантического океана в Архангельск оказался под ударами немецких подводных лодок, а на севере не было у нас никаких морских вооруженных сил, ибо никто никогда даже не намекал морскому ведомству на то, что северный путь может иметь во время войны какое-либо значение для поддержания боеспособности нашей армии.

**
*

Так как почти все наши морские вооруженные силы оказались после начала войны запертыми в Балтийском и Черном морях, пришлось для охранения северного морского пути обратиться за помощью к Англии, покупать разные суда в нейтральных государствах и отправить из Владивостока через Суэцкий канал небольшое число пригодных для сего судов из состава Владивостокской флотилии.

На всё это потребовалось не мало времени и прошло не мало месяцев, прежде чем охрана этого пути, несмотря на проявленную всеми органами и чинами морского ведомства невероятную энергию, была вполне организована.

Вместе с тем, на морское ведомство были возложены работы по увеличению пропускной способности Архангельского порта, по созданию нового разгрузочного порта в мало замерзаемом Кольском заливе, а также заботы по покупке и постройке заграницей мощных ледоколов для сколь возможно большего увеличения навигационного периода в Белом море.

И тут в борьбе с суровыми климатическими условиями, с отсутствием самых необходимых средств и с разнообразными затруднениями чины морского ведомства проявили просто чудеса находчивости и энергии и довели порученные им дела в сравнительно незначительный срок до благополучного конца.

Одновременно с этим министерство путей сообщения вело энергичные работы по увеличению провозоспособности Архангельской железной дороги и по постройке ветки вокруг Белого моря к Кольскому заливу.

Хотя во всех работах по организации морской охраны и по увеличению провозоспособности морских и сухопутных путей сообщения были проявлены сверхчеловеческие усилия, всё же эти работы, которые в обычных условиях потребовали бы много лет, увенчались успехом лишь к концу 1915 г., т. е. много месяцев спустя после того трагического положения, в котором оказалась наша армия в 1915 году, вследствие недостатка боевых припасов.

Но в конце 1915 г. была достигнута достаточная провозоспособность для сравнительно быстрой доставки на фронт, прибывающих из-за границы всех тех громадных количеств боевых припасов, кои были необходимы для восстановления и поддержания боеспособности нашей многомиллионной армии.

То критическое положение, в котором оказалась Россия в отношении своих сообщений с заграницей во время войны, яснее всего показывает полнейшую непредусмотрительность, неспособность вдумчиво оценивать обстановку и отсутствие соответствующей объединенной деятельности в вопросе подготовки государства к войне.

Для всякого, хоть сколько-нибудь интеллигентного человека, было ясно, что, в случае войны с Германией и Австрией, Россия неминуемо лишится всех своих железнодорожных сообщений с Западной Европой и своих морских сообщений по Балтийскому морю.

Между тем после младотурецкой революции и наложения Германией своих рук на Турцию, не могло подлежать сомнению, что наши морские сообщения через турецкие проливы окажутся, в случае войны с Германией, под серьезнейшей угрозой, и что таким образом Россия может оказаться почти совсем отрезанной от своих союзников и вообще от внешнего мира.

***

Даже оставляя в стороне капитальной важности вопрос о снабжении армии, правительство не имело права не задуматься серьезно над тем пагубным влиянием, которое имело бы на экономическую и социальную жизнь страны, а вследствие этого и на ее способность вести войну, — потеря 97% путей сообщения, по коим совершался ее товарообмен с внешним миром. Оно не смело не задуматься над этим уже и по той причине, что в истории России был тому разительный пример, когда она во время Крымской войны 1854-56 гг. была принуждена к капитуляции, главным образом вследствие прекращения этого товарообмена.

Если бы правительство отдавало себе во всём этом отчет, оно задолго до войны предприняло бы все меры к увеличению провозоспособности северного пути; а так как этот путь, даже при максимальном своем развитии, далеко не был бы в состоянии восполнить потерю главных югозападных путей, оно должно было бы направить все свои дипломатические усилия к тому, чтобы сохранить в случае войны пути сообщения через турецкие проливы. Если бы эти дипломатические усилия не увенчались успехом, оно должно было бы принять меры для всесторонней и энергичной подготовки к решению этого вопроса в случае войны силой и должно было бы дать в связи с этим определенные директивы военному и морскому ведомству.

Между тем, как известно, правительством не было предпринято до войны решительно никаких мер для увеличения провозоспособности северного пути, а задача обеспечения в случае войны сообщений через турецкие проливы не была им определенно поставлена нашей внешней политике и вооруженной силе, от коих решение этой задачи непосредственно зависело.

Иными словами, правительство в деле подготовки тяжелой войны, которая России угрожала, проявило не только полную непредусмотрительность и неразумение, но и преступную небрежность.

**
*

Руководители нашей внешней политики рассматривали вопрос о турецких проливах, как отдалённую цель русских национально-государственных стремлений, для достижения коей следовало бы выжидать благоприятной обстановки, и выдвинули эту цель лишь значительно спустя после начала войны.

В той же приблизительно концепции рассматривало этот вопрос и руководство нашими военными силами, связывая его решение с результатами победоносной войны против Тройственного Союза. Таким образом и руководители нашей внешней политики и руководители наших вооруженных сил рассматривали вопрос о турецких проливах безотносительно к капитальной его важности для успешного ведения самой этой войны, ибо никто не поставил их своевременно в известность об этом и не потребовал от них принятия соответствующих мер для обеспечения в случае войны наших сообщений через них.

Сие же явилось прямым следствием отсутствия у нас объединенного кабинета министров, ответственного за целесообразное направление государственной политики и подготовку страны к войне.

Вопросу о проливах, от успешного решения коего безусловно зависел исход войны, будет посвящена отдельная глава во второй части этих воспоминаний.

Глава X

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА МОРЕ

Подготовка флота к войне не оставляла желать ничего лучшего. Боевые припасы, то есть снаряды, самодвижущиеся мины, мины заграждения, уголь, нефть и всё другое, необходимое для флота, было заготовлено в таком количестве, что за всё время войны флот ни в чем не ощутил никогда ни малейшего недостатка.

Мало того, запасы эти были в таком изобилии, что благодаря им представлялась возможность расширить поставленные флоту планом войны задачи и что даже некоторую, правда, незначительную часть своих запасов, флот мог уступить армии.

Благодаря целесообразной и мудрой работе учрежденного после войны с Японией молодого Морского Генерального Штаба планы войны на морях были всесторонне разработаны в полном соответствии с реальной обстановкой и приведены в тесное согласие с планами войны сухопутных сил, а обоим флотам — Балтийскому и Черноморскому — были поставлены определенные задачи, вытекающие из обстановки и требований армии.

Подготовка личного состава к войне была доведена до никогда еще не бывалого совершенства, и достижения наши на этом поприще, — особенно разработанные нашим личным составом методы стрельбы и употребление мин заграждения, — были переняты нашими союзниками, в частности, даже англичанами, которые считали эти наши достижения верхом совершенства.

Такой поистине исключительно замечательной

подготовкой к войне, которой дивились не только наши союзники, но и противники, Россия обязана с одной стороны тому, что молодое поколение морских офицеров, прошедших через горнило тяжелого испытания войны с Японией, не пало духом, несмотря на перенесенные им унижения, а умудренное горьким опытом и любя свой флот, дружно посвятило всего себя делу его возрождения.

С другой стороны, решающая заслуга в деле этого возрождения принадлежит тем замечательным начальникам и руководителям, которые стояли в этот период времени во главе флота и морского ведомства.

Можно с уверенностью сказать, что никогда в истории России не было во главе ее морского ведомства столь мудрого, благородного и просвещенного человека, каковым был незабвенный адмирал Иван Константинович Григорович.

Окружив себя блестящими сотрудниками, И. К. Григорович, чуждый каких-либо эгоистических или карьерных соображений, выдвигал на руководящие посты и привлекал к работе возрождения флота лучшие силы его личного состава и воодушевлял их своим личным примером.

Находясь до назначения своего морским министром целый ряд лет на посту товарища морского министра, в руках коего была сосредоточена вся хозяйственная и техническая часть морского ведомства, именно адмирал И. К. Григорович довел материальную подготовку флота к войне до совершенства.

Перейдя в 1911 г. на пост морского министра, И. К. Григорович передал должность своего товарища адмиралу М. В. Бубнову, который безупречно продолжал это дело.

На пост начальника Морского Генерального Штаба, в руках которого была сосредоточена стратегическая подготовка к войне, И. К. Григорович привлек,

проникнутого сознанием своего долга, адмирала А. И. Русина. Адмирал А. Русин продолжал и во всех деталях закончил начатое его блестящими предшественниками, адмиралами Брусиловым и св. князем Ливеном, дело стратегической подготовки и составления планов войны.

И, наконец, самым главным было то, что подготовка личного состава, его воспитание и образование находилось на Балтийском море в руках командующего флотом героя войны с Японией адмирала Н. О. Эссена, который вложил в дело этой подготовки всю свою душу и обширные знания; пользуясь среди личного состава великой любовью и популярностью, он создал свою замечательную «школу» и записал свое имя в историю флота наравне с именами самых выдающихся наших флотоводцев — адмиралов: Ушакова, Сенявина и Макарова.

И вот дружными и неутомимыми усилиями личного состава флота, во главе с такими выдающимися и преданными своему делу начальниками, каковыми были адмиралы: Григорович, Русин и Эссен, подготовка нашей морской силы за каких-нибудь 8 лет, истекших после ее поражения в войне с Японией, была доведена к Первой мировой войне до степени совершенства, граничащей, действительно, с чудом.

Этим было воочию доказано, на что способен крепкий духом и проникнутый любовью к своему делу личный состав вооруженной силы.

Так как к началу войны флот не располагал еще современными судами, ибо находившиеся в постройке не были закончены, военные действия в начале войны велись лишь устарелыми судами; но из этих устарелых судов личный состав сумел извлечь такую боевую пользу, что не только исполнил все задачи, поставленные ему планом войны, а на Балтийском море эти задачи даже и значительно расширил.

**
*

В согласии с требованием армии Балтийскому флоту была поставлена планом войны задача воспрепятствовать с самого начала войны каким-либо наступательным действиям против Петербурга и со стороны моря ни в коем случае не допустить проникновения противника вглубь Финского залива.

Для развития военных действий на сухопутном фронте успешное выполнение флотом этой задачи имело значение первостепенной важности, ибо этим достигалась возможность немедленной переброски на фронт четырех лучших наших корпусов, расположенных в мирное время в районе столицы и на берегах Финского залива.

Так как германский флот был неизмеримо сильнее нашего малочисленного Балтийского флота, составленного к тому же из устарелых судов, Морским Генеральным Штабом был разработан глубоко продуманный и всецело отвечающий обстановке план, замысел коего состоял в том, что флот должен был выполнить свою задачу, опираясь на заранее подготовленную и укрепленную позицию, расположенную поперек Финского залива, недалеко от его устья.

Эта позиция, устроенная на целесообразном месте, и укрепленная минными заграждениями и фортификационными сооружениями, давала нашему слабому флоту столь мощную опору, что он действительно был бы в состоянии, опираясь на нее, не допустить прорыва к столице даже весьма значительных сил противника.

И немцы, зная это и верно оценивая мощность организованной нами таким образом обороны Финского залива, ни разу за всю войну не сделали даже попытки вести в нем какие-либо операции.

Но этим выполнением поставленной ему планом войны задачи деятельность Балтийского флота не ограничилась: благодаря изобилию боевых запасов, командование флотом тотчас же после начала войны приступило к организации, не предусмотренной для него планом войны, обороны Рижского залива, путем постановки у его входов минных заграждений, сооружения батарей и углубления стратегических фарватеров, для действия частей флота в самом заливе.

К лету 1915 г. оборона Рижского залива настолько уже подвинулась вперед, что попытки частей германского флота оперировать в этом заливе, были отбиты со значительными для них потерями и больше до революции, расстроившей эту оборону, не повторялись.

Между тем прочная оборона нашим флотом Рижского залива имела весьма благоприятное влияние на обстановку у крайнего правого фланга всего нашего сухопутного фронта, который после общего отступления в 1915 году, оперся на этот залив, ибо эта оборона воспрепятствовала немцам предпринять операции в тыл этого фланга из Рижского залива.

Но помимо этой успешной оборонительной деятельности нашего флота, разгрузившей наше верховное командование от забот по обороне войсками всего побережья Балтийского моря и его заливов, части Балтийского флота предпринимали в течение зимы 1914-1915 гг. ряд наступательных операций с целью постановки минных заграждений в водах противника.

Операции эти производились относительно тихоходными и устарелыми судами, вдали от своих баз и в водах, где противник располагал огромным преимуществом сил новейшего типа. По своей невероятной смелости эти операции превосходили всё, что возможно себе вообразить, и ясно свидетельствовали о крепости духа и совершенстве подготовки личного состава Балтийского флота.

Весной 1915 г. в состав Балтийского флота начали поступать закончившие свою постройку броненосцы новейшего типа, каковых к концу войны в составе флота было четыре. С вступлением этих броненосцев в строй вся система обороны нашего Балтийского театра войны и правого фланга нашего сухопутного фронта получила вполне надежную и непоколебимую опору.

Между тем, тотчас же по вступлении в строй первых двух новых броненосцев, командование Балтийским флотом вознамерилось использовать их для наступательных операций в водах противника.

Однако, так как немцы располагали двадцатью броненосцами новейшего типа, риск потери наших двух броненосцев при исполнении этих операций, кои к тому же не могли иметь хоть сколько-нибудь решительных результатов, был слишком велик; а риск этот был совершенно недопустим, потому что мы рисковали значительно ослабить этим всю систему обороны Балтийского театра войны как раз в самый критический момент всей войны, после общего отступления нашего сухопутного фронта и прихода его правого фланга в район побережья Балтийского моря и его заливов.

Принимая во внимание общую обстановку и то тяжелое влияние, которое в этой обстановке могло бы иметь на ход всей войны малейшее ослабление системы обороны Балтийского моря, Верховный Главнокомандующий не счел возможным разрешить командующему Балтийским флотом употреблять новые броненосцы для таких наступательных операций, кои были бы сопряжены с риском их потери.

Это запрещение, прямо вытекающее из общей обстановки войны, а потому во всех отношениях необходимое и целесообразное, вызвало, однако, жестокие нарекания личного состава Балтийского флота на морское управление Верховного Главнокомандующего, ко-

торое обвинили в том, что оно, якобы, «не сумело защитить боевые интересы флота».

Это ясно показывает, с одной стороны, сколь трудно бывает местным бойцам правильно оценить общую обстановку войны, а с другой стороны, показывает сколь трудна и ответственна задача верховного командования, коему подчас приходится, во имя требования общего хода войны, ограничивать смелые порывы своих бойцов.

***

Черноморскому флоту была планом войны поставлена задача обороны нашего побережья и обеспечения наших морских сообщений на Черном море.

Несмотря на то что именно на этом море лежала, как мы знаем, первостепенной важности для успешного ведения войны задача обеспечения наших сообщений с внешним миром через турецкие проливы, и что она составляла, как мы увидим ниже, национальную цель нашей государственной политики, эта задача ни в каком виде Черноморскому флоту планом войны не была поставлена, и в мирное время, предшествовавшее войне, никакой подготовки для ее решения не велось.

Хотя к началу войны Черноморский флот состоял из незначительного числа судов устарелого типа, однако, принимая во внимание ничтожные силы турецкого флота и упадочное его состояние, силы Черноморского флота были, до прихода в проливы немецких крейсеров «Гебена» и «Бреслау», более чем достаточны для успешного исполнения поставленной ему планом войны скромной задачи.

***

Тотчас после начала войны от прекрасно организованной разведки штаба Черноморского флота стали поступать повторные и совершенно определенные агентурные сведения о том, что Турция деятельно готовится выступить против России, что она всё больше подпадает под влияние Германии, и что ее выступление оттягивается лишь потому, что было необходимо привести в порядок, под руководством немцев и с помощью посылаемых из Германии боевых средств, совершенно запущенную и не отвечающую своему назначению фортификационную оборону проливов Дарданелл и Босфора.

Задолго до войны штаб Черноморского флота располагал точными данными о совершенно неудовлетворительном состоянии устаревшей обороны Босфора, и на основании этих, тщательно проверенных данных, полагал, что даже с наличными силами Черноморского флота возможно прорваться через Босфор к Константинополю; однако лишь при непременном условии предпринять эту операцию внезапно и, во всяком случае, пока немцы не успели еще привести оборону Босфора в некоторый порядок.

После прибытия 10 августа к Константинополю из Средиземного моря немецких быстроходных крейсеров «Гебен» и «Бреслау» успешное выполнение поставленной планом войны Черноморскому флоту задачи сделалось чрезвычайно затруднительным, и командующий флотом, зная от агентурной разведки о временном ослаблении боеспособности этих крейсеров после их продолжительного крейсерства по Средиземному морю, возымел намерение немедленно прорваться через Босфор к Константинополю и уничтожить там

эти крейсера, пока они своей боеспособности еще не восстановили.

Этим Турция была бы удержана от выступления против нас, что, как мы знаем, имело бы весьма благоприятное влияние на ход войны.

Так как такая операция, направленная против пока еще нейтральной державы, выходила далеко за пределы прав Верховного Главнокомандующего, командующий флотом обратился со срочной просьбой о разрешении этой операции непосредственно к Государю.

Между тем наше правительство, будучи связано союзными обязательствами, не решилось на этот шаг самостоятельно и обратилось за согласием на него к нашим союзникам.

Однако, дипломатия наших союзников питалась в это время иллюзией, что ей удастся, пользуясь своим, якобы решающим влиянием в Турции и широко применяя подкупы руководящих турецких кругов, удержать Турцию от вступления в войну на стороне Германии. Поэтому она не только категорически этому воспротивилась, но потребовала, чтобы Черноморский флот не предпринимал никаких действий, которые могли бы быть приняты Турцией за наши приготовления к войне с ней.

В связи с этим верховное командование принуждено было, на основании распоряжения правительства, дать в этом духе соответствующие директивы, и таким образом, в угоду иллюзиям дипломатии, которую, как потом оказалось, турки, грубо говоря, водили за нос, нами был упущен чрезвычайно благоприятный случай решить одним ударом в самом начале войны стратегический вопрос, от которого во многом зависел благоприятный для нас исход войны.

И мало того: раз прорвавшись к Константинополю,

флот оттуда, конечно, не ушел бы «с пустыми руками», а остался бы там до тех пор, пока не была бы решена, поставленная ему Петром Великим, и всегда жившая в его традициях, национально-государственная задача обеспечения за нами турецких проливов.

Но известная военная аксиома: «упущенный на войне случай никогда больше не повторяется» — полностью и на этот раз подтвердилась, несмотря на все наши старания, мы в дальнейшем не смогли эту задачу решить, и это безусловно, как мы увидим позже, главным образом, способствовало возникновению революции и проигрышу нами войны.

Во всём этом мы имеем яркий пример того, какое отрицательное влияние на ведение войны могут иметь заблуждения дипломатии и как трудно бывает во всякой коалиции согласовать между собой даже жизненные интересы отдельных ее членов.

В Ставке генерал-крартирмейстер Ю. Н. Данилов и некоторые офицеры его управления скептически относились к Босфорской операции, и вообще считали ее нецелесообразной и несвоевременной.

Такое непонимание исключительной важности решения вопроса о проливах, не только с точки зрения жизненных интересов России, но и с точки зрения непосредственных стратегических интересов самой войны, свидетельствует об отсутствии у наших сухопутных собратьев достаточной широты взглядов, что мною в отношении генерала Ю. Н. Данилова и было уже отмечено. Это было следствием нескольких причин: во-первых, в большей части нашей военной среды, а также и в части нашей интеллигенции, искони преобладала так называемая «континентальная идеология», и ей были в значительной мере чужды наши морские проблемы; во-вторых, стратегическая идеология нашего сухопутного Генерального Штаба носила узко догматиче-

ский характер, каковым даже отчасти заразился наш Морской Генеральный Штаб; идеология эта безоговорочно требовала сосредоточения всех сил и средств против главного противника, каковым в данном случае была Германия; потому наш сухопутный Генеральный Штаб считал нецелесообразным и даже, с точки зрения своей доктрины, вредным ослабление сил на главном театре войны, во имя ведения операции, в пользе которой он не отдавал себе ясного отчета и цель которой, по его мнению, достигалась победой над Германией; в-третьих, в нашей военной среде всегда жило известное недоверие к «боевым» способностям флота, и оно значительно усилилось после столь несчастной для нашего флота войны с Японией; причем вследствие совершенно различной структуры сухопутной и морской вооруженной силы, наша военная среда не могла себе уяснить и оценить того поистине гигантского успеха, который был после войны с Японией достигнут в боевой подготовке нашего флота, а потому в начале мировой войны продолжала относиться к его боевым способностям с тем же недоверием.

Всё это, конечно, не могло не влиять отрицательно на суждения руководителей нашего сухопутного Генерального Штаба об операциях флота против Босфора.

Между тем весь личный состав флота и такие его выдающиеся знатоки Босфорского вопроса, как адмирал Канин и Коськов, считали прорыв нашего Черноморского флота через Босфор к Константинополю при условии, конечно, внезапности, вполне осуществимым.

Это мнение нас, моряков, обосновывалось на точно нам известной полной запущенности и совершенной устарелости Босфорских укреплений и на уменьшении боеспособности немецких крейсеров, о чем уже было сказано выше.

При этом, отдавая себе ясный отчет о решающем влиянии на исход войны обеспечения наших сообщений через проливы, мы, моряки, считали целесообразным пожертвовать для решения этого вопроса даже бо́льшей частью Черноморского флота, ибо останься после прорыва и уничтожения «Гебена» и «Бреслау» хоть один наш боеспособный большой корабль-броненосец или даже крейсер — он бы, атакой незащищенных с тыла Дарданельских укреплений, легко их уничтожил и открыл бы этим доступ к Константинополю через Дарданеллы английскому и французскому флоту, чем не только был бы решен вопрос о нашей связи с внешним миром, но Турция и Болгария были бы удержаны от выступления против нас.

Лучшим доказательством выполнимости операции прорыва, — помимо нескольких исторических примеров успешных операций этого рода, — произведенных при значительно более трудных условиях, чем были бы условия прорыва Босфора в начале войны, служит то обстоятельство, что разрешение на эту операцию испрашивал командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, который в оперативном руководстве Черноморским флотом проявил в дальнейшем ходе войны такую осторожность и осмотрительность, которая привела к необходимости его замены в 1916 г. более решительным и энергичным адмиралом А. В. Колчаком.

23 октября, почти через 3 месяца после начала Первой мировой войны, отдельные суда турецкого флота во главе с крейсерами «Гебеном» и «Бреслау», перешедшими со своими немецкими командами под турецкий флаг, внезапно, без объявления войны, бомбардировали города нашего Черноморского побережья и таким образом начались военные действия на Черном море.

В течение весны 1915 г. крейсера «Гебен» и «Бреслау» неоднократно предпринимали внезапные набеги на разные точки нашего побережья и каждый раз безнаказанно возвращались в свою базу на Босфоре, ибо в составе нашего Черноморского флота не было судов с достаточной скоростью хода, чтобы их настичь.

Хотя эти набеги не могли иметь решительно никакого влияния на исход войны на Черном море, и их действия ограничивались лишь незначительными разрушениями разных сооружений по побережью, однако они весьма нервировали войска правого фланга Кавказского фронта, опиравшихся на побережье Черного моря, и затрудняли снабжение морем этих войск.

Отсюда пошли в Ставку нарекания и жалобы на бездеятельность флота, каковые вызвали сильный гнев великого князя, принявший, как мы уже знаем, чрезвычайно резкие формы.

Но так как крейсера противника обладали почти двойным превосходством в скорости хода, Черноморский флот, при всём желании, ничего не мог непосредственно против них предпринять; эти их набеги возможно было пресечь в корне лишь тесной блокадой Босфора, где находилась их база, или еще лучше завладением самим Босфором.

Однако для такой блокады Босфора мы не располагали вблизи него подходящей оперативной базой. Севастополь был слишком далек, а о захвате Босфора одними силами нашего флота не могло быть больше и речи: за три месяца, истекшие после начала войны, немцы привели в порядок укрепления Босфора и восстановили боеспособность своих крейсеров, так что прорыв Босфора стал немыслим, а для его захвата потребовалась бы десантная операция с участием достаточного количества войск, которые должны были бы овладеть Босфорскими укреплениями.

В течение 1915 г. Черноморский флот неоднократно выходил в море с целью поимки немецких крейсеров, ни разу, однако, не увенчавшейся успехом, или с целью нападения на турецкое побережье, в частности, на угольные копи в Зангулдаке, откуда снабжался углем турецкий флот и Константинополь.

Глава XI

ТУРЕЦКИЕ ПРОЛИВЫ

Начиная с февраля месяца 1915 г. английский флот предпринял несколько попыток прорваться к Константинополю через Дарданеллы.

Попытки эти, не увенчавшиеся успехом лишь благодаря отсутствию выдержки характера английского командования и сделанного им ряда грубейших военных ошибок, носят в истории 1-ой мировой войны общее название — Дарданелльской операции.

Официальная английская история утверждает, что единственной целью этой операции было принудить Турцию к капитуляции, а это, конечно, должно было иметь решающее влияние на продолжительность и исход войны.

Однако некоторые, до сих пор никак не объяснимые и даже «темные» обстоятельства, сопровождавшие подготовку и исполнение этой операции, а также достоверные о том показания некоторых ее участников, невольно заставляют предположить, что, кроме этой официальной цели, была еще и иная, тщательно до сих пор скрываемая англичанами цель, которая вытекала из основ английской политики по отношению к России.

Ни для кого, конечно, не тайна, что Англия систематически препятствовала выходу России в бассейн Средиземного моря через турецкие проливы и что все попытки России решить этот жизненный для нее вопрос неизменно наталкивались на решительное дипломатическое и даже военное сопротивление со стороны Англии.

В частности, Англия особенно щепетильно относилась к малейшей угрозе с нашей стороны Константинополю, где, само собой разумеется, зиждился центр решения этого вопроса, и для устранения этой угрозы не останавливалась даже перед применением силы, что ясно подтверждается занятой ею по отношению к нам позицией во всех наших войнах с Турцией, особенно же в войнах 1854-56 и 1877-78 гг.

Вследствие этого нет никакой возможности не принять во внимание эти соображения при рассмотрении Дарданелльской операции.

***

Как бы преддверием к Дарданелльской операции служит прибытие в самом начале войны к Константинополю из Средиземного моря немецких крейсеров «Гебена» и «Бреслау».

Крейсерам этим удалось, при совершенно непонятных и темных обстоятельствах, прорваться к Дарданеллам, несмотря на то, что англичане располагали в Средиземном море в четыре раза большим числом сильнее их вооруженных и более быстроходных боевых судов.

Дело допущенной здесь «ошибки» зашло так далеко, что английский адмирал, преследовавший и вот-вот уже их настигший, неожиданно прекратил преследование, повидимому, когда убедился, что они идут именно в Турцию.

Этот английский адмирал в угоду общественному мнению и в согласии с ненарушимыми английскими военно-морскими законами был за это отдан под суд.

Суд этого адмирала оправдал, но данные, на основании которых он был оправдан, до сих пор хранятся в строжайшей тайне.

Повидимому опубликование их не послужило бы к чести Англии.

Некоторые исторические исследования предполагают, что этот адмирал действовал на основании преподанных ему свыше строго доверительных двухсмысленных указаний, каковые «коварный Альбион» всегда умел чрезвычайно «мудро» давать исполнителям своих тайных предначертаний.

Зная, конечно, что Россия в этой войне неминуемо будет стремиться решить вопрос о проливах, высшие руководящие круги английской политики были, повидимому, непрочь пропустить к Константинополю немецкие суда, чтобы этим значительно затруднить нам решение этого вопроса.

С другой стороны, принимая во внимание силы английского флота, эти два немецкие крейсера не могли бы сколько-нибудь серьезно затруднить самим англичанам прорыв через Дарданеллы к Константинополю, если бы сие, по ходу войны, понадобилось.

Конечно, об этом даже в самых тайных английских архивах, нет ни следа, и сам-то разговор об этом, вероятно, велся в четырех стенах, между двумя-тремя английскими государственными деятелями, наверно даже, как французы говорят, «à mots couverts»... и вот немецкие крейсера были пропущены к Константинополю, а английский адмирал, их пропустивший, был оправдан.

***

В конце декабря месяца 1914 г. Турция сосредоточила против нашей Кавказской армии значительные силы, которые пробили наш фронт.

Положение на Кавказе стало для нас критическим, ибо верховное командование не могло послать туда

подкрепления, по причине тяжелых операций, которые в это время велись нами в Галиции и Польше.

В связи с этим, великий князь высказал 2-го января 1915 г., состоявшему при нем для связи, английскому генералу сэру Вильямсу пожелание, чтобы англичане произвели со стороны Средиземного моря давление на Турцию, для облегчения нашего положения на Кавказе.

Англичане утверждают, что именно это пожелание великого князя, и их стремление оказать нам «помощь», послужило главной причиной Дарданелльской операции.

Однако это не совсем так: уже 4 января наша Кавказская армия, искусным стратегическим маневром, разбила на голову и обратила в бегство турецкую армию, так что совершенно отпал и самый повод, по которому это пожелание было великим князем высказано.

Между тем англичане начали Дарданелльскую операцию лишь 19 февраля, т. е. 1½ месяца спустя после того, как всякая надобность облегчения нашего положения на Кавказе давно миновала. Поэтому действительные причины этой операции никак не могут быть поставлены в связь с нашим положением на Кавказе, которое, в момент начала англичанами Дарданелльской операции, было блестяще и даже предвещало Турции критическое будущее.

На самом деле действительные причины Дарданелльской операции были иные и далеко не имели того альтруистического характера — «помощи» нам, который англичане хотят этой операции придать.

Уже в начале 1915 г. начала вырисовываться угроза Суэцкому каналу со стороны частей турецких войск; однако предпринятое ими 2-го февраля нападение на Суэцкий канал было отбито и кончилось для турок катастрофой.

Для пресечения в корне всякой угрозы Суэцкому

каналу и Египту англичанам, конечно, и помимо «помощи» нам, было бы весьма желательно принудить Турцию к капитуляции.

Однако операция с такой решительной стратегической целью, как капитуляция Турции — особенно после того, как немцы за 1½ года, истекшие после начала войны, значительно подняли боеспособность Турции, — требовала самой тщательной подготовки, в которой никоим образом не могла иметь место невероятная торопливость и нервность, проявленные английским правительством в подготовке этой операции.

В середине января месяца 1915 г. английским правительством было вынесено решение прорваться с флотом, без участия десантных войск, через Дарданеллы к Константинополю; решение это было вынесено вопреки мнению высшего морского командования, считавшего слишком рискованным прорыв без участия войск после того, как немцы взяли в свои руки оборону Дарданелл и привели ее в порядок.

Необходимый для сего десантный отряд войск мог быть собран к апрелю месяцу; но английское правительство решило не дожидаться этого срока и в конце января послало категорическое приказание адмиралу Гардену, командовавшему английским флотом у Дарданелл, немедленно приступить к операции прорыва Дарданелл, не дожидаясь десантного отряда, а в дальнейшем, несмотря на возражения адмирала Гардена, всё время его торопило, и даже, в конце концов, сменило.

Что же такое случилось? Почему английское правительство проявило такую нервность и торопливость? Быть может, в общей обстановке войны наступил критический момент, подобный тому, который побудил нас в начале войны предпринять, без должной подготовки, наступление армии Самсонова, во имя спасения положения на французском фронте?

Но в январе месяце 1915 г., когда английское правительство так торопилось с Дарданелльской операцией, ничего подобного не было: на французском фронте началась позиционная война; там было всё совершенно спокойно и не предвиделось никаких операций; в Польше мы только что победоносно отбили последнее немецкое наступление; в Галиции наши войска находились уже на Карпатах и оттуда угрожали Австрии; в Сербии, после сербской победы на Калубаре, положение было совсем благоприятно; на Кавказском фронте турецкая армия только что потерпела жестокое поражение; за две недели до начала Дарданелльской операции нападение турок на Суэцкий канал кончилось для них катастрофой.

Таким образом положение на всех фронтах войны было для нас вполне благоприятно и не было решительно никаких военных, т. е. стратегических причин, второпях предпринять такую важную операцию, как Дарданелльская, ибо от ее успеха мог зависеть исход войны и во всяком случае ее продолжительность.

Если для крайней торопливости, проявленной английским правительством, не было никакой «военной» причины, то значит она могла быть лишь политического характера, и всё заставляет полагать, что она таковой именно и была.

В самом начале 1915 г. русское правительство подняло перед союзниками вопрос о необходимости благоприятного для нас решения по окончании войны вопроса турецких проливов.

Вместе с тем в Ставке вновь приступили к обсуждению вопроса о захвате Босфора, что, конечно, не ускользнуло от внимания военных представителей наших союзников при Верховном Главнокомандующем, тем более, что мы от них, по простоте душевной, это и не скрывали.

И вот английское правительство, следуя традици-

онным основам своей политики по отношению к России стремилось, прикрываясь плащем помощи нам, появиться перед Константинополем раньше нас, чтобы потом иметь в руках мощный аргумент против нас, при переговорах с нами о решении вопроса о проливах.

О том, что именно это и была действительная причина торопливости английского правительства, имеется ряд неопровержимых доказательств, между которыми самым убедительным и, можно сказать, поражающим является свидетельство участника Дарданелльской операции капитана 1-го ранга французского флота и знаменитого писателя Клода Фарера, который в своем опубликованном «Дневнике Дарданелльской операции», дословно говорит: «англичан всё время мучит мысль, что русские могут появиться у Константинополя — раньше их», и неоднократно это в своем дневнике особенно подчеркивает.

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию, нам стало известно лишь за 24 часа до ее начала, когда генерал сэр Вильямс неожиданно 18 февраля сообщил великому князю, что «согласно высказанному им пожеланию» английский флот завтра приступит к исполнению Дарданелльской операции.

По повелению великого князя был немедленно послан на английский флот к Дарданеллам, для установления связи и единства действий между ним и нашим Черноморским флотом, один из лучших наших офицеров капитан 1-го ранга М. И. Смирнов.

Прибыв к английскому флоту у Дарданелл несколько дней спустя после начала операции, капитан 1-го ранга Смирнов всеми способами старался установить радиосвязь через посредство английских судовых радиостанций, с Черноморским флотом, но все его старания оставались, несмотря на благоприятные условия и на незначительное расстояние, безуспешными. Это бы-

ло для нас в Ставке совершенно непонятно и служило предметом нарекания на Черноморский флот, ибо предполагалось, что в этом виноваты наши радиотелеграфисты.

Однако, как только прибыл к Дарданеллам наш крейсер «Аскольд», который как раз в это время проходил через Средиземное море на пути с Дальнего Востока в Ледовитый океан, связь с Черноморским флотом через его посредство была в тот же день установлена и в дальнейшем действовала безукоризненно.

Всё вышеизложенное и особенно совершенно беспристрастное свидетельство Клода Фарера, неминуемо приводят к заключению, что англичане во что бы то ни стало хотели, появлением раньше нас у Константинополя, поставить наше правительство перед совершившимся фактом, и тем повлиять на ход будущих переговоров о проливах.

Особенная же торопливость в осуществлении этого плана нужна была англичанам именно после полного разгрома нами турок на Кавказе, ибо этим создавалась благоприятная обстановка для предпринятия с нашей стороны Босфорской операции, в чем англичане, как мы увидим ниже, не ошиблись.

* * *

Появление у Константинополя противника, прорвавшегося, безразлично, из Средиземного ли или из Черного моря, неминуемо повлекло бы за собой немедленную капитуляцию Турции, ибо этим была бы пресечена связь между малоазиатской, т. е. анатолийской и европейской частью Турции. Между тем всё снабжение боевыми припасами главных сил турецкой армии, сосредоточенных в Анатолии, производилось

из Германии через Константинополь, а снабжение самого Константинополя и европейской части Турции жизненными припасами и углем производились из Анатолии.

Кроме того, в самом Константинополе была достаточно еще активная старотурецкая оппозиция младотурецкому режиму и немцам, каковой появление союзников у Константинополя дало бы мощную опору,

Капитуляция Турции вызвала бы целый ряд последствий первостепенной стратегической важности: во-первых, на главный театр войны в Европе могла бы быть переброшена вся наша Кавказская армия — около 250.000 бойцов, и вся английская армия из Египта около 50.000 бойцов; во-вторых, Болгария, выступление которой находилось в непосредственной зависимости от военно-политического положения Турции и решения вопроса о проливах, не могла бы присоединиться к Германии, и в связи с этим в рядах держав Антанты осталась бы вся сербская армия, которая после выступления Болгарии вынуждена была покинуть Сербию.

Вследствие этих причин военная сила Тройственного Союза уменьшилась бы после капитуляции Турции на 700.000 бойцов (500.000 турок и 200.000 болгар), а военная сила Антанты увеличилась бы на 300.000 бойцов (250.000 русской Кавказской армии и 50.000 англичан из Египта).

После капитуляции Турции была бы восстановлена кратчайшая и самая удобная связь России с ее союзниками, вследствие чего значительно увеличилась бы боеспособность ее армии, в которой, как мы уже знаем, ощущался в 1915 г. громадный недостаток боевых припасов, что и принудило ее к общему отступлению.

Таким образом капитуляция Турции вызвала бы в общей стратегической обстановке разницу в миллион бойцов (700.000 турок и болгар + 300.000 русских и англичан), не считая при этом значительного увели-

чения боеспособности нашей армии и сохранения в рядах Антанты сербской армии.

Всё это с убедительной ясностью доказывает, что после капитуляции Турции, как неминуемого следствия появления сил Антанты у Константинополя, война закончилась бы скорой победой Антанты, и для России — вместо большевизма — настала бы эпоха небывалого величия и расцвета.

И ничто более красноречиво и убедительно не подтверждает сего, как мысли, высказанные по этому поводу авторитетнейшими государственными деятелями и, особенно, немецкими военными вождями.

Бывший американский посол в Турции во время войны Моргентау в своих мемуарах пишет: «нет сомнения, что если бы союзники завладели хотя бы одним из проливов, война окончилась бы гораздо скорей и Россией не овладел бы большевизм».

Знаменитый немецкий морской министр адмирал Тирпиц пишет в одном частном письме от 8-го августа 1915 г.: «у Дарданелл идет ожесточенная борьба; если они будут взяты, мы неминуемо проиграем войну».

И, наконец, самый авторитетный немецкий военачальник генерал Людендорф, анализируя обстановку войны 1915 года, пишет в своих воспоминаниях: «если бы флот союзников овладел турецкими проливами, было бы обеспечено снабжение русской армии боевыми припасами, в которых она так сильно нуждалась, вследствие чего положение на Восточном фронте сделалось бы для нас весьма тяжелым; с другой стороны, ее союзники могли бы воспользоваться для своего питания значительными запасами зерна, собранными на юге России».

Зная из этого, какое решающее влияние на исход 1-ой мировой войны имел, по справедливому мнению наших противников, вопрос о проливах, приходится глубоко сожалеть о том, что наши высшие военные

руководители, не отдавая себе в этом ясного отчета, не включили этого вопроса в план войны, вследствие чего перед 1-й мировой войной не велось для его решения никакой подготовки. К этому мы еще подробно вернемся во второй части настоящих воспоминаний.

***

Теперь возникает вопрос, мог ли английский флот прорваться через Дарданеллы к Константинополю и поставить нас этим перед совершившимся фактом?

Безусловно мог.

Ему это не удалось лишь вследствие ряда грубейших ошибок, сделанных при подготовке и ведении Дарданелльской операции английским командованием и отсутствия у него в решительный момент операции твердости характера.

По этому поводу один из главных участников этой операции, английский адмирал Вимис, говорит, что: «во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована».

Другой вдумчивый исследователь этой операции, знаменитый французский военно-морской писатель, адмирал Давелью, утверждает: «трудно было нагромоздить больше военных ошибок на столь малом театре военных действий, каковым были Дарданеллы».

А Клод Фарер пошел так далеко, что в своем дневнике записал: «на войне ошибки, граничащиеся с глупостью, называются изменой». Под этим он, конечно, подразумевал не измену английским, а союзным интересам.

Для ясности дальнейшего изложения приведу здесь лишь главные причины неуспеха Дарданелльской опе-

рации, которые особенно поучительны для нас с точки зрения выполнения нами Босфорской операции.

**
*

Основной причиной неуспеха Дарданелльской операции, из коей вытекало большинство, сделанных при ее исполнении ошибок, была, конечно, уже упомянутая выше, невероятная торопливость английского правительства.

Если бы подождали, пока соберется десантный отряд, и флот при его содействии внезапно начал бы операцию, он без всякого сомнения, как то показало ее течение, прорвался бы в Константинополь.

Начав же операцию без десантного отряда, флот, не добившись успеха, привлек лишь своим нападением внимание немцев на Дарданеллы, и они спешно начали сосредотачивать войска для их обороны. Так что когда, через два месяца после начала операции, англичанам пришлось прибегнуть к помощи десантного отряда, он, хотя и был высажен, но натолкнулся на такие силы, что от берега продвинуться не мог, и потому не оказал никакого содействия прорыву флота через проливы.

Тут, в связи с нашим, Босфорским, вопросом, нельзя не отметить, что сборному английскому десантному отряду, состоявшему не из особенно отборных войск, удалось 25 апреля, т. е. через 8 месяцев после начала войны и через 2 месяца после начала Дарданелльской операции, высадиться прямо на прочно занятый и укрепленный турками берег.

Затем, не менее важной причиной неуспеха Дарданелльской операции была полная несостоятельность траления. В английском флоте траление, вообще го-

воря, не было на должной высоте. Несмотря на это, операция была начата, вследствие известной нам торопливости, с совершенно недостаточными и неорганизованными тралящими средствами, не дожидаясь присоединения к флоту многочисленных тральщиков, бывших в пути.

Между тем, как известно, все потери прорывавшемуся англо-французскому флоту были нанесены не артиллерией Дарданелльских укреплений, а именно, минами, на которых погибли три устарелых броненосца.

Но несомненно, помимо спешки, главной причиной неуспеха операции было отсутствие твердости духа у командовавшего союзным флотом английского адмирала Де-Робека, который испугавшись потерь, не превышавших, однако, даже 20% судового состава флота, прекратил операцию, как раз в тот момент, когда главные минные заграждения были флотом уже пройдены, а на всех Дарданелльских укреплениях оставалось лишь 7 (!) снарядов для тяжелой артиллерии, так что в Константинополе настала невообразимая паника и началась спешная его эвакуация.

Всё это ясно показывает, что не будь спешки и нерешительности, проявленных командованием, англичане безусловно могли бы прорваться к Константинополю и поставить нас этим перед совершившимся фактом.

Совершенно того же мнения придерживается один из самых вдумчивых и военно-образованных наших офицеров капитан 1-го ранга Смирнов, бывший, как уже было сказано, на английском флоте у Дарданелл.

В своем опубликованном отзыве о Дарданелльской операции он заявляет: 1) цель, поставленная английским правительством этой операции, заставить Турцию выбыть из состава воюющих сторон путем прорыва английского флота через Дарданеллы, была достижима. 2) По всем заключениям немецких, турецких и

нейтральных деятелей, в Константинополе царила паника и, если бы появился английский флот, то вероятно произошло бы движение против младотурецкого правительства, которое повело бы к заключению мира. 3) Прорыв флота был возможен, при большей настойчивости командующего английской эскадрой, особенно если принять во внимание недостаток снарядов у турок и их плохое качество.

**
*

Через 11 месяцев после начала операции англичане, не добившись успеха, принуждены были от нее отказаться и эвакуировать высаженные у Дарданелл войска.

Таким образом окончилась операция, получившая в истории название «Дарданелльского скандала», который обошелся Англии в 100.000 жизней ее сынов.

По английским законам и традициям военачальники Дарданелльской операции были отданы под суд.

Так же, как в случае суда над адмиралом, пропустившим немецкие крейсера в Дарданеллы, данные судебного процесса над военачальниками Дарданелльской операции были сохранены в строгой тайне, и так же, как и тот адмирал, они были оправданы.

А были они оправданы лишь потому, что на суде было обнаружено, что одной из главных причин неуспеха была спешка, вызванная политическими соображениями, но что, всё же при этом, неуспех операции не имел отрицательного влияния на эти «темные» политические соображения, ибо русский флот, не только раньше английского, но и вообще никогда не появился перед Константинополем.

**
*

О том, что англичане собираются предпринять Дарданелльскую операцию мы, как уже известно, определенно узнали лишь 18-го февраля, т. е. накануне ее начала, из официального сообщения, сделанного о том великому князю генералом сэром Вильямсом.

Между тем, за месяц перед тем, т. е. 18 января, английское правительство сообщило о своих намерениях французскому правительству и заявило при этом, что, якобы, для сохранения полного секрета, не уведомило об этом русское правительство. Однако наш посол в Париже Извольский, имевший связи во французском министерстве иностранных дел, узнал в начале февраля о том, что союзники замышляют какую-то операцию против Дарданелл, и сообщил об этом нашему правительству.

Наше правительство было этим чрезвычайно озабочено и, опасаясь со стороны англичан военно-политического маневра, направленного против нас, указало, лишь только стало об этом определенно известно, Верховному Главнокомандующему предпринять операцию в целях захвата Босфора.

В связи с этим командующему Черноморским флотом были даны соответствующие директивы, а в течение февраля месяца был сосредоточен в Одессе десантный отряд в составе трех дивизий из отборных войск Кавказской армии.

Но тут-то и оказалось, что, за отсутствием надлежащей подготовки в мирное время, мы не располагали для десантной операции такого размера почти никакими десантными средствами, а также подготовленными к перевозке войск транспортными судами.

На скорую руку можно было бы в течение одного или полутора месяцев подготовить транспортные и де-

сантные средства для одной бригады с небольшой артиллерией, но генерал-квартирмейстер Ставки считал десантную операцию с такими средствами слишком рискованной и даже авантюристической, и она не была предпринята.

Между тем, вследствие обнаружившейся в начале весны массовой переброски на наш фронт германских войск с французского фронта, войска десантного отряда были постепенно отправлены на наш Югозападный фронт и десантный отряд расформировался.

Нашей неподготовленностью к выполнению Босфорской операции был этой операции нанесен в глазах нашего сухопутного командования тяжелый удар, явившийся следствием непредусмотрительности правительства в деле нашей подготовки к войне.

Пришлось теперь исправлять эту роковую ошибку и в самый разгар войны произвести в срочном порядке надлежащую подготовку Босфорской операции.

Немедленно было приступлено к организации в Одессе транспортной флотилии и к срочному ремонту пароходов; во главе этого дела был поставлен адмирал А. А. Хоменко, кипучая энергия которого и исключительные организаторские способности поистине творили чудеса; вместе с тем в срочном порядке разворачивались ремонтные средства Одесского порта, и вся организация этого порта приспособлялась для базирования транспортной флотилии, насчитывавшей свыше 100 судов; одновременно с сим на Николаевском судостроительном заводе было заказано 30 мелкосидящих судов и большое количество десантных ботов для производства высадки десанта; в Одессе сосредоточивались запасы и формировался личный состав транспортной флотилии; в штабе Черноморского флота разрабатывался, в согласии с морским управлением Штаба Верховного Главнокомандующего, подробный

план Босфорской операции и составлялись инструкции для производства десанта.

Однако, несмотря на исключительную энергию, проявленную при проведении в жизнь всех этих мероприятий, мы лишь к весне 1916 г. смогли подготовить все необходимые средства для десантной операции значительного размера.

В связи с этим небезынтересно здесь отметить вероломство англичан по отношению к нам: хорошо, конечно, зная нашу неподготовленность к десантным операциям и сообщив нам о Дарданелльской операции лишь накануне ее начала, они на следующий день после ее начала дали нам знать, что ожидают появления нашего Черноморского флота у Константинополя ОДНОВРЕМЕННО с ними, легкомысленно рассчитывая самим прорваться к нему через 2-3 дня!

***

Некоторые выводы Дарданелльской операции весьма поучительны для оценки выполнимости нами Босфорской операции.

Дарданеллы, вообще говоря, были значительно сильнее укреплены, чем Босфор, и за восемь месяцев, истекших после начала войны, немцы привели оборону пролива в надлежащий порядок; кроме того, военно-географическая обстановка, т. е. конфигурация берегов, течение и солнечное освещение, были для прорывавшегося флота значительно менее благоприятны, нежели в Босфоре.

Если при таких условиях англичане едва не прорвались через Дарданеллы, с потерями, не превышающими 20%, и то только вследствие нерешительности командования в критическую минуту, то не подлежит

сомнению, что наш Черноморский флот мог бы в самом начале войны, когда относительно слабые Босфорские укрепления были совершенно запущены, прорваться к Константинополю.

Десант англичан у Дарданелл 25 апреля показал, что, даже при отсутствии внезапности, высадка войск на берег, занятый противником и тщательно подготовленный к обороне, вполне выполнима; причем высадившиеся английские войска не были ни отборны и не располагали обилием специальных десантных средств.

Заслуживает также особого внимания, что 24 апреля, с целью демонстрации на также занятый турками, — но несколько слабее, — азиатский берег пролива, была высажена одна, — правда, отборная французская бригада, — которая через сутки без особых потерь была посажена обратно на суда.

Это должно было бы послужить поучительным примером для решения в будущем вопроса о нашей высадке у Босфора, что, как мы увидим, во второй части настоящих воспоминаний, к сожалению, не случилось.

Но вместе с тем невозможно отказаться от мысли, что после полного разгрома нами на Кавказе турецкой армии, и когда все силы и внимание турок были привлечены к Дарданеллам, мы, может быть, даже лишь с одной отборной бригадой, могли бы облегчить нашему флоту в начале войны прорыв через Босфор, где военно-географическая обстановка для сего была более благоприятна, нежели в Дарданеллах.

По своей решающей стратегической и политической важности Босфорская операция принадлежала к категории тех операций, при коих даже самый крайний риск не только допустим, но и обязательно необходим.

В данном случае мы рисковали бы всего лишь одной бригадой, а если бы даже при этом погиб весь Черноморский флот, состоявший из устарелых судов, то

и это не было бы бедой, ибо как раз весной 1915 года должны были вступить в строй, закончившие свою постройку на Черноморских верфях, мощные современные линейные корабли и истребители.

Отдавай себе наше сухопутное командование ясный отчет в важности Босфорской операции, не будь оно проникнуто недоверием к флоту и будь в это время во главе Черноморского флота решительный и талантливый адмирал А. Колчак, мы бы, конечно, на этот риск пошли, и, несомненно прорвались бы, тем более, что как теперь стало известным, большая часть боевого запаса снарядов тяжелой артиллерии Босфорских укреплений была отправлена турками на Дарданеллы.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, как близки мы были к победе и к спасению нашей Родины от катастрофы, которая ее ожидала!

Глава XII

СМЕНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Начавшееся весной общее отступление нашей армии продолжалось в течение всего лета, ибо до самого конца 1915 г. мы не были в состоянии пополнить исчерпанные боевые припасы и пополнить ряды армии вооруженными бойцами.

В Ставке питали надежду, что крепость Ново-Георгиевск, снабженная большим гарнизоном, задержит наступление противника, и даст нам возможность оправиться.

Однако, эта надежда не оправдалась: немцы подвезли в начале августа к Ново-Георгиевску мощную тяжелую артиллерию и приступили к бомбардировке, за которой мы в Ставке следили с напряженным и трепетным вниманием, ибо ее отдаленный гул был по ночам слышен в Барановичах. Старые крепостные верки Ново-Георгиевска не выдержали продолжительного огня новейшей тяжелой гаубичной артиллерии и 19 августа крепость пала.

В это время генерал М. Алексеев был назначен Главнокомандующим Северозападного фронта, где положение для нас было самым тяжелым.

Благодаря своей неутомимой трудоспособности, организационному дарованию, педантичной точности и глубокому знанию военного дела, он, при постоянной поддержке со стороны верховного командования, настолько упорядочил отступление нашего фронта, что, по признанию самого Людендорфа, немцам не

удалось при этом добиться на нашем фронте решительных стратегических результатов, на которые они рассчитывали, начиная свое наступление.

Мало того, генералу Алексееву удалось искусным контрнаступлением в районе Вильно окончательно остановить продвижение немцев, после чего обе стороны окопались и на Восточном фронте началась, так же, как и на Западном фронте, позиционная война.

На Восточном фронте наступило, по словам Людендорфа, спокойствие.

Так как после занятия немцами Варшавы и падения Ново-Георгиевска, Барановичи оказались под угрозой, возник вопрос о переносе Ставки в тыл.

Для подготовки помещений под Ставку, были посланы квартирьеры в Могилев и даже в значительно более отдаленную Калугу, ибо нельзя было предвидеть до каких пор продвинутся немцы.

Однако, вскоре выяснилось, что фронт во всяком случае до реки Днепра не дойдет, и великий князь, чтобы быть к нему возможно ближе, остановил свой выбор на Могилеве, куда Ставка и перешла.

По прибытии в Могилев мы высадились из наших поездов, где прожили ровно год, чтобы больше, до конца войны, в них не возвращаться.

В Могилеве управления Ставки и ее личный состав были размещены в помещениях эвакуированных губернских учреждений, в реквизированных у жителей квартирах и в гостиницах.

Великий князь с начальником Штаба и ближайшей своей свитой поместился в доме Могилевского губернатора, а управление генерал-квартирмейстера поместилось в находящемся в непосредственной близости от губернаторского дома помещении губернского правления.

Внутреннюю охрану Ставки нес полевой гвардейский жандармский эскадрон, который был впоследствии усилен «георгиевским» батальоном, сформированным из солдат, имевших георгиевские кресты.

После вступления в должность Верховного Главнокомандующего Государя Императора, к охране Ставки присоединился Конвой его величества.

В Могилеве Ставка утратила характер тесно сплоченного и обособленного от внешнего мира органа, каковой она имела в Барановичах, а обратилась в учреждение, во многом подобное обычным учреждениям правительственной власти.

**
*

Не успели мы еще окончательно разместиться в Могилеве, как нас точно громом поразила весть о смене великого князя и о принятии Государем Императором на себя должности Верховного Главнокомандующего.

Мы все, проникнутые безграничной преданностью великому князю, и глубоко преклоняясь перед его полководческим даром, знали, сколь велика была его заслуга на посту Верховного Главнокомандующего, и были этим совершенно подавлены, предчувствуя, что его смена будет иметь для России самыя тяжелые последствия.

В душах многих зародился, во имя блага России, глубокий протест и, пожелай великий князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и армия, последовали бы за ним.

Вскоре стало известно, что пагубное решение о смене великого князя было принято Государем вопре-

ки мнению правительства, которое, считая эту смену опасной, настойчиво Государя отговаривало.

Но Государь твердо стоял на своем решении, мотивируя его тем, что в тяжелые моменты войны долг Монарха быть при своих войсках.

Это решение могло бы считаться правильным, если бы оно было принято в начале нашего тяжелого отступления, но в данный момент, когда на фронтах настало спокойствие, и мы уже пережили кризис, это решение было запоздалым, и во всяком случае должно было иметь иные причины.

И, действительно, с течением времени выяснилось, что это решение было принято Государем по настоянию Императрицы, которая, видя, что популярность великого князя нисколько не уменьшилась, даже после пережитого нами тяжелого кризиса на фронте, считала дальнейшее пребывание его на своем посту опасным для престола. В этом Императрицу усердно поддерживала вся распутинская камарилья, не терпевшая великого князя.

В этом мы убедились по тому, как сама смена в Ставке произошла. Произошла она в один день с глазу на глаз между великим князем и Государем, причем великому князю не была дана возможность даже проститься с чинами своего Штаба, и ему было указано отправиться прямо на Кавказ, куда он был назначен наместником, не заезжая в Петроград.

Принимая во внимание глубокое благородство, честность и безусловное верноподданничество великого князя, опасения Императрицы были совершенно не обоснованы, и ее болезненная мнительность принесла в этом деле неисчислимый вред России.

Благо России безоговорочно требовало, чтобы великий князь оставался на своем посту, и никакие соображения не могли этого требования умалить.

Великий князь на деле доказал свои исключительные способности, как полководец. Россия давно уже не имела во главе своих вооруженных сил такого выдающегося вождя, и никто, даже в отдаленной степени, не был в состоянии его заменить.

В критическую минуту Галицийской битвы он своим единоличным решением обеспечил нам победу; мудрым верховным руководством войсками в маневренной войне он не только отбил три последовательных наступления немцев в Польше, но отбросил их с громадными потерями к границе; он очистил кадры высшего командного состава от неспособных генералов и поставил на их место испробованных в боях, знающих начальников; и, наконец, при общем отступлении, прямой причиной коего была непредусмотрительность правительства в деле подготовки России к войне, он своим хладнокровием и твердостью характера спас Россию от катастрофы, не дав немцам добиться, как они сами признали, решающих успехов.

Но важнее этого была легенда, которая, как ореолом, окружала его имя и одухотворяла войска, — легенда, которой тяжкое наше отступление не нанесло ни малейшего ущерба, а даже, наоборот, ее, быть может, и усилила, ибо войска знали, что в этом он не повинен.

Мощь «легенды» полководца имела искони в России неотразимое влияние на дух войск. С уходом великого князя действие его «легенды», поднимавшей дух войск и одушевлявшей их на геройские подвиги, исчезло, и этим духу армии наносился тяжелый удар.

Но это еще не всё, смена великого князя нанесла тяжелый удар и русской общественности, упования которой покоились на великом князе, и этим углубилась та пропасть, которая, после кратковременного единения в начале войны, стала всё больше и больше

разделять престол и народ, и в которую, в конце концов, рухнуло всё здание великой Русской Империи.

Никто, кроме великого князя, не мог бы довести тяжелую войну до победного конца, и ничто с более трагической ясностью не показывает, какой ужасный вред был причинен России его сменой, нежели следующие слова, записанные нашим противником генералом Людендорфом в конце его воспоминаний о кампании 1915 г. на русском фронте: «мы сделали новый большой шаг к разгрому России: великий князь, человек твердой воли, был сменен и царь стал во главе армии».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ ВТОРОМ

Глава 1

УСТРОЙСТВО СТАВКИ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

После того, как Государь Император принял от великого князя Николая Николаевича верховное командование, устройство Ставки и личный состав Штаба Верховного Главнокомандующего совершенно изменились.

К шести, бывшим при великом князе, управлениям штаба прибавилось еще новых шесть, а именно: управление артиллерийское, инженерное, воздухоплавательное, интендантское, походного атамана казачьих войск и протопресвитера военного и морского духовенства.

Из бывших при великом князе шести управлений два были коренным образом преобразованы: морское управление было упразднено, а вместо него был образован морской штаб Верховного Главнокомандующего, состоявший из двух флаг-капитанов (равнозначивших генерал-квартирмейстерам), одного для Балтийского моря и другого для Черного моря, из которых первый с чинами своего управления был вскоре переведен в состав штаба Северозападного фронта; управление же военных сообщений было преобразовано в целый департамент железных дорог прифронтовой и тыловой полосы театра военных действий, в коем с офицерами военных сообщений призваны были сотрудничать многочисленные инженеры путей сообщений, причем у нового начальника этого обширного управления было два помощника — один генерал Генерального Штаба и другой инженер путей сообще-

ния на правах товарища министра. Остальные четыре управления бывшего Штаба великого князя были значительно расширены, особенно управление генерал-квартирмейстера, состав коего утроился, причем была введена должность второго генерал-квартирмейстера.

Преобразованный таким образом Штаб Верховного Главнокомандующего в составе 12-ти управлений, вместо бывших шести, насчитывал свыше 200 офицерских и гражданских чинов, то есть в три раза больше, чем при великом князе.

Бывшие при великом князе единоличные представители английских и французских вооруженных сил, были преобразованы в военные миссии, в составе нескольких членов, и к этим двум миссиям присоединились военные миссии Италии, Японии, Сербии, а впоследствии — Румынии и Бельгии.

При великом князе ближайшее его окружение или свита состояла из пяти человек: один генерал для поручений, три адъютанта и управляющий его двором. При Государе были: дворцовый комендант с чинами охраны, начальник походной канцелярии, флаг-капитан адмирал Нилов со своим помощником, гофмаршал со своей канцелярией, дежурный флигель-адъютант и лейб-медик.

Была вновь образована комендантская часть Ставки, которая ведала охраной и внутренним распорядком жизни, во главе которой был поставлен генерал-начальник гвардейского жандармского эскадрона.

В результате этих преобразований в устройстве Ставки общее число, входивших в ее состав чинов, временами достигало 300 человек.

После ухода великого князя почти весь личный состав его Штаба был сменен.

Начальник Штаба генерал Янушкевич уехал вместе с ним на Кавказ, а из всех шести начальников управления штаба оставлен был на своем месте один лишь дежурный генерал П. К. Кондзеровский. Почти все офицеры Генерального Штаба управлений генерал-квартирмейстера и военных сообщений были назначены на фронт, и в Ставке осталось нас, бывших чинов Штаба великого князя, всего каких-нибудь десять человек.

Даже бывшие при великом князе иностранные военные представители генералы маркиз Де-ла-Гиш и сэр Хембери Вильямс, с которыми великий князь был в личных дружеских отношениях и которые его глубоко почитали, были заменены другими: вместо маркиза Де-ла-Гиш начальником французской военной миссии был назначен генерал Жанэн, тот самый, который впоследствии в Сибири способствовал выдаче Верховного Правителя адмирала Колчака большевикам, а вместо сэра Вильямса был назначен шефом английской военной миссии адмирал Филимор.

Это радикальное изменение личного состава Штаба Верховного Главнокомандующего производило впечатление разгона предполагаемого в Ставке «крамольного гнезда», и еще больше подтвердило враждебность и неоправданную подозрительность престола по отношению к великому князю и его сотрудникам.

***

Новый личный состав Штаба Верховного Главнокомандующего во главе с его начальником генералом Алексеевым внес в жизнь Ставки совсем иную атмосферу и идеологую.

Роль нового начальника штаба генерала Алексеева была совсем иная, чем роль его предшественника генерала Янушкевича, ибо фактически он — генерал Алексеев — а не Император Николай II, исполнял функции верховного командования.

Генерал Алексеев был бесспорно лучшим нашим знатоком военного дела и службы Генерального Штаба по оперативному руководству высшими войсковыми соединениями, что на деле и доказал в бытность свою на посту начальника штаба Югозападного фронта, а затем на посту главнокомандующего Северозападным фронтом. Обладая совершенно исключительной трудоспособностью, он входил во все детали верховного командования, и, нередко собственноручно, составлял во всех подробностях длиннейшие директивы и инструкции.

Однако, он не обладал даром и широтой взглядов полководцев, записавших свое имя в истории и, к сожалению, находился в плену, как большинство наших офицеров Генерального Штаба, узких военных доктрин, затемнявших его кругозор и ограничивавших свободу его военного творчества.

По своей политической идеологии он несомненно принадлежал к либерально настроенной, честной и любящей свою родину части русского общества, а по своему происхождению стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии.

Ведя чисто спартанский образ жизни, и замкнутый по своему характеру, он был совершенно чужим человеком в придворных сферах, которых не почитал и держался от них елико возможно дальше, не ища ни почестей, ни отличий.

Искренно любя свою родину и глубоко скорбя о

ней душой, он был ей и своему любимому военному делу беззаветно предан, что и доказал, положив начало добровольческому движению против большевиков, коему посвятил свои последние силы и отдал свою жизнь.

Чтобы иметь возможность лично вести оперативную работу и быть для сего в постоянной связи с фронтами, генерал Алексеев жил в самом управлении генерал-квартирмейстера, где занимал маленькую, более чем скудно обставленную комнату.

При генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий его приятель и «интимный» советник генерал Борисов. Он при генерале Алексееве играл роль вроде той, которую при кардинале Ришелье играл о. Жозеф, прозванный «серая эминенция»; так в Ставке Борисова и звали. Он также жил в управлении генерал-квартирмейстера и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем вроде знаменитого Клаузевица, что, однако, отнюдь не усматривается из его, более чем посредственных писаний на военные темы. По своей политической идеологии он был радикал и даже революционер. В своей молодости он примыкал к активным революционным кругам, едва не попался в руки жандармов, чем впоследствии всегда и хвалился. Вследствие этого он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к престолу, которое зашло так далеко, что он, «по принципиальным соображениям», отказывался принимать приглашения к царскому столу, к каковому по очереди приглашались все чины Ставки. Однако, при всём этом, он любил свое военное дело и по

силе своих способностей посвятил ему всю свою жизнь. Трудно сказать что, кроме этого, могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная общность политической идеологии и одинаковое происхождение.

Следующими по близости к генералу Алексееву были: полковник генерального штаба Носков и генерал-квартирмейстер генерал Пустовойтенко.

Первый из них по своим взглядам во многом походил на генерала Борисова, за исключением внешности, по которой он сильно смахивал на франтоватого «штабного писаря». После революции он перешел на службу к большевикам и играл некоторую роль в красной армии.

Второй из них играл при генерале Алексееве столь же бесцветную роль, какую играл генерал Янушкевич при великом князе Николае Николаевиче. Генерал Алексеев приблизил его к себе, вероятно, главным образом потому, что он не мешал ему вести оперативное руководство и был точным и лишенным всякой инициативы исполнителем его воли и указаний.

Эти три лица принимали ближайшее участие в жизни и работе генерала Алексеева, пользовались особым его доверием, неотлучно находились при нем и всегда его сопровождали во время кратких прогулок, которые он иногда делал в парке, прилегающем к дому могилевского губернатора.

В большем или меньшем соответствии со взглядами генерала Алексеева и его окружения был сделан подбор новых офицеров Генерального Штаба, заменивших собой, получивших другие назначения, офицеров бывшего Штаба великого князя Николая Николаевича.

Новый личный состав Ставки, в котором потонули малочисленные остатки бывших сотрудников вели-

кого князя, наложил на нее иную печать, значительно отличавшуюся от того — можно сказать, возвышенно-рыцарского характера, который имел личный состав бывшей Ставки великого князя; вследствие этого от новой Ставки трудно было бы ожидать проявления в критическую минуту возвышенных деяний и самопожертвования, что во время революции и обнаружилось.

***

Качества товарища министра адмирала А. И. Русина, назначенного на высокий пост вновь образованного Морского Штаба Верховного Главноокмандующего, были уже отмечены в первой части настоящих воспоминаний. При своем назначении на этот пост, адмирал А. И. Русин сохранил за собой должность начальника Морского Генерального Штаба и товарища морского министра, что было для него сопряжено с частыми поездками из Ставки в Петербург; но, именно, этим было достигнуто полное и тесное единство действий морского министерства по снабжению флота и созданию новых боевых средств с верховным оперативным руководством нашими морскими вооруженными силами.

Автор настоящих воспоминаний, назначенный на должность флаг-капитана Штаба, имел честь быть ближайшим помощником адмирала А. И. Русина, по этому руководству; на нем лежала обязанность по составлению докладов, планов и оперативных предположений, а также разработка штатов новых боевых формирований. Для ведения текущей работы и шифрования в составе Штаба состояло несколько младших морских офицеров.

Назначенные начальниками дипломатической и гражданской канцелярий Н. А. Базили и С. Н. Лады-

женский были одними из талантливейших, — особенно первый — представителей нашего дипломатического и гражданского ведомств, отличаясь широтой кругозора и ясным пониманием пагубного направления нашей внутренней политики.

Такими же были единственный из оставшихся на своем посту бывших начальников управлений Штаба великого князя, генерал П. К. Кондзеровский и оба помощника нового начальника военных сообщений генерал Н. М. Тихменев и инженер путей сообщения Э. П. Шуберский.

Во главе артиллерийского управления стоял великий князь Сергей Михайлович, который со знанием дела и с усердной заботливостью лично исполнял свои обязанности и старался удовлетворить все нужды, в чем автору пришлось лично убедиться при формировании особых десантных войск для Босфорской операции, о чем будет речь впереди.

Должность походного атамана казачьих войск номинально исполнял, ведя рассеянный образ жизни и редко посещая Ставку, великий князь Борис Владимирович; обязанности походного атамана фактически исполнял его начальник штаба мудрый генерал А. П. Богаевский, человек высоких нравственных качеств, выбранный после революции атаманом Всевеликого Войска Донского.

Мы, оставшиеся из Штаба великого князя офицеры и чиновники, были преданы своему делу и родине не меньше чем новый личный состав Ставки, а, вероятно, глубже скорбели о ней душой; но, принадлежа по своему происхождению, воспитанию и тридициям, к иному классу русского общества, составляли в Штабе, как бы обособленный кружок, не поддерживавший, за малым исключением — близкого общения с чинами нового состава штаба.

Во время пребывания Государя в Ставке в ближайшем его окружении неотлучно состояли дворцовый комендант генерал Воейков, флаг-капитан адмирал Нилов и флигель-адъютант капитан 2-го ранга Н. П. Саблин.

Эти три лица постоянно и повсюду сопровождали Государя, принимали участие в его личной жизни и по вечерам составляли его партию в домино, в которое он любил играть.

Если вообще с кем-либо Государь делился своими сокровенными мыслями и воззрениями, так это только с ними, и только они, — больше всех других приближенных царя — могли иметь на него влияние. Поэтому-то духовный облик этих лиц представляет собой значительный интерес для историка.

Генерал Воейков, представитель консервативной русской аристократии, отличаясь отталкивающей внешностью сибарита-циника, при ограниченных умственных способностях и научном кругозоре рядового гусарского офицера, обладал наглым самомнением и, громко исповедуя ретроградные взгляды, «черносотенного» толка, импонировал этим Государю и имел на него злосчастное влияние; не имея в своей душе ни тени сколь бы то ни было возвышенных чувств, он воочию обнаружил всю свою сущность, покинув первым, — самым неблаговидным образом, — Государя в Ставке, после его отречения от престола.

Флаг-капитан адмирал Нилов, если и не отличался умом, широтой взглядов и пониманием положения вещей, то во всяком случае отличался своим давнишним пристрастием к вину; о нем ходил анекдот, что Государь, привыкший видеть его постоянно «на взводе» и, считая это нормальным его состоянием, увидев его раз трезвым, подумал, что он «на веселе»; он, однако, к

чести его надо сказать, — был Государю «без лести» искренно предан, и покинул его не по своей воле, а по принуждению революционных властей.

Флигель-адъютант Н. П. Саблин заслуживает особого внимания, ибо из всех приближенных был ближе всего к царской семье, пользуясь особым благорасположением не только Царя, но и Царицы.

Этот красавец-мужчина, каких мало, не отличался ни умом, ни знаниями. Однако, как все морские офицеры, особенно младшего поколения, к коему он принадлежал, обладал известным кругозором и правильным пониманием вещей. Смутно предчувствуя угрожающие России опасности и беспокоясь об этом, он старался делать, что мог, чтобы эти опасности предотвратить, не рискуя, однако, при этом своим положением фаворита, причем руководствовался, может быть, не столько преданностью царской семье, сколько инстинктом самосохранения, ибо и он, правда, не в такой неблаговидной форме, как Воейков, покинул в критическую минуту облагодетельствовавшую его царскую семью.

Принадлежа к русской «морской семье», искони тесно сплоченной единством воспитания в стенах дорогого всем нам Морского Корпуса, общностью традиций и любовью к морю, Н. П. Саблин естественно тяготел в Ставке к нам, морякам, своим собратьям, — и главным образом с нами и общался, тем более, что был в одном со мною чине и питал ко мне приятельские чувства.

Он был частым гостем в моем кабинете, где мы вели с ним продолжительные разговоры по вопросам войны и пагубном направлении нашей внутренней политики, причем мне неоднократно пришлось убеждаться, что мысли, высказанные в этих разговорах, в коих нередко принимали участие и другие члены нашего

кружка, становились известными Государю, вследствие чего — дабы не быть обвиненными в «крамоле» и лишиться пути, по которому доводилось до Государя истинное положение вещей, — мы в этих разговорах соблюдали известную осторожность и приемлемую форму.

На особом положении был в Ставке генерал Н. И. Иванов, назначенный после смены с поста главнокомандующего Югозападным фронтом состоять при особе Государя, что было развнозначуще почетной отставке.

Несмотря на определенно выраженные признаки сенильности, он был «себе на уме» оппортунист, не лишенный, несмотря на свой «простецкий» вид, известного тщеславия.

В Ставке он особенно благоволил к нам, морякам, отчасти потому, что «будировал» своих сухопутных собратьев, считая их виновными в своей смене, отчасти потому, что знал благорасположение Государя к флоту.

Не рискуя потерять остатки «монаршего благоволения», он не затрагивал в разговорах с Государем щекотливых тем, а главным образом «многозначительно и мудро» молчал в его присутствии.

Жил он в своем вагоне на станции в полном безделии и главная его обязанность состояла в том, чтобы есть за царским столом.

Такова была безотрадная картина личного состава Ставки при Императоре Николае II; состоя, с одной стороны, из инертно настроенного офицерства, в массе своей, не отличавшегося особо возвышенными духовными качествами, с другой стороны — из беспринципного и ретроградного окружения Государя и, наконец,

из незначительной группы, стремившейся всеми способами найти путь к выходу из тяжелого положения, в котором была Россия, этот личный состав, в целом, не был способен и не смог обрести в себе достаточно воли и мужества, чтобы вступить в решительную борьбу с революцией, в каковую бы несомненно вступил, сплоченный единством возвышенных взглядов и безграничной преданностью к своему вождю, личный состав Ставки великого князя Николая Николаевича, останься он до конца во главе вооруженных сил России.

Глава II

ЖИЗНЬ СТАВКИ

Своей жизнью и распорядком службы Ставка при Государе, как уже было сказано, мало чем отличалась от обычных государственных учреждений.

По управлениям и канцеляриям также разрабатывались разные доклады, соображения и инструкции, составлялись директивы и оперативные указания фронтам и велась текущая переписка.

Особенность этой работы состояла в том, что значительная ее часть производилась, для ускорения, при посредстве переговоров по прямым проводам, связывавшим Ставку с штабами фронтов и Петроградом.

Каждое утро в 10 часов Государь, во время своих пребываний в Ставке, принимал от начальника Штаба доклад о положении на фронтах, для чего регулярно приходил из губернаторского дома, где жил со своей свитой, в управление генерал-квартирмейстера. После оперативного доклада Государь возвращался к себе, и в своем кабинете принимал приезжавших к нему с очередными докладами министров, сановников, и шефов иностранных миссий.

Около полудня работа в Штабе прерывалась для завтрака, который сервировался в две и даже три очереди, вследствие многочисленности чинов Ставки, в большом ресторанном зале одной из главных гостиниц Могилева. Сидели мы за маленькими столиками, по управлениям, а в глубине зала был большой стол, за которым сидели начальник Штаба, начальники управ-

лений Ставки и приезжие должностные лица, поскольку не были приглашены к царскому столу.

Во время пребывания Государя в Ставке на завтрак к его столу в губернаторском доме приглашались по очереди все чины Ставки и приезжающие к нему с докладами лица. Завтрак продолжался не долго и состоял из двух простых блюд; на маленьком столике у дверей на балкон стояла закуска и Государь хозяйским оком следил, чтобы все могли подойти к ней и выпить рюмку водки, особенно мы, младшие чины Ставки, которым преграждали дорогу к закусочному столу старшие начальники и именитые сановники. К завтраку за стол садились — считая свиту — человек 20-25. После завтрака все выходили в гостиную и становились вдоль стен, образуя «серкл», во время которого Государь, куря папиросу, разговаривал с кем-либо из приглашенных. «Серкл» после завтрака продолжался минут 15-20.

Часа два после завтрака посвящались отдыху и прогулкам, которые мы предпринимали уже не на конях, а на автомобилях, выезжая в окрестные леса и урочища.

Государь со своей свитой также регулярно и во всякую почти погоду предпринимал такие прогулки.

После отдыха работа в Штабе продолжалась до обеда, который сервировался от 6 часов вечера, в том же порядке, как и завтрак. Но офицеры, семьи которых жили в Могилеве, обедали обычно дома.

К обеду за царским столом изредка приглашались отдельные чины Ставки, по указанию самого Государя; эти приглашения считались знаком особого внимания; за стол в обед садилось всего человек 10-12.

Иногда, по вечерам, в местном театре бывали кинематографические сеансы, на которых присутствовал Государь с наследником, когда последний был при нем в Ставке. Приход Государя в театр музыка встречала

Преображенским маршем, причем все стояли, ожидая входа Государя в губернаторскую ложу; в эти дни публика в театр не допускалась; все ложи были распределены между иностранными миссиями, свитой Государя и отдельными управлениями Штаба; в этих ложах сидели жены чинов Штаба, жившие в Могилеве, а их мужья сидели, с другими чинами Штаба, в партере. Наша «морская» ложа была рядом с ложей японской миссии и японцы, по своему обычаю, встречали мою жену при ее входе в ложу низкими поклонами «с шипением», к чему она никак не могла привыкнуть, и всегда пугалась.

Государь, будучи сам добрым семьянином, благосклонно относился к пребыванию жен чинов Ставки в Могилеве, и потому многие из них, кому удалось получить подходящие квартиры, семейно там и обосновались.

Некоторые из нас, правда, немногие, вели открытый образ жизни, приглашая гостей к чаю, а иногда и к обеду. У моей жены за чаем обыкновенно собирались, помимо моряков, члены нашего приятельского кружка — дипломаты и гражданские чиновники, — некоторые лица царской свиты и представители иностранных миссий. Гостями за ужином у нас бывали генерал Н. И. Иванов и адмирал А. И. Русин, с несколькими моряками и двумя-тремя лицами свиты; обед накрывался не более, как на 10 человек, и когда нашим гостем был генерал Н. И. Иванов, мы за обеденным столом и после обеда в гостиной выслушивали длиннейшие рассказы Н. И. Иванова из времен его далекой молодости, причем рассказчик иногда посреди повествования всхрапывал на минутку, и все присутствующие в почтительном молчании ожидали его пробуждения и продолжения его бесконечного повествования.

Принимали еще 3-4 семьи, а дипломатическая канцелярия, состоявшая из холостых, устраивала иногда

большие приемы на 30-35 человек, которые проходили очень оживленно и на которых выступали любители певцы и музыканты из нашей среды; также оживленно проходили большие приемы, устраиваемые, со свойственным ему радушием В. Р. Вреденом, располагавшим большим помещением в старом помещичьем доме.

Такова была «светская» жизнь Ставки, положительная сторона которой состояла в том, что на приемах, наряду с забавой и «дамскими» разговорами, велись между нами собеседования и происходил обмен мнений по важным вопросам нашей внутренней политики, цель каковых была довести до сведения Государя, через посредство бывших на этих приемах, лиц его свиты, истинное положение вещей в России, служившее предметом всё более нараставшего беспокойства каждого из нас.

***

Наряду с этой, так сказать, повседневной «внешней» жизнью в Ставке велась скрытая упорная, но к сожалению, безнадежная работа, имевшая целью побудить Государя изменить пагубное направление его внутренней политики, принимавшей всё более и более опасные формы, чреватые самыми тяжелыми последствиями.

Непосредственным выразителем этой работы перед Государем мог и должен был быть в Ставке один лишь начальник Штаба генерал Алексеев, делавший ему ежедневные доклады, тем более, что он — фактически неся на себе всё бремя ответственности за верховное командование, — был более, чем кто-либо, озабочен возможным отрицательным влиянием на войска такого направления нашей внутренней политики.

Помимо этого, многие общественные деятели, и в первую очередь председатель Государственной Думы Родзянко, отчаявшись добиться от правительственных и придворных кругов изменения направления нашей внутренней политики и, отдавая себе отчет в пагубных ее последствиях, начали обращаться, особенно в период времени перед революцией — к генералу Алексееву с настойчивыми просьбами повлиять в этом смысле на Государя.

В Ставке нам было известно, что генерал Алексеев, оставаясь после оперативных докладов с глазу на глаз с Государем, несколько раз пытался поднять этот вопрос, причем носились слухи, что один раз разговор между ним и Государем на эту тему принял патетические формы. Однако, генерал Алексеев, переходя на незнакомую и чуждую ему почву внутренней политики, не сумел найти достаточно убедительных аргументов и не защищал их с достаточной твердостью, чтобы добиться желаемых результатов.

Но этого не могли добиться и значительно более искушенные, чем он во внутренней политике, государственные деятели.

Специально с этой целью в Ставку приезжал член Государственного Совета знаменитый бывший генерал-губернатор Туркестана, Кауфман-Туркестанский, пользовавшийся особым расположением покойного государя Александра III. Зная, как почитал Государь память своего отца и ценил его бывших сотрудников, мы в Ставке возлагали на Кауфмана-Туркестанского большие надежды; однако он, после продолжительного и крайне драматического, но безрезультатного, разговора с Государем, уехал из Ставки совсем расстроенный и даже больной.

Несмотря на искреннюю религиозность Государя, не повлияло на него ни замечательное и глубоко проникновенное красноречие о. Георгия Шавельского, ко-

торый был близко знаком с духовным обликом русского общества и народа и который — по своей пастырской должности — неоднократно и настойчиво предупреждал Государя о грозящей ему и России опасности.

Говорили с Государем об этом и его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и многие великие князья, между коими особой решительностью отличался великий князь, молодой и пылкий, Дмитрий Павлович, принявший впоследствии, во имя спасения России, участие в ликвидации Распутина.

Со своей стороны и мы, члены упомянутого выше кружка в Ставке, стремились, пользуясь нашими связями с некоторыми приближенными Государя, сделать, как сие будет изложено далее, всё, что могли, в этом смысле.

Но всё было напрасно. Государь не внял голосу разума и никто не смог его убедить.

Глава III

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Ныне имеется много описаний характера Государя, но не многие из них могут почитаться верными и объективными — слишком уж много сгустилось вокруг его личности жгучих и разнообразных страстей.

Большинство этих описаний принадлежит перу крайне оппозиционно и даже революционно настроенных авторов, и часто дышат не только излишней резкостью суждений, но даже злобой и ненавистью; другие же, менее многочисленные описания, принадлежа перу ретроградно и религиозно-мистически настроенных авторов, грешат чрезмерной идеализацией и сантиментальностью.

Автор настоящих воспоминаний не принадлежит, по своим убеждениям и по своей житейской философии, выработанной долгим жизненным опытом, ни к тем, ни к другим из вышеуказанных авторов; прослужив полтора года в Ставке при Государе, он составил себе, из личных наблюдений и разговоров с ним, определенное суждение об его личности, позже проверив их с достаточно отдаленной исторической перспективы, поэтому надеется достигнуть в изложении своего суждения должную объективность.

**
*

Государь был по своему нравственному облику таким, кого в общежитии называют хорошим и скромным человеком.

По природе своей деликатный, он был приветлив и благосклонен в обращении с людьми, особенно со своими приближенными и со всеми, в ком не чувствовал резко оппозиционного настроения или стремления насиловать его слабую волю. Никто никогда не слыхал от него грубого или обидного слова.

Его приветливость и благосклонность мне довелось испытать лично на себе: однажды в Ставке, вследствие сильного расстройства нервной системы, я надолго потерял сон, что крайне меня тяготило; узнав об этом, Государь, через своих приближенных, дал мне несколько советов, как избавиться от бессонницы, и лично мне их заботливо повторил во время «серкля» после одного из ближайших приглашений к его столу; между тем я не был ничем иным, как рядовым офицером его Штаба.

Некоторые авторы приписывают ему равнодушие и даже двуличность в обращении с людьми, ссылаясь на то, что нередко министры и государственные сановники, с которыми он только что на аудиенции был приветлив и любезен, находили у себя, по возвращении домой, указ об отставке. Такие случаи были и в Ставке, но они были следствием именно деликатного свойства характера Государя, не решавшегося лично причинить обиду человеку, который ему служил, а отнюдь не следствием двуличности, как то полагали злобно настроенные по отношению к нему люди.

Государь не был подвержен никаким страстям и излишествам; стол у него был совсем простой, и мы в Ставке никогда не видели, чтобы он у закуски выпивал больше одной рюмки водки и иногда за едой — одной рюмки вина; из игр любил он лишь домино и трик-трак, а в карты не играл.

Он был истинно верующим — как верили в старые времена, — и глубоко религиозным человеком, склонным к мистицизму и фатализму под влиянием несчастий, преследовавших его с самого начала царствования, что и отразилось в его затаенном печалью взоре.

Вера была единственной его твердой опорой в несении непосильного бремени правления, свалившегося на его слабые плечи.

Подобно своему отцу императору Александру III, ему были совершенно чужды какие-либо стремления к роскоши и «театральности», и, подобно ему, он вел в кругу своей семьи совсем простой образ жизни, не ища, при безупречной своей нравственности, вне ее каких-либо для себя развлечений и удовольствий.

Государь был исключительно любвеобильный муж и семьянин; но это любвеобилие, могущее составить счастье обыкновенного человека, было для него — слабовольного правителя огромного государства и для самого этого государства — фатальным несчастьем, ибо подчинило его воле царицы и интересам семьи.

О пагубном влиянии на Государя нервно и душевно нездоровой царицы, бывшей во власти проходимца Распутина и его омерзительной клики, которая через посредство царицы вынуждала Государя принимать пагубные для России решения, было в свое время много говорено и написано; а после опубликования ее интимной переписки с Государем в этом не осталось уже ни малейшего сомнения.

Государыню я близко видел в Ставке всего один лишь раз, и потому не могу высказать о ней какое бы то ни было личное суждение; но вынес я от ее внешности и взгляда душу леденящее впечатление.

Однако, я лично был свидетелем в Ставке одного из случаев пагубного ее влияния на Государя, о чем речь будет впереди.

***

Император Николай II, при своих высоких нравственных качествах, не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством.

Ему прежде всего недоставало твердости воли и решительности, этих основных свойств настоящего правителя и вождя.

Обладая средними умственными способностями, затемненными большим религиозным мистицизмом и устарелыми политическими взглядами, он просто не в состоянии был разумом «объять» грандиозную задачу управления Российской Империей, которая легла на него тяжелым бременем и к которой он не готовился.

А готовился он лишь к военной карьере, которую очень любил, и уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что, само собой разумеется, было недостаточно не только для управления государством, но и для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне.

Сознавая это, Государь всецело вверил сие руководство генералу Алексееву, и никогда не оспаривал его решений и не настаивал на своих идеях, даже тогда, когда эти идеи, — как например в Босфорском вопросе — были правильнее идей генерала Алексеева.

При всём этом, однако, Государь неустанно заботился и беспокоился о всём том, что могло способствовать успеху нашего оружия: часто посещал войска на фронте, обсуждал разные оперативные идеи и лично знакомился с новыми средствами вооруженной борьбы.

Доказательством этому служат следующие случаи.

**
*

Однажды, вскоре после того как Государь принял верховное командование, а морское управление не было еще преобразовано в Морской Штаб, ко мне пришел придворный камер-фурьер и, передав приглашение на обед к царскому столу, доложил, что Государь приказал мне явиться к нему в кабинет за полчаса до обеда.

Придя к назначенному часу в губернаторский дом, я был введен камер-лакеем в кабинет, где Государь сидел один за письменным столом. Государь приветливо меня встретил и, дав мне письмо, только что им полученное от английского короля, спросил мое мнение о новом средстве борьбы с подводными лодками, о котором ему король в этом письме сообщал.

Средство это, оказавшееся впоследствии неприменимым, состояло в сетях, подвешенных к полым стеклянным шарам, которых подводные лодки, вследствие прозрачности шаров, не замечали в перископ, и потому не могли своевременно нырнуть под сеть или вообще ее избежать. Я доложил Государю, что по кратким сведениям письма нельзя составить себе окончательного суждения об этом изобретении и что я запрошу через Морской Генеральный Штаб нашего морского

агента в Англии. Государь с этим согласился и перевел разговор на болгарский порт Бургас.

Болгарский порт этот имел значение огромной важности для Босфорской операции, горячим сторонником которой был Государь. Дело в том, что Бургас был единственным портом вблизи Босфора, где можно было бы высадить крупный десантный отряд, без коего наш Генеральный Штаб и, в частности, генерал Алексеев, категорически не считал возможным предпринять операцию для завладения Босфором.

Об этом порте давно уже велись секретные дипломатические переговоры с Болгарией, которые, однако, были безуспешными, ибо Болгария требовала себе, за выступление на нашей стороне и предоставление нам таким образом Бургаса, Македонию, на что Сербия своего согласия ни за что дать не хотела, закрывая глаза на то, что мы именно во имя ее спасения вступили в эту тяжелую для нас войну.

Эта черная неблагодарность, угрожавшая лишить нас не только возможности решить нашу национальную проблему, но даже и выиграть войну, глубоко опечалила и поразила Государя, заступничеству коего Сербия была всем обязана, и Государь теперь искал возможности обойтись без Бургаса для решения Босфорского вопроса.

Разработка в Ставке планов и оперативных предположений для Босфорской операции входила в непосредственный круг моих обязанностей, и Государь пожелал ознакомиться с моим мнением по этому вопросу, обсуждение которого так затянулось, что Государь — а это редко с ним случалось — настолько пропустил час обеда, что, наконец, министр двора граф Фредерикс решил войти в кабинет и напомнить Государю, что в гостиной ожидает приглашенная к обеду специальная военная миссия, приехавшая в Ставку из Франции.

Другой раз, это было поздней осенью 1916 г. — Государь пригласил всех нас, бывших у него на завтраке, поехать с ним испытывать новое изобретение, состоявшее в том, что, политая жидкостью, составлявшею секрет изобретателя, — любая поверхность, воспламенялась в любую погоду от попадания в нее ружейной пули.

Мы поехали в автомобилях за город на поле, где были сооружены различные предметы, покрытые этой жидкостью. Государь лично взял поданную ему винтовку и начал стрелять в эти предметы. Дул холодный ветер, шел дождь смешанный с снегом и на поле была большая грязь, так что Государь скоро промок. Мы все жались под защиту наших автомобилей, а Государь всё стрелял и стрелял, пока не убедился в неприменимости для военных целей этого изобретения.

Здесь я впервые познакомился с сделавшимся во время гражданской войны знаменитым, а тогда еще скромным казачьим есаулом, Шкуро, ставшим известным своими смелыми набегами в тыл немцев. На этом испытании Шкуро был представлен Государю.

Всё это ясно показывает, как действительно было Государю близко к сердцу благо России и как он неустанно о том радел.

***

Да, Государь всей душой любил Россию и доказал это, приняв за нее мученический венец.

Но он любил ее такой, какой хотел ее видеть по своим взглядам, любил в ней «святую Русь», и не хотел отдать ее, отрывавшим ее от него революционерам, пророчески предчувствуя, что она погибнет в их кровавых руках.

Естественно поэтому он предпочитал окружить себя сотрудниками соответствовавшими его взглядам, и колебался доверять бразды правления государственным деятелям либеральных взглядов, опасаясь, как бы они не толкнули Россию в объятия революции.

Но он смутно сознавал, что страна не может не идти вперед, но как и по какому пути, — он — не обладая врожденными способностями правителя и не будучи уверенным в себе — не мог того своим умом объять, как некогда сие объял своим гением великий Петр, решительно и без оглядки двинув Россию, так же им любимую, по пути прогресса.

Однако, всё же он искал таких людей, — может быть их и не любя, — которые сумели бы вести Россию, охраняя ее вместе с тем от революционеров, по тому пути, необходимость коего он смутно сознавал.

Ведь это он вручил бразды правления в руки мудрому и сильному волей П. А. Столыпину, который — не убей его революционер, несомненно вывел бы Россию на этот путь; ведь это он призвал к верховному командованию вооруженных сил великого князя Николая Николаевича; ведь это он вверял отдельные отрасли правления таким просвещенным и честным государственным деятелям, какими были Сазонов, Коковцев, Кривошеин, Щербатов, Самарин и Григорович.

Но, к сожалению, в окружении Государя всегда были беспринципные люди с ретроградными взглядами, которые, демонстрируя «беззаветную преданность» и «показной» патриотизм, сумели втереться в доверие Государя, не имевшего ясного критерия для их оценки, и эти люди, составлявшие фалангу «темных сил», вступали, из опасения за собственную шкуру, в ожесточенную подпольную борьбу с просвещенными государственными деятелями, призванными Государем к

правлению, и разными интригами — не редко при посредстве Государыни, «не ведавшей что творит», добивались их смены.

Свидетелем такого случая, где дело уже шло о спасении государства, автор настоящих воспоминаний был в Ставке осенью 1916 года.

⁂

Осенью этого года деятельность Штюрмера на посту председателя Совета Министров привела к такому обострению отношения между правительством и страной, а особенно Думой, что Государь принял решение его сменить, и он в начале ноября был вызван в Ставку, где получил от Государя повеление вернуться в Петроград и ожидать там своего заместителя.

Мы в Ставке об этом знали и с душевным трепетом следили за развитием этого правительственного кризиса, ибо оппозиционное настроение в стране достигло такого напряжения, что от выбора лица, имевшего заменить Штюрмера, могла зависеть сама судьба России.

И вот в Морском Штабе Верховного Главнокомандующего родилась мысль, с радостью поддержанная всеми благомыслящими людьми в Ставке, о кандидатуре морского министра адмирала И. К. Григоровича на пост председателя Совета Министров.

Нет сомнения, что в то тяжелое время, не было более подходящего и соответствующего, чем он, государственного деятеля для успешного занятия столь ответственного поста.

Адмирал И. К. Григорович, будучи во всех отношениях рыцарски честным и высоко просвещенным человеком с широкими политическими взглядами, обла-

дал исключительно выдающимися государственно-административными способностями; Государь относился к нему с большим доверием и благосклонностью, а вместе с тем он пользовался симпатиями и уважением Государственной Думы, и из всех, пользовавшихся тогда расположением Государя государственных деятелей, один лишь он был для Думы приемлем; а это было самое главное, ибо только этим можно было водворить спокойствие в стране и обеспечить ее доверие к правительству.

Мысль о кандидатуре адмирала И. К. Григоровича была передана флигель-адъютанту Саблину и начальнику походной канцелярии Нарышкину, которые, вполне с ней согласившись, взялись довести ее до сведения Государя.

Уже на следующий день утром мы узнали, что Государь отнесся к кандидатуре И. К. Григоровича весьма благоприятно и что он наверное получит назначение.

Как раз в этот день — то была пятница — я был на царском завтраке; во время «серкля» Государь подошел ко мне и спросил: «кажется морской министр собирается ко мне с докладом в понедельник?». Сердце у меня замерло. Так как нам было известно, что министр приедет в Ставку именно в понедельник, я ответил Государю утвердительно и тут же прибавил, что, если Государь пожелает его сейчас вызвать, то он может быть в Ставке и завтра утром. Государь на минуту задумался, а потом сказал: «нет не надо его беспокоить, всё равно через два дня он будет здесь».

Но, на несчастье всех нас, этих двух дней оказалось достаточно, чтобы Государь изменил свое доброе намерение.

Немедленно после завтрака я доложил об этом разговоре адмиралу А. И. Русину, который приказал

мне выехать в понедельник навстречу адмиралу И. К. Григоровичу, чтобы предупредить его об ожидаемом его высоком назначении. Это необходимо было потому, что адмирал, как и все министры, прямо с вокзала в Могилеве ехал на доклад к Государю.

В понедельник утром я выехал в автомобиле навстречу адмиралу и на станции Орша вошел в его салон-вагон.

Когда я доложил адмиралу, что его ожидает, он сначала очень взволновался, а потом глубоко и надолго задумался. Но, подъезжая к Могилеву, он перекрестился, на висевший у него в углу салон-вагона образ, и сел в ожидавший его придворный автомобиль, с решением принять на себя, во имя блага родины, тяжкое бремя этого назначения.

Обыкновенно после доклада Государь шел с министром прямо к завтраку. Мы все с нетерпением ждем его окончания; вот выходят из губернаторского дома приглашенные в этот день к завтраку, а адмирала нет между ними, проходит довольно много времени — его всё нет; мы радуемся, думая что Государь обсуждает с ним важные государственные вопросы, касающиеся его новой высокой должности.

Наконец, адмирал выходит, и молча, задумчивый, направляется в кабинет адмирала Русина; придя туда, он с усталым жестом садится и от него мы узнаем, что Государь был с ним необыкновенно любезен, внимательно расспрашивал его о разных второстепенных делах, рассказывал и показывал ему, как в Ставке живет с ним наследник, но ни словом не обмолвился о назначения его на пост председателя Совета Министров!

Впоследствии мы узнали, что за эти два дня Государь, по прямому телефону, связывавшему Ставку с Царскосельским дворцом, сообщил императрице о

своем намерении назначить адмирала И. К. Григоровича на пост председателя Совета Министров, но Государыня категорически этому воспротивилась, ссылаясь на то, что его, якобы слишком либеральные взгляды, при его популярности в Думе, могут быть опасны для престола... и Государь, как всегда перед царицей, сдался.

Был назначен А. Ф. Трепов, который, продержавшись на посту несколько недель, был сменен ставленником императрицы совершенно никчемным и неспособным князем Голицыным... и через месяц вспыхнула революция.

Нередко первоначальные намерения Государя, как из этого случая видно, были правильны, и будь у него хоть частица той твердости характера, которым обладал Петр Великий, решительно устранивший с пути свою сестру и родного сына, препятствовавших с их приспешниками его намерениям и начинаниям, — царствование императора Николая II не закончилось бы для него самого и для России так трагически.

Глава IV

ВЕРХОВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НА СУХОМ ПУТИ. ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ

Принятие на себя Государем верховного командования совпало с началом позиционной войны на нашем фронте, каковая так и осталась позиционной до самого конца, то есть до прекращения военных действий вследствие нашего поражения.

В начале осени 1915 года фронт стабилизировался на сплошной линии от Балтийского моря до румынской границы, войска на этой линии глубоко «закопались» в землю, чем была скована и на нашем фронте всякая свобода стратегического маневрирования.

С течением времени войска усовершенствовали разными фортификационными сооружениями силу сопротивления своих позиций, обратив их в широкую полосу полевых укреплений, трудно поддающихся прорыву лобовой атакой.

После вступления Румынии в войну осенью 1916 г. наш фронт протянулся до Черного моря, и таким образом оба фланга оперлись на морские побережья.

***

Для успешного оперативного руководства военными действиями в обстановке позиционной войны полководцу не требуется столь значительные стратегические дарования, каковыми он должен обладать для успешного руководства военными действиями в

обстановке маневренной войны. Да и вообще говоря, стратегический дар полководца может именно выявиться лишь в маневренной войне, что мы и видели в первый — маневренный период войны — на нашем фронте, когда во главе верховного оперативного руководства стоял великий князь Николай Николаевич.

В обстановке же позиционной войны, когда фронт протянулся от моря до моря и когда на сухом пути невозможен никакой другой маневр, кроме лобового удара с целью прорыва фронта, стратегическое руководство ограничивается лишь выбором места и времени этого прорыва.

Тут не может быть места, да и не нужна, та гениальная интуиция, которая в маневренной войне побуждает великих полководцев принимать целесообразные оперативные решения в связи с постоянно меняющимися элементами обстановки. Тут, в закрепленной на долгие периоды времени обстановке, с неизменно начертанной линией фронта, нужна не гениальная интуиция, а методический кропотливый расчет. Этот расчет путем тщательного изучения военно-географических условий на фронте, приводит к решению о том, где наивыгоднейшее место для прорыва, а подсчет нарастания наших сил и сопоставление их с силами противника указывает когда наступит благоприятный момент для этого прорыва, принимая при этом во внимание климатические условия.

Для решения этой задачи, то есть для верховного оперативного руководства нашей армией в обстановке позиционной войны, лучшего военачальника, нежели был генерал М. В. Алексеев, трудно было бы себе представить.

Благодаря своей тщательной точности, исключительной вдумчивости и знанию дела, никто, конечно, лучше его не был бы способен всесторонне исследо-

вать этот вопрос и вынести наиболее целесообразное решение.

Взявшись за это дело вскоре после своего назначения на должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал Алексеев прежде всего пришел к заключению, что прорыв должен быть осуществлен на Югозападном фронте, где, благодаря занятию этого фронта австрийскими войсками, можно было ожидать значительно менее упорное сопротивление, чем на Северозападном фронте, занятом немецкими войсками. В связи с этим решением главнокомандующим Югозападным фронтом был назначен, вместо «устаревшего» генерала Н. И. Иванова, генерал Брусилов, выдвинувшийся своей энергией и стратегическими способностями во время нашего наступления в Галиции в начале войны. От него можно было ожидать решительности и настойчивости в руководстве войсками при прорыве, что и подтвердилось при нашем наступлении в Галиции летом 1916 г., получившем название «Брусиловского».

На Югозападном фронте был выбран для прорыва такой участок, который был для прорыва сравнительно более легким и позволял после прорыва развить наступление в глубокий тыл противника, а между тем подача к нему подкреплений была бы для противника наиболее затруднительна. Кроме того, при выборе участка для прорыва генерал Алексеев обратил особое внимание на то, чтобы условия на нем способствовали сохранению в тайне всех сложных и длительных работ по подготовке прорыва. Насколько выбор участка с этой стороны был сделан правильно, показывает то, что противник до самого последнего момента не заметил нашей подготовки, которая однако велась месяцами и привела к сосредоточению в тылу этого участка огромных боевых запасов, артиллерийских батарей и разных других боевых средств.

Целесообразность и искусность выбора участка со всех точек зрения полностью подтвердилась, когда во время революции, наши войска, несмотря на полную потерю своей боеспособности и деморализацию, с невероятной легкостью и почти без потерь пробили здесь австрийский фронт.

Что касается определения времени прорыва, таковое обуславливалось накоплением на участке прорыва достаточных запасов и средств для его осуществления; а это находилось в непосредственной зависимости от времени, необходимого для их создания и доставки на фронт. Располагая данными о производительности нашей военной промышленности и данными о заготовках заграницей и, принимая во внимание провозоспособность нашего северного пути, генерал Алексеев установил, что достаточное количество боевых средств и запасов на участке прорыва не может быть сосредоточено ранее начала 1917 года; при этом был принят в расчет и значительный резерв этих запасов на случай, если бы пришлось в течение 1916 года предпринять для отражения возможных атак противника операции, связанные с значительными расходами боевых припасов.

Введя в этот расчет данные климата, генерал Алексеев окончательно назначил для прорыва на Югозападном фронте март месяц 1917 г., и к этому сроку были приурочены все приготовления.

***

Не в наших, конечно, интересах было предпринимать в течение всего периода времени подготовки к прорыву на Югозападном фронте, то есть, начиная с осени 1915 и до весны 1917 г., какие бы то ни было

наступательные операции значительных размеров, ибо восстановление боеспособности нашей армии и накопление запасов шло, по известным нам причинам, чрезвычайно медленно; поэтому всякая значительная операция на нашем фронте в течение 1916 г. могла отдалить назначенный для главного прорыва срок, вследствие излишнего расхода для этих операций боевых запасов.

Однако нельзя было не считаться, с одной стороны, с возможностью какой-либо значительной наступательной операции противника, с другой же стороны, с возможной необходимостью крупных операций, вытекающих из наших союзных обязательств.

И действительно, дальнейший ход военных действий показал, сколь правильно и необходимо было предусмотреть при подготовке к главному прорыву известный резерв запасов и для таких операций, ибо в течение 1916 года мы были волей-неволей принуждены предпринять две крупные операции в связи с нашими вышеупомянутыми обязательствами.

В феврале 1916 г. немцы предприняли решительную операцию прорыва на западном фронте в районе Вердена. Так как положение на французском фронте стало тотчас же критическим, мы вынуждены были для облегчения этого положения и отвлечения немецких сил, предпринять крупную наступательную операцию на нашем Северозападном фронте в районе озера Нароч. На Северозападном фронте потому, что он был ближе всего к источникам пополнения боевыми запасами, каковые к моменту начала этой операции далеко еще не были восстановлены, после нашего отступления в 1915 году. А так как положение у Вердена становилось всё более и более критическим, то нам пришлось начать операцию у озера Нароч в марте месяце, в самую весеннюю распутицу.

Этой операцией мы значительно облегчили положение у Вердена, где немцам, несмотря на их невероятную настойчивость, прорыв не удался и стоил им громадных жертв.

Но и нам операция у озера Нароч, «захлебнувшаяся — по выражению Людендорфа, — в грязи и крови», стоила также не малых жертв.

15 мая 1916 г. австрийцы предприняли решительное наступление против Италии, где положение сразу же приняло катастрофический характер. Представители военной миссии Италии в Ставке так приуныли, что на них жалко было смотреть.

Буквально говоря, для спасения Италии нам в срочном порядке пришлось перейти в наступление на Югозападном фронте. На Югозападном фронте потому, что этот фронт был ближе всего к Италии и давление на австрийцев именно здесь быстрей всего должно было бы отразиться на итальянском театре военных действий, что на самом деле и произошло.

В самом начале июня войска генерала Брусилова стремительно атаковали австрийцев в районе Луцка, и принудили их к поспешному отступлению; так началось Брусиловское наступление 1916 года.

Избранный для главной атаки район Луцка находился значительно севернее участка фронта, предназначенного для прорыва весной 1917 года, и потому наступление у Луцка не демаскировало наши приготовления на этом участке.

Брусиловское наступление, сопровождавшееся прорывом австрийского фронта в нескольких местах, развивалось столь успешно, что уже в конце июля месяца можно было надеяться достигнуть таких результатов, которые могли бы иметь решающее влияние на весь ход войны.

Однако этих результатов не удалось достичь, с одной стороны, потому, что к этому времени мы не

успели сосредоточить на Югозападном фронте достаточных боевых припасов для операции таких размеров, с другой же стороны, потому, что австрийские войска на фронте нашего наступления были заменены свежими немецкими войсками, и в начале августа Брусиловское наступление было окончено.

Хотя это наступление и не достигло решающих для всей войны результатов, — на которое мы в его начале и не рассчитывали, — оно всё же достигло поставленной ему цели, то есть спасения Италии, и вместе с тем выявило столь значительную степень потери австрийской армией боеспособности и сопротивляемости, что в успехе подготовляемого нами к марту 1917 года решающего наступления, не могло быть уже ни малейшего сомнения.

Ход военных действий на нашем сухопутном фронте в течение 1916 года показал, сколь целесообразно было верховное оперативное руководство ими и сколь правильны были сделанные расчеты по подготовке нашего решающего наступления, приуроченные к весне 1917 года, причем военные действия в 1916 году были так направлены, что ими не была демаскирована наша подготовка к решающему наступлению, которое в 1916 году застало австрийцев совершенно врасплох.

***

Осенью 1916 года нашему верховному командованию пришлось решать еще один важный вопрос оперативного характера в связи с присоединением к Антанте Румынии и выступлением ее против Германии.

Уже с самого начала войны дипломатия Антанты всеми способами и средствами старалась привлечь

на свою сторону Румынию и заставить ее принять участие в войне.

Помимо нашего посланника в Бухаресте А. С. Паклевского-Козела, пользовавшегося в Румынии большим влиянием, другим деятельным «агентом» в этом вопросе был начальник Дунайской речной флотилии Свиты его величества контр-адмирал М. М. Веселкин, сделавший из выступления Румынии свой «point d'honneur» (вопрос чести).

Дунайская флотилия, непосредственно подчиненная верховному командованию, была в начале войны образована из судов Русско-Дунайского пароходного общества с присоединением к ним нескольких канонерских лодок Черноморского флота; первоначальная задача этой флотилии состояла в военном снабжении Сербии по Дунаю, а после занятия Сербии противником, деятельность ее личного состава и в первую очередь ее начальника адмирала Веселкина сосредоточилась на побуждении Румынии к выступлению.

М. М. Веселкин — любимец Государя и всего флота, «истинно русский человек», душа нараспашку, остряк, решительно никому спуску не дававший и в карман за словом не лазивший, гуляка-весельчак и хлебосольный барин — был как нельзя более подходящим к такой деятельности. В его распоряжение было дано на 2 миллиона рублей различных раскошных ювелирных изделий, которые он широкой рукой раздавал в виде «подарков» разным румынским деятелям и их женам, имевшим «право голоса» в вопросе выступления Румынии.

Однако, несмотря на все настояния дипломатии и адмирала Веселкина, Румыния всё время колебалась, главным образом из боязни Германии, которая через посредство мощной румынской германофильской партии оказывала сильное давление на румынское правительство.

В вопросе выступления Румынии наше верховное командование в лице генерала Алексеева держалось, с чисто военной точки зрения, противоположного мнения, считая это выступление нежелательным. Учитывая чрезвычайно низкую боеспособность румынской армии и полную ее неподготовленность к войне, генерал Алексеев справедливо полагал, что в случае выступления Румынии главная тяжесть военных действий на этом новом театре войны ляжет на наши плечи, как раз в то время, когда мы понесли большие потери при Брусиловском наступлении и когда наша подготовка к решительным операциям 1917 года далеко не была еще закончена.

События, последовавшие за выступлением Румынии, полностью подтвердили опасения генерала Алексеева: румынская армия с молниеносной быстротой была разбита на голову и нам пришлось протянуть свой сухопутный фронт до самого Черного моря, выделив для этого значительные силы, во главе которых был поставлен один из лучших наших военачальников генерал Щербачев.

Однако, вопрос выступления Румынии мог рассматриваться и с иной точки зрения: Румыния с ее громадными хлебными, а главным образом нефтяными богатствами представляла собой для Германии, — особенно к концу войны, когда ее запасы истощились — слишком «лакомый кусок», и потому следовало ожидать, что немцы, если им не удастся привлечь ее на свою сторону, неминуемо ее просто напросто завоюют. Этой точки зрения придерживалась дипломатия, стремясь «оторвать» Румынию от Германии и привлечь ее на сторону Антанты.

Правильность точки зрения дипломатии полностью подтверждена опубликованными ныне мемуарами немецких военачальников, из которых явствует, что

завоевание Румынии определенно входило в планы войны Германского командования.

Завоевание же Румынии Германией, или выступление ее на стороне последней, представляло собой для нас, с чисто военной точки зрения, громадную опасность, ибо этим немцы получали в свое распоряжение обширный плацдарм для удара во фланг и тыл нашего Югозападного фронта, чем могла бы быть пресечена возможность нашего перехода в наступление на этом фронте и вся подготовка к этому наступлению могла бы быть сведена на нет. В этом случае нашему верховному командованию пришлось бы для восстановления положения принести гораздо большие жертвы чем те, которые оно фактически принесло для поддержания Румынии после выступления ее на нашей стороне.

Всё это повидимому не было в достаточной степени учтено генералом Алексеевым, на что указывает характер, как будто «contre coeur» (против желания) принятых им недостаточных мер для поддержания Румынии тотчас после ее выступления. Будь эти меры более решительными, быть может удалось бы спасти румынскую армию от полного разгрома, и этим значительно уменьшить количество наших сил, которые пришлось впоследствии выделить для удлинения нашего фронта до берегов Черного моря. Но с другой стороны, просто невозможно было предвидеть, что 700.000-ная румынская армия окажется до такой невероятной степени ни на что непригодной, как бы низко мы ни расценивали ее боеспособность. А генералу Алексееву после Брусиловского наступления и кровавых потерь в боях у озера Нароч, приходилось, в интересах будущего нашего наступления в 1917 году, экономить наши силы.

Впрочем меры, которые мы принуждены были впоследствии принять в связи с разгромом румынской

армии, не повлияли на нашу подготовку к решительному наступлению на Югозападном фронте, каковая полностью, несмотря на это, была закончена к назначенному сроку и точно по установленному плану.

***

В конце августа месяца 1916 года Румыния наконец присоединилась к Антанте; к этому ее побудили не столько усилия дипломатии, сколько победоносное наступление Брусилова в Галиции.

Незадолго до этого, и в самый разгар Брусиловского наступления, я был командирован в Румынию для выяснения на месте общей там обстановки и для изучения, в связи с нашей подготовкой к Босфорской операции, агентурных сведений о положении в Турции и особенно в районе Босфора, каковые сведения были сосредоточены в центре нашей агентурной разведки Турции, находившемся в Бухаресте.

Так как Румыния была в то время еще нейтральна, а моя миссия имела к тому же и строго доверительный характер, мне пришлось обзавестись штатским платьем, каковое потом осталось при мне в Ставке; это спасло мне впоследствии жизнь при разгроме Ставки большевиками.

Прибыв в Рени на берегу Дуная, где находилась база нашей речной флотилии, я был встречен ее начальником адмиралом М. М. Веселкиным, моим большим приятелем, с распростертыми объятиями. Он лично доставил меня на своем флагманском судне «Русь» в румынский порт Галац и дал мне ряд советов в связи с моей миссией.

Из обстоятельных разговоров с нашим посланником Паклевским-Козел, с нашим морским агентом ка-

питаном 1-го ранга Н. А. Щегловым и с военным агентом полковником Татариновым, — которые все скептически относились к выступлению Румынии, — я вынес самое мрачное впечатление о ее боеспособности. Впечатление это еще более усилилось из разговоров с некоторыми румынскими деятелями и из личных моих наблюдений над жизнью в Бухаресте.

Но зато другая часть моей миссии, то есть выяснение положения в Турции, привела меня к отрадным заключениям, так как из всестороннего изучения с главой нашей агентурной разведки и моим другом капитаном 2-го ранга В. В. Яковлевым собранных им и тщательно проверенных сведений оказалось, что обстановка для нашей Босфорской операции весьма благоприятна и что Турция, несмотря на все усилия немцев, почти совсем утратила свою боеспособность.

На возвратном пути мне пришлось выслушать от М. М. Веселкина, ярого сторонника выступления Румынии, жестокую, но, по моему глубокому убеждению, мало обоснованную критику скептической точки зрения наших дипломатических и военных представителей в Бухаресте, с которыми он из-за этого был «на ножах».

Провожая меня на вокзал, он передал мне довольно объемистый пакет со словами: «На, возьми, и передай это Государю; здесь копченая колбаса и пармезан, которые он любит; только смотри, дай слово, что передашь ему лично, а то иначе всё слопают придворные лакеи, и до него ничего не дойдет».

Признаться, такое поручение меня озадачило едва ли не больше, чем вся моя дипломатическая миссия, ибо, так-таки «здорово живешь» вручить Императору и Самодержцу Всероссийскому кусок колбасы и сыра, — дело не простое.

В тот же день по своем возвращении в Ставку я получил приглашение к царскому столу, но хотя обе-

щание, данное Веселкину, и не выходило у меня из головы, я всё же не решился взять с собой его «подарка», желая посоветоваться сначала с кем-либо из придворных, как мне быть.

После завтрака во время «серкля» Государь подошел ко мне и спросил о результате моей командировки. Окончив доклад я замялся, не решаясь «при всем честном народе», состоявшем из высших сановников и придворных, докладывать и о колбасе с сыром. Государь заметил мое замешательство, и со свойственной ему проницательностью, догадываясь в чем дело, вывел меня из замешательства вопросом: «Должно быть Веселкин мне что-нибудь прислал?» Ответив утвердительно и, доложив в чем состоит посылка Веселкина, я рискнул прибавить, что обещал Веселкину вручить ее лично Государю.

Государь улыбнулся и сказал: «Напишите Веселкину, что я его благодарю и что свое обещание вы исполнили, а пакет передайте графу Бенкендорфу».

После завтрака я снес пакет гофмаршалу графу Бенкендорфу, который — священнодействуя, — записал торжественно колбасу и сыр Веселкина в толстую книгу подарков «на Высочайшее имя приносимых», и после этого привезенная мною колбаса и сыр долгое время не сходили с царского закусочного стола.

***

Выше было уже сказано, что позиционная война на нашем сухопутном фронте сковала свободу маневрирования и свела верховное оперативное руководство к целесообразному выбору времени и места для лобовой атаки с целью прорыва фронта.

Но так как наш сухопутный фронт непрерывно

тянулся от моря и до моря, возникал вопрос о возможности использования этих морей для широких стратегических маневров на флангах и в тылу неприятельского фронта, опиравшегося, параллельно нашему, на побережья этих морей.

История дает нам много примеров успешного и даже решающего использования для этих целей морей в обстановке больших войн, подобных обстановке войны на нашем фронте в 1916-1917 годах.

Так например, искусное маневрирование английских войск по морю в Испании и Португалии во время Наполеоновских войн, привело к поражению французов на фронте Пиринейского полуострова, каковое поражение, по признанию самого Наполеона и по заключению всех военных историков, положило начало крушению всей наполеоновской империи. В 1-ой мировой войне распадению военной мощи Тройственного Союза положила начало Салоникская экспедиция, которая представляла собой ничто иное, как стратегический маневр по морю в глубоком тылу общего расположения сил всего этого Союза. И, наконец, крушению германской военной мощи во II-ой мировой войне положил начало искусный и грандиозный маневр англо-американских войск по морю, приведший к образованию, после высадки в Нормандии, «второго фронта».

Однако для широкого и искусного использования моря в целях стратегического маневрирования, верховное оперативное руководство должно обладать дарованиями, не только необходимыми лишь для руководства маневренной войной на сухом пути, но и значительно того большими, ибо здесь идет дело о согласовании действий двух совершенно разнородных элементов — суши и моря — и о правильной оценке оперативных возможностей двух, столь разнохарактерных по своим свойствам вооруженных сил, как армия и флот.

Здесь Верховный Главнокомандующий должен обладать, — помимо обычных свойств выдающегося полководца, — глубоким знанием обстановки ведения войны и на суше и на море; умением руководства маневрированием вооруженных сил в этих двух элементах; способностью правильной оценки боевых свойств армии и флота; и, наконец, широким размахом стратегической мысли в решении вопроса об использовании моря для маневрирования всей вооруженной силы, во главе которой он стоит.

Наш сухопутный фронт протягивался, как известно, от Балтийского до Черного моря.

На Балтийском море, где господство находилось в руках немецкого флота, значительно превосходившего наш Балтийский флот по силе, всякая возможность широкого стратегического маневрирования была исключена. Но зато эта возможность была полностью обеспечена на Черном море, где безусловное господство находилось в руках нашего Черноморского флота и где мы в 1916 году уже имели транспортную флотилию, способную перебросить на неприятельское побережье в один прием целый армейский корпус усиленного состава, а впоследствии обеспечить снабжение и питание высаженной в 2-3 приема десантной армии силой до трех армейских корпусов со всеми их тыловыми учреждениями и службами.

На Черном море находился Босфорский пролив, завладение коим, как мы знаем, должно было иметь решающее влияние на исход всей войны. Эта стратегическая цель первостепенной важности могла быть достигнута лишь широким десантным маневром по Черному морю.

Однако, к великому сожалению, наше верховное командование не решилось осуществить этот маневр для завладения Босфором, главным образом потому, что, оно в лице генерала Алексеева и его сухопутных

сотрудников, не обладало достаточно широким «размахом» стратегической мысли, свойственным выдающимся военачальникам, и к тому же не давало себе ясного отчета об оперативных возможностях морской вооруженной силы.

Подробному рассмотрению этого вопроса исключительной важности посвящены дальнейшие главы настоящих воспоминаний.

Черное же море в 1-ую мировую войну фактически было использовано лишь для простых перевозок более или менее крупных войсковых частей и для небольших десантных операций тактического характера на участке прибрежного фланга турецкого фронта, инициатива которых всецело принадлежит главнокомандованию на Кавказском театре военных действий, где эти операции производились.

Глава V

ВЕРХОВНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НА МОРЯХ. НАЗНАЧЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА КОМАНДУЮЩИМ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ

За всё то время, пока Государь оставался на посту Верховного Главнокомандующего, и до самого конца войны, командующий Балтийским флотом был подчинен главнокомандующему Северозападным фронтом, а потому директивы верховного командования этому флоту имели лишь общий оперативный характер.

Директивы эти определяли задачу Балтийского флота в общем ходе военных действий всех наших вооруженных сил и состояли, как уже известно, в том, что: Балтийский флот должен был прочно оборонять подступы к столице с моря, и для этого воспрепятствовать проникновению противника в Финский залив; а также оборонять правый фланг нашего фронта от нападений со стороны моря, и для этого воспрепятствовать проникновению противника в Рижский залив, на который этот фланг опирался. Эту директиву командование Балтийским флотом расширило по собственному почину ведением наступательных операций внезапного характера в средней и южной части Балтийского моря.

В общем, ход военных действий на Балтийском море в 1916 году был продолжением тех операций, которые велись на нем в 1915 году, но объем этих операций и их успешность значительно увеличились, ибо за зиму 1915-16 годов сила флота и оборонительная способность Балтийского театра войны значительно возросла.

В строй флота вступили 4 мощных броненосца,

несколько больших быстроходных эскадренных миноносцев, несколько подводных лодок и много разных вспомогательных судов; вместе с тем за зиму было возведено много батарей и укреплений на берегах и островах обоих заливов, что обратило эти заливы в сильно укрепленные районы, дополненные многочисленными минными заграждениями.

В течение 1916 года немецкий флот не сделал ни одной попытки прорваться в Рижский залив и вести там операции для поддержки своего сухопутного фронта; между тем части нашего флота, оперировавшие в этом заливе, оказывали мощную поддержку нашему приморскому флангу бомбардированием судовой артиллерией большого калибра позиций немецких войск на берегу и внезапными высадками небольших отрядов в тыл приморского фланга немецкого фронта.

Поздней осенью 1916 года одиннадцать немецких быстроходных миноносцев, составлявших самую мощную минную флотилию немцев, сделали попытку прорваться в Финский залив, закончившуюся для них катастрофой; семь из них погибли на наших минных заграждениях.

Наши легкие силы, поддержанные броненосцами, продолжали так же, как и в 1915 году, вести смелые наступательные операции в водах полного господства противника; операции эти, состоявшие, главным образом, в постановке минных заграждений, имели целью затруднить морские сообщения немцев с их войсками на побережьи Балтийского моря и со Швецией, откуда Германия получала чрезвычайно для нее важное снабжение. В этих операциях участвовали наши и английские подводные лодки, проникшие через Зунд в начале войны в Балтийское море, и присоединившиеся к Балтийскому флоту.

Операции эти нанесли известный вред противнику, но главным образом способствовали поддержанию

духа, особенно среди экипажей больших судов, которые принимали в этих операциях участие в качестве тактической опоры для легких сил.

В 1916 году среди экипажей больших судов, вследствие вынужденного их относительного бездействия, начали появляться признаки деморализации, выразившиеся в беспорядках, неожиданно вспыхнувших на одном из них. В связи с этим верховное командование значительно видоизменило свою директиву, которой были ограничены в 1915 году права командующего флотом употреблять новые броненосцы для наступательных операций; после этого они стали много чаще принимать в этих операциях участие, что благотворно подействовало на дух их экипажа, и беспорядки на них, до начала революции, больше не повторялись.

В общем Балтийский флот до самой революции полностью, и даже с лихвой, выполнил все поставленные ему задачи, а немецкий флот не рисковал предпринимать на Балтийском море никаких более или менее значительных операций, вследствие искусно и прочно организованной нами обороны этого морского театра военных действий.

**
*

31 мая 1916 года произошло главное морское событие 1-ой мировой войны: Ютландское сражение между английским и немецким флотом.

Сражение это, закончившееся для англичан крупным «тактическим неуспехом», ибо они понесли значительно большие потери, чем немцы, не имело, однако, вредных для них стратегических последствий, и обстановка на море не изменилась в пользу немцев после этого сражения.

По дошедшим в Ставку к нам первым сбивчивым сведениям об английских потерях в этом сражении, можно было заключить, что англичане потерпели значительное поражение тем более, что эти сведения исходили из официального английского источника. В течение трех дней, пока не были получены исчерпывающие сведения об истинном положении вещей, адмирал Филимор, глава военной миссии в Ставке, пребывал в состоянии большого переполоха, часами думал и гадал с нами о том, как сие могло случиться, и опасался даже за судьбу Англии, существование которой было неразрывно связано с ее владычеством на море.

Впоследствии носились слухи, что английские правители намеренно опубликовали такие сбивчивые и неясные сведения, по которым, в первый момент, можно было думать о поражении английского флота, для того, чтобы этим вызвать резкое падение английских ценностей на американской бирже и скупить их там по низкой цене. Верно ли это, трудно сказать, но со стороны «коварного Альбиона» — возможно.

Здесь, однако, не могу не упомянуть, что до встречи немецкого флота у Ютланда с целым английским флотом, чего немцы тщательно старались избежать, дошло лишь благодаря одной чрезвычайно важной услуге, которую мы англичанам в начале войны оказали, но которую они старательно замалчивают и не придают ей того громадного значения, которое она в действительности имеет.

Дело было в следующем: в самом начале войны немецкий крейсер «Магдебург» выскочил ночью в тумане на островок Оденсхольм в устье Финского залива; и выскочил так, что носовая часть корпуса оказалась на суше. На рассвете, сопровождавшие крейсер миноносцы сняли с него почти всю команду, и ушли; на нем осталось лишь несколько матросов и командир

крейсера фон Хабеннихст, что значит «ничего не имеющий» — в данном случае фамилия «вещая», ибо он, как мы сейчас увидим, лишился всего и даже свободы. Утром на крейсер был послан отряд наших матросов во главе с лейтенантом Хамильтоном, потомком перешедшего при Петре Великом на нашу службу англичанина, с приказанием завладеть крейсером. Когда от него было получено известие о положении вещей на крейсере, командующий флотом приказал немедленно спустить водолазов, с находившихся вблизи наших крейсеров, чтобы обследовать повреждения крейсера «Магдебург» и заодно посмотреть, не лежат ли вблизи него на дне секретные сигнальные книги и кодексы, каковые, по уставу всех флотов, должны выбрасываться в таких случаях за борт, если их нельзя сжечь в топках. И действительно: все эти книги и кодексы шифров радиосвязи лежали как раз под мостиком, откуда они были выброшены за борт, за невозможностью сжечь их, ибо вода немедленно после крушения залила топки.

Вместе с тем Верховный Главнокомандующий повелел оставить командиру крейсера его оружие и предоставить ему право взять с собой всё свое личное имущество. Однако он был так расстроен, что, обойдя свою каюту, не взял ничего, кроме одного галстука (!). Но сходя с трапа, он увидел наших водолазов и, поняв в чем дело, едва не потерял сознание. Об этом было немедленно сообщено в Ставку, откуда последовало распоряжение содержать капитана 1-го ранга фон Хабеннихста в плену в строжайшей изоляции без права общения и переписки, с кем бы то ни было, дабы он не мог сообщить каким бы то ни было путем в Германию, что в наших руках находятся сигнальные книги и шифры немецкого флота.

Благодаря этому мы в течение всего 1915 года и 1916 года свободно расшифровывали все немецкие

секретные радиодепеши, что значительно способствовало успеху наших действий.

Вместе с тем копии немецких шифров были нами переданы нашим союзникам, и лишь благодаря расшифрованным немецким оперативным радиоприказам перед началом Ютландской операции, англичанам удалось застигнуть со всеми своими силами немецкий флот, который во что бы то ни стало стремился такой встречи избежать, намереваясь давать бой лишь частям английского флота.

Немцы лишь после Ютландского сражения стали догадываться, что противник располагает его шифрами, и их переделали, не изменяя, однако, их системы, вследствие чего английские специалисты этого дела вскоре и эти новые шифры разгадали.

Из этого видно, сколь была значительна оказанная нами англичанам услуга.

**
*

Вступление в строй закончивших к концу 1915 г. свою постройку на черноморских верфях мощных броненосцев и эскадренных миноносцев новейшего типа позволило значительно усилить наступательные операции Черноморского флота против берегов и морских сообщений противника.

Операции эти были главным образом направлены на уничтожение порта Зангулдак и лежащих в его непосредственной близости единственных турецких угольных копей, — откуда Константинополь и турецко-немецкий флот снабжались углем, — а также на прекращение морских сообщений между Константинополем и Трапезундом, по коим производилось снабжение турецкой армии, действовавшей в Анатолии против нашей Кавказской армии.

К осени 1916 года операции эти привели к разрушению копей и портовых сооружений Зонгулдака и к уничтожению всех паровых и более или менее значительных парусных судов турецкого торгового флота, последствием чего явилось полное прекращение снабжения Константинополя углем, а турецкой армии боевыми запасами по морю.

Это чрезвычайно затруднило, и так уже тяжелое положение Турции и турецко-германского флота, ибо впредь пришлось доставлять уголь по уже сильно обремененной железной дороге из Германии, а снабжение Анатолийской армии боевыми запасами производить на расстоянии тысячи километров сухим путем без железных дорог.

Однако, несмотря на наличие в составе Черноморского флота новых мощных броненосцев, набеги немецких крейсеров на Кавказское побережье продолжались, ибо наши броненосцы были тихоходные и не могли их настичь.

Набеги эти послужили в течение зимы 1915-16 годов предметом резких жалоб наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича верховному командованию и раздражали общественное мнение.

Набеги эти могли быть прекращены лишь путем тесной блокады или минирования Босфора. Но, несмотря на повторные указания верховного командования командующему Черноморским флотом адмиралу А. А. Эбергардту в этом смысле, командование Черноморским флотом упорно отказывалось принять эти меры, ссылаясь на то, что для блокады Босфора нет вблизи его подходящих баз, а для минирования нехватает мин заграждения, ибо большинство минного запаса было израсходовано для обороны наших берегов.

Хотя эти возражения были до известной степени справедливы, всё же Морской Штаб Верховного Глав-

нокомандующего полагал, что даже в существующей обстановке и с наличными средствами Черноморского флота, можно было бы предпринять более энергичные действительные меры в районе Босфора в целях воспрепятствования выходу судам турецко-немецкого флота в Черное море.

При выяснении этого вопроса оказалось, что главным противником этих мер был начальник оперативного отделения штаба Командующего Черноморским флотом капитан 2-го ранга Кетлинский, пользовавшийся неограниченным доверием и поддержкой Командующего флотом А. А. Эбергардта.

В целях побуждения командования Черноморским флотом к более энергичным действиям против Босфора, я был командирован с соответствующими указаниями верховного командования с Севастополь, где был в достаточно недружелюбной степени встречен чинами штаба флота.

Подкрепленные рядом неопровержимых стратегических и тактических доказательств, продолжительные мои разговоры с Кетлинским и чинами штаба, находившимися, всецело под его влиянием, не привели ни к каким результатам. Это было тем более странным, что Кетлинский был одним из талантливейших офицеров нашего флота и что принятые впоследствии против Босфора энергичные меры, назначенным вскоре после этого новым командующим флотом адмиралом А. В. Колчаком, немедленно достигли полностью желаемых результатов.

Упорство Кетлинского в этом вопросе было настолько загадочным, — если не сказать больше, — что в лучшем случае можно было подозревать в нем недостаток личного мужества, необходимого для ведения решительных операций. Моя поездка послужила лишь к обострению отношений между Морским Штабом Верховного Главнокомандующего и командо-

ванием Черноморским флотом и дало повод, по возвращении моем в Ставку к острой переписке моей с чинами штаба Черноморского флота, принявшей вскоре, с их стороны, недопустимые, — особенно в военное время, — формы.

В конце концов начальником Морского Штаба Верховного Главнокомандующего был дан Командующему Черноморским флотом совет заменить Кетлинского другим, более отвечающим оперативной работе, офицером, на что адмирал А. А. Эбергардт ответил категорическим отказом и заявлением, что он всецело разделяет оперативные взгляды своего начальника оперативного отделения, и с ним не расстанется. Тогда было принято решение о смене самого адмирала Эбергардта.

Но привести в исполнение это решение было не так просто, ибо адмирал Эбергардт пользовался благоволением Государя и поддержкой флаг-капитана его величества адмирала Нилова, с которым он был в дружеских отношениях. Вследствие этого морской министр и начальник Морского Штаба Верховного Главнокомандующего опасались натолкнуться на отказ со стороны Государя.

Тогда в Морском Штабе был составлен, строго научно обоснованный, всеподданнейший доклад, в котором деятельность командования Черноморским флотом была подвергнута объективной критике, и, к вящему удивлению адмиралов И. К. Григоровича и А. И. Русина, этот доклад был Государем утвержден без единого слова возражения.

По этому докладу адмирал Эбергардт был назначен членом Государственного Совета, а на его место был назначен самый молодой адмирал русского флота А. В. Колчак, показавший своей блестящей деятельностью в Балтийском море выдающиеся способности командования.

После этого я был срочно командирован в Ревель к адмиралу А. В. Колчаку, чтобы сопровождать его на пути к его новому назначению и, не теряя времени, изложить ему во всех деталях обстановку в Черном море, с которой он не был знаком, так как никогда в этом море не служил.

В Ревеле А. В. Колчак в один день сдал командование минной дивизией и, взяв с собой капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, — того самого, который был при Дарданелльской операции — для назначения его вместо Кетлинского начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота, выехал в тот же день вместе со мной в Ставку.

В пути мы трое, объединенные единством взглядов по нашей совместной службе в Морском Генеральном Штабе, и, связанные взаимными чувствами симпатии, подробно обсудили обстановку в Черном море, и А. В. Колчак, со свойственной ему ясностью ума и решительностью, принял определенную точку зрения на направление операций в Черном море, каковую немедленно по своем прибытии в Севастополь стал неукоснительно проводить в жизнь.

В Ставке А. В. Колчак был милостиво принят Государем и произведен в вице-адмиралы; в тот же день он выехал дальше в Севастополь, где 15 июля 1916 г. вступил в командование Черноморским флотом.

Не могу здесь не остановиться на воспоминании о замечательной личности А. В. Колчака.

С ним меня сблизила, помимо совместной службы в Морском Генеральном Штабе, усиленная совместная деятельность в С.-Петербургском военно-морском круж-

ке, сыгравшем значительную роль в деле возрождения флота после несчастной войны с Японией.

В кружке этом, основанном лейтенантом А. Н. Щеголевым, создателем Морского Генерального Штаба, объединилось несколько молодых офицеров, — среди которых А. В. Колчак играл руководящую роль, — поставивших себе целью провести в жизнь ряд мероприятий, необходимых для восстановления боеспособности горячо ими любимого родного флота. На заседаниях этого кружка в продолжительных дебатах всесторонне обсуждались доклады его членов о предполагаемых ими различных мероприятиях, и решения, выносимые кружком, нередко служили основанием предпринимаемых морским министерством реформ.

В этих дебатах неизменно принимал самое горячее участие А. В. Колчак и нередко сам ими руководил.

Портрет А. В. Колчака выразительнее всего описан Г. К. Графом в его труде «На «Новике»:

«Небольшого роста, худощавый, стройный, с движениями гибкими и точными. Лицо с острым, четким, точно вырезанным профилем; гордый с горбинкой нос; твердый овал бритого подбородка. Весь его облик — олицетворение силы, ума, энергии, благородства и решимости».

Физический облик этот полностью отражал его замечательные духовные свойства вождя: он прежде всего безгранично любил свое дело и был проникнут до самозабвения чувством долга, что и привлекало к нему все сердца; ничего не было на свете, чем бы он не пожертвовал для исполнения того, что он считал своим долгом. Смелый и до крайности решительный, он подчинял своей железной воле не только своих сотрудников, но и своих начальников. Свои взгляды и требования он зачастую проводил, не останавли-

ваясь даже перед сильной резкостью в своих отношениях с людьми. Его пылкая и напряженная натура не терпела никаких препятствий, и в деле он всем своим существом «горел, как в небе свеча».

Все события его трагически закончившейся жизни ярко отражали возвышенные его духовные качества.

Молодым офицером он принял участие в полярной экспедиции барона Толя на судне «Заря». Во время второй зимовки в вечных льдах Толь отправился один, на санях, на необследованный еще остров Беннета, и не вернулся. Тогда Колчак, с опасностью для жизни, в сопровождении нескольких матросов, на китоловном вельботе отправляется в поиски за ним, достигает острова Беннета и, не найдя барона Толя, возвращается, — претерпев невероятные трудности и лишения в пути — в устье Енисея. Здесь он узнает о том, что началась война с Японией, и вместо того, чтобы вернуться в Россию, на заслуженный отдых после двухлетней полярной экспедиции, он отправляется прямо туда — куда зовет его долг — на войну в Порт-Артур.

В Порт-Артуре он, командуя миноносцем, отличается своей смелостью, и награждается золотым оружием «за храбрость».

По возвращении после войны в Россию, он всем своим существом отдался работе по восстановлению боевой мощи нашего флота, и был первым начальником организационно-тактического отделения вновь созданного Морского Генерального Штаба.

А. В. Колчак не был любвеобильным семьянином; на первом месте у него была его работа и его служебный долг.

1-ая мировая война застает его на посту начальника оперативного отделения штаба командующего

Балтийским флотом. Его единоличной инициативе и разработке принадлежат планы невероятно смелых операций постановок минных заграждений в немецких водах, вдали от наших баз.

Лично участвуя в этих операциях, он, даже ценой резких столкновений с начальниками отрядов, выполнявших эти операции, добивался, чтобы они, несмотря на крайнюю опасность, были доведены до самого решительного конца. И на ряду с адмиралом Эссеном, именно он, Колчак, положил свой отпечаток на, до дерзости смелые, операции Балтийского флота, за что и был награжден Георгиевским крестом.

Таков был вождь, вступивший в середине июля месяца 1916 года в командование Черноморским флотом, коему в древности было бы, несомненно, отведено место среди героев Плутарха.

* * *

Первым действием адмирала Колчака тотчас же после вступления в должность командующего флотом, был сигнал: «флоту сняться с якоря и выйти в море!».

Проделав в море ряд эволюций, и вернувшись в Севастополь, он вызвал к себе начальников дивизионов миноносцев, сформировал из них особый отряд, во главе которого поставил, прибывшего с ним из Балтийского моря капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, и немедленно отправил этот отряд ставить мины у Босфора.

Командиры Черноморских миноносцев, не привыкшие к такой молниеносной решительности, были не мало этим озадачены, тем более, что прежнее командование флотом считало операции минирования Бос-

фора не только слишком рискованными, но даже вообще невыполнимыми.

Однако Черноморские миноносцы, под предводительством такого смелого и опытного начальника, каким был М. И. Смирнов, полностью выполнили поставленную им задачу, и с тех пор почти каждую ночь они, под самыми турецкими батареями, забрасывали минами вход в Босфор.

Результат этого был тот, что оба немецких крейсера «Гебен» и «Бреслау» подорвались на этих минах и получили тяжкие повреждения. И, начиная с июля месяца 1916 года, то есть начиная с вступления адмирала А. В. Колчака в командование флотом, до июня месяца 1917 года, когда он это командование покинул, ни одно неприятельское судно больше не появлялось на Черном море: весь турецко-германский флот, вернее его остатки, был «закупорен» в Босфоре.

С тех пор никто больше не тревожил наших берегов, и нарекания на Черноморский флот прекратились.

Установленное вследствие этого полное господство нашего флота на Черном море открывало и обеспечивало широкую возможность крупных наступательных операций, а в первую очередь возможность осуществления Босфорской операции.

Всё это показывает, сколь правильны были оперативные требования, которые верховное командование предъявляло Черноморскому флоту, и сколь целесообразны были решения о смене адмирала А. А. Эбергардта и назначении адмирала А. В. Колчака на его место.

Для историка же это может послужить отличным примером влияния личности начальника на войне.

**
*

В начале октября 1916 года от самовозгорания пороха на броненосце «Императрица Мария» взорвались носовые бомбовые погреба; вспыхнул громадный пожар, угрожавший взрывом всех остальных погребов.

Несмотря на страшную опасность, адмирал Колчак немедленно отправился на броненосец и лично руководил тушением пожара, но все принятые меры оказались тщетными и броненосец затонул. Адмирал Колчак последним покинул гибнущее судно.

Хотя гибель «Императрицы Марии» существенно не изменила благоприятное для нас положение на Черном море, тем более, что вскоре после этого вступил в строй, закончивший свою постройку броненосец того же типа «Император Александр III», всё же гибель «Императрицы Марии» глубоко потрясла А. В. Колчака.

Со свойственным ему возвышенным пониманием своего начальнического долга, он считал себя ответственным за всё, что происходило на флоте под его командой, и потому приписывал своему недосмотру гибель этого броненосца, хотя на самом деле тут ни малейшей вины его не было.

Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил, так что окружающие начали бояться за его рассудок. Об этом начальник его штаба немедленно сообщил по прямому проводу нам в Ставку.

Узнав об этом, Государь приказал мне тотчас же отправиться в Севастополь и передать А. В. Колчаку, что он никакой вины за ним в гибели «Императрицы Марии» не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать свое командование.

Прибыв в Севастополь, я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гневе.

Хотя я и был по прежним нашим отношениям довольно близок к А. В. Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение; однако, переданные мною ему милостивые слова Государя, возымели на него чрезвычайно благотворное действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем всё вошло в свою колею и командование флотом пошло своим нормальным ходом.

***

Тотчас же по вступлении адмирала Колчака в командование Черноморским флотом в Черном море начали под его руководством энергично и спешно готовиться к Босфорской операции, горячим сторонником которой был он сам и чины его штаба, чего нельзя было сказать о его предшественнике и сотрудниках последнего.

Операцию предполагалось предпринять до начала осенних непогод, то есть не позднее конца сентября 1916 года.

В оперативном отделении штаба были разработаны под руководством М. И. Смирнова и в согласии с Морским Штабом Верховного Главнокомандующего детальные планы операции и были составлены подробные инструкции для производства десанта.

Был сформирован большой тралящий караван и были на нем разработаны весьма искусные методы ночного траления, дабы иметь возможность, не привлекая внимания турок, протралить ночью, перед на-

чалом операции, широкие проходы в наших минных заграждениях у Босфора. Эти методы, проверенные ночным тралением наших заграждений перед Варной, дали блестящие результаты.

Одновременно с этим производилась усиленная разведка побережья, прилегающего к Босфору, и самого Босфорского укрепленного района, путем высадки по ночам, с миноносцев агентов разведывательного отделения штаба флота, тщательным обследованием и фотографированием через перископ, подходивших вплотную к берегам Босфора наших подводных лодок и усилением разведывательной работы нашего агентурного центра в Бухаресте.

Транспортная флотилия, окончившая во всех деталях свое формирование и организацию еще весной этого года, пополнила свои запасы и была в любой момент готова к перевозке и высадке десантного отряда.

Одним словом, в Черном море всё было к предполагаемому сроку готово. Ожидали лишь назначения десантных войск и повеления начать операцию.

Глава VI

РОССИЯ И ПРОЛИВЫ

Благосостояние и безопасность всякого государства зависит от решения известных внешнеполитических задач, которые имеют в его историческом развитии решающее значение, а потому и называются «жизненными».

Задачи эти составляют неизменную основу государственной политики всякого государства, и правительства неуклонно стремятся разрешить их в возможно полной степени.

Такими задачами являются, например: для Англии — владычество на морях; для Франции — так называемые «естественные границы» (Рейн, Альпы, Пиренеи); для Италии и Японии — экспансия из-за избытка народонаселения и т. д.

Для России же такой государственной задачей первостепенной важности является обеспечение ее морских сообщений с бассейном Средиземного моря через турецкие проливы, то есть, кратко говоря, так называемый «вопрос о проливах».

Так как не только большинство иностранной интеллигенции, но и значительная часть русской интеллигенции не отдает себе ясного отчета в степени важности для России этого вопроса, не бесполезно будет, в интересах полного понимания дальнейшего изложения настоящих воспоминаний, привести здесь краткие сведения о том, как этот вопрос появился в русской внешней политике и какое место он в ней занимал в

течение исторического развития России от Петра Великого до 1-ой мировой войны.

В России XVII и начала XVIII века один только Петр Великий ясно сознавал то громадное значение, которое имеют для развития государства морские пути сообщения. Проникнутый этим сознанием, он решительно направил все усилия России к обеспечению себе возможности широкого пользования морскими путями сообщения и положил эту проблему в основу русской внешней политики.

Систематическая и упорная работа Петра в этой области дала блестящие результаты: он лично заложил прочные основания русского владычества на Балтийском море и приступил к решению второй части этой проблемы на Юге, положив, взятием Азова, первый камень того основания, на котором, по его заветам, должно было быть впоследствии воздвигнуто здание русского владычества и на Черном море. Уже при нем первый русский корабль пошел через Босфор в бассейн Средиземного моря — тысячелетнюю колыбель благосостояния и культуры европейских народов.

Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия — Петр почил. Но его гений озарял собой еще целое столетие и его наследники, следуя его заветам, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце XVIII века великая Екатерина окончательно утвердила господство России на Балтийском море и завоеванием Крыма положила прочное основание владычеству России на Черном море.

В течение всего XVIII века морская проблема была руководящим основанием всей деятельности России и внесла в эту деятельность полную ясность и определенность, без чего не могут быть достигнуты исчерпы-

вающие результаты. И эти результаты не замедлили сказаться: к концу XVIII века Россия — за какие-нибудь сто лет — обратилась из полукультурного и слабого государства в мощную и великую империю.

И этим сказочным превращением Россия главным образом обязана тому, что наследники Петра, непрерывно и энергично следуя по предначертанному им пути, выводили Россию твердой рукой на широкий простор морских сообщений.

XIX век принял в наследство от XVIII-го русскую морскую проблему окончательно решенной на Балтийском море и на прочном пути к ее разрешению на Черном море; ему оставалось лишь докончить начатое Петром и продолженное Екатериной дело утверждения русского владычества на Черном море, и для этого обеспечить морские сообщения этого моря через турецкие проливы с бассейном Средиземного моря.

Но ряд огромных мировых политических и социальных потрясений, захвативших собой и Россию в начале XIX века, отвлек ее внимание от морской проблемы, и бросил ее политику в водоворот европейских дел. Умами руководителей внешней политики России всецело завладели мысли о водворении порядка в Европе после страшных потрясений французской революции и кровавого периода наполеоновских войн; все их заботы были направлены на то, чтобы оградить Россию от натиска новых идей и социальных вожделений, брошенных в массы французской революцией.

Идеи здравого национального эгоизма в русской политике уступили место соображениям европейской солидарности перед лицом общей социальной опасности, кои выразились в столь невыгодных для России «священном союзе» и «союзе трех императоров».

Предначертания Петра Великого, красной нитью прошедшие через внешнюю политику России в течение всего XVIII века, потонули в водовороте этих событий.

Русская морская проблема с начала XIX века не только уже не была главной базой русской внешней политики, но совсем даже исчезла из сознания русских государственных деятелей.

После того как улеглись великие бури, захватившие Европу на рубеже этих двух столетий, русская морская проблема появляется вновь в политике России при Николае 1-ом. Однако она уже не занимает в этой политике ту главенствующую роль, какую она имела в XVIII веке.

Сама ясность и определенность формулировки этой проблемы затемняется пущенным в то время в обращение лозунгом: «воздвигнуть крест на Св. Софии». В сознании недальновидных деятелей того времени морская проблема переходит из плоскости императивной государственной необходимости, — на каковой она была в XVIII веке, — в плоскость религиозно-мистическую.

Всё же при Николае 1-ом начинается восстановление нашей морской силы, пришедшей в начале XIX столетия в упадок, и посвящается известное внимание подготовке военного решения вопроса о проливах.

Но прежде чем эта подготовка была закончена на морскую силу в Черном море обрушивается сокрушающий удар Крымской войны. Европейские державы — и в первую очередь Англия, проглядев прогресс России на предначертанном Петром пути в течение XVIII века, решают остановить Россию на том последнем этапе этого пути, который должен вывести ее в бассейн Средиземного моря, и выступают против нее в 1854 году на стороне Турции.

После уничтожения русской морской силы в результате Крымской войны 1854-55 года, русская морская проблема вступила в период шатания и неопределенности во внешней политике России, чему, конечно, главным образом способствовало наложенное на Россию, после Крымской войны, запрещение содержать флот на Черном море.

В течение всей второй половины XIX века морская проблема постепенно теряет ту единственно правильную ориентацию, которую ей дал Петр Великий. Взоры русских государственных деятелей, отдающих себе отчет в важности свободных морских путей для России, обращаются, — под влиянием чинимых России Европой на юге препятствий — на дальний север. В 80-тых и начале 90-ых годов в правительственных сферах развивается борьба между сторонниками северных морских путей и поборниками идеи выдвижения морской вооруженной силы на Балтийском море ближе к Датским проливам, с целью контроля над сообщениями этого моря с бассейном Атлантического океана. В этой борьбе побеждают сторонники «балтийской» идеи и в результате этой победы создается база флота в Либаве. Черное море, где лежит единственное верное решение русской морской проблемы, и куда должны были бы быть направлены все усилия, — окончательно забывается.

И, наконец, следуя бессистемным изгибам мысли русских государственных людей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром, русская морская проблема устремляется в конце XIX века на Дальний Восток к Тихому океану. Туда — в пространство, ничем не связанное с реальными интересами России, — направляются все ее морские усилия. Черное море, не только в умах государственных деятелей, но даже в сознании самой морской среды, обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской силы на Дальнем Востоке в войне с Японией, морская проблема вновь возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу: «ключи от морских сообщений через Босфор лежат в Берлине», — каковая формула кладется в основу воссоздания русского флота после несчастной войны с Японией.

В связи с этим все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота и подготовку к войне на Балтийском море, в результате чего Россия вступает в 1-ую мировую войну совершенно неподготовленной, именно, на Черном море, где фактически лежит единственно правильное и целесообразное решение вопроса ее морских сообщений с внешним миром.

Лучшим доказательством полного исчезновения перед 1-ой мировой войной вопроса о проливах является тот факт, что в конце прошлого столетия был упразднен так называемый «Одесский десантный батальон», в котором были сосредоточены десантные средства, материалы и десантные боты, предназначавшиеся для операции захвата Босфора.

Если бы государственные деятели России, после восстановления в 1871 году ее права содержать флот на Черном море, решительно направили главные свои усилия на выполнение последнего этапа предначертанного Петром Великим обеспечения наших южных морских сообщений и произвели бы соответствующую военно-морскую подготовку для операции захвата Босфора, Россия могла бы в самом начале 1-ой мировой войны легко осуществить эту операцию и тем, как мы уже знаем, не только победоносно окончить войну, но вместе с тем и окончательно решить свою морскую проблему в полном ее объеме.

Непонимание государственными деятелями России

XIX века ее морской проблемы, и шатания в связи с этим русской внешней политики в течение прошлого и в начале настоящего столетия, погубили великое дело Петра. Русским поколениям XX века предстоит трудная задача начинать это дело сызнова.

* * *

Первостепенная важность в политико-экономической жизни России безопасности морских путей сообщений через турецкие проливы и возможность свободного пользования ими во время войны и мира, основана на следующих соображениях, вытекающих из физико-географических условий, изменить которые человечество не может.

Россия была и долгое время еще будет страной земледельческой, благосостояние которой покоится на экспорте зерновых продуктов и всякого рода сырья, составляющих ее основное национальное богатство. Принимая во внимание, что себестоимость добычи сырья во всех цивилизованных странах более или менее одинакова, возможность его сбыта на внешних рынках, — или, вернее, успешная конкуренция сырья во внешней торговле, — всецело зависит от дешевизны подвоза к рынкам сбыта. Морские пути сообщения были и всегда будут значительно дешевле сухопутных, ибо водная поверхность представляет собой даровой природный путь, тогда как прокладка и содержание путей на суше стоит очень дорого. Вместе с тем сырье представляет собой громоздкий, по своему объему, и тяжести товар, а вследствие этого оно гораздо удобнее и с меньшими затратами поддается перевозке морем, нежели сухим путем. Кроме того, морские пути сообщения связывают Россию с целым ря-

дом стран, с которыми она не имеет непосредственных сухопутных сообщений, или от которых она отделена морями.

Всё это ясно показывает, что благосостояние России, основанное на реализации ее природных богатств, находится в прямой зависимости от возможности пользоваться во всякое время морскими путями для своей внешней торговли. И действительно, с той поры как Петр Великий открыл для России доступ к морю, ее культурное развитие и накопление национального богатства двинулось вперед гигантскими шагами.

В период, предшествовавший 1-ой мировой войне, почти 80% вывоза России совершалось морем; из этого морского вывоза 60% падало на долю Черного моря; 35% на долю Балтийского моря и 5% на долю остальных морей, причем выявилась неуклонная тенденция повышения процентуального участия Черноморских морских путей сообщения в общем морском экспорте России.

В XVIII веке, когда в состав Российского государства еще не входили богатейшие сырьем края Новороссии и Кавказа, экономическая жизнь России естественно тяготела к Балтийскому морю; поэтому правители России сосредоточили свое внимание на упрочении ее господства на этом море, что к концу XVIII века и было достигнуто; когда же в XIX веке закончилось присоединение земель, естественно тяготеющих к Черному морю, и когда обнаружилось, что природные богатства этих земель во много раз значительнее богатства других земель России, во всей широте встал перед правителями России вопрос о черноморских путях сообщения.

С течением времени, по мере развития эксплоатации этих земель, становилось всё более и более ясным, что их богатства займут главенствующее значение в

экономической жизни России, и в связи с этим вопрос обеспечения южных морских путей для реализации этих богатств занимал всё более важное положение во внешней политике России до самого конца XIX века, когда, как мы знаем, он на вечное несчастье России исчез из этой политики, вследствие ее устремления на Дальний Восток.

До этого, однако, вопрос обеспечения Черноморских путей сообщения, составлявший одну из главных целей всех наших войн с Турцией в XIX веке, занимал доминирующее положение в нашей внешней политике.

Обеспечение же Черноморских путей сообщения состоит в решении вопроса о проливах, ибо все главные морские пути, связывающие многочисленные порты Черного моря с бассейном Средиземного моря и далее со всей водной поверхностью земного шара, проходят через проливы Босфор и Дарданеллы, которые находятся в турецкой, неприятельски к России расположенной, власти.

Закрытие этих проливов, — каковое благодаря особо благоприятным в них для противника военно-географическим условиям, достигается с чрезвычайной легкостью, самым тяжелым образом немедленно отражается на экономической жизни России.

В 1912 году Турция, находясь в войне с Италией, была вынуждена, по военным соображениям, закрыть проливы. Вследствие этого все порты Черного моря оказались отрезанными от внешнего мира, хотя Россия и соблюдала в этой войне строгий нейтралитет. Это вызвало немедленно ультимативный протест со стороны России, вследствие чего Турция должна была поспешно открыть проливы. Однако, несмотря на то, что проливы были закрыты лишь в течение нескольких дней и несмотря на то, что на всех других морях

российский товарообмен ничем не был стеснен, — русская внешняя торговля потерпела за эти несколько дней многомиллионные убытки.

Из этого случая ясно видно, насколько для России болезнен и сложен этот вопрос о проливах, раз она может лишиться главного морского пути для своей торговли даже и в том случае, когда она не находится в войне с Турцией.

Закрытие же проливов во время 1-ой мировой войны закончилось, как мы уже в первой части этих воспоминаний видели, для России страшной катастрофой.

Никто в мире лучше англичан не отдает себе отчета в том, сколь уязвима эта «Ахиллесова пята» России, и никто с таким упорством и последовательностью не вел в течение всего прошлого и настоящего столетия по отношению России политики, направленной к тому, чтобы не дать ей возможности хоть сколько-нибудь «прикрыть» эту свою уязвимую пяту тем или иным решением жизненно для нее важного вопроса о проливах.

Поглощенная в течение всего XVIII века ожесточенной борьбой со своей соперницей на морях — Францией, Англия «проглядела» дело Петра Великого и появление на морях новой морской силы, которая была им создана. После уничтожения французской морской силы Англия обрела новую соперницу на морях — русскую морскую силу, которая в начале XIX века уже прочно держала в своих руках господство на Балтийском море и начала развивать свою морскую силу на Черном море, стремясь обеспечить себе выход в бассейн Средиземного моря, где уже в конце XVIII и в начале XIX века стали появляться ее эскадры.

Англия всегда считала бассейн Средиземного моря одним из невралгических центров своего владычества на морях, и потому рассматривала появление всякой морской силы на этом море, как прямую угрозу своему владычеству.

И с той поры как Россия начала искать выхода из Черного в Средиземное море, а ее эскадры стали появляться на этом море, русская морская сила сделалась для Англии неприятелем № 1, — тем более, что после уничтожения французской морской силы, русская морская сила по своей мощности заняла следующее после английской морской силы место.

И так же с той поры все дипломатические и военные попытки решить вопрос о проливах наталкивались на энергичное сопротивление Англии, не останавливавшейся перед угрозой нам войной, как это имело место во время нашей войны с Турцией 1877-78 года и даже перед нападением на нас в 1854-56 году, как об этом выше было уже упомянуто.

После значительного ослабления русской морской вооруженной силы в войне с Японией, неприятелем № 1 для Англии сделалась немецкая морская вооруженная сила, сказочно быстрый рост которой в начале XX века начал серьезно угрожать английскому владычеству на морях.

Вследствие этого Англия принуждена была временно отказаться от своей традиционной враждебной политики по отношению к России, и пойти на сближение с ней, дабы совместными усилиями с ней и с Францией остановить рост немецкой морской силы, что в конце концов и привело к 1-ой мировой войне.

Чтобы закрепить союзные обязательства России во время этой войны, Англия, — вразрез своей традиционной антирусской политике, — пошла даже на то,

чтобы признать письменным договором права России на проливы, ибо столь велика оказалась мощь и опасность Германии, выявившаяся в самом начале войны, и необходимость поэтому для Англии помощи России.

Однако, как мы знаем и как сие подробно изложено в IX главе настоящих воспоминаний, этот договор был в 1915 году заключен Англией с задней мыслью нарушить его при первой возможности, вследствие чего она и попыталась, путем форсирования Дарданелл и появления ее флота раньше нашего у Константинополя, поставить Россию в проливах перед свершившимся фактом захвата их английским флотом.

Попытка эта, как известно, не удалась. Но лишь только Россия была революцией повержена в прах, и потеряла для Англии всякую военную ценность в ее борьбе с Германией, она не только «порвала» этот договор, но, на созванных после войны конференциях в Лозанне и Монтрэ для решения вопроса о проливах, настояла на том, чтобы из всех возможных форм решения этого вопроса была принята и международным договором узаконена самая невыгодная и опасная для России форма.

И несмотря на то, что советская Россия победоносно закончила II-ую мировую войну в союзе с Англией, и создала себе в сателлитских государствах на Балканах отличную базу для военного решения вопроса о проливах (каковой императорская Россия не располагала во время 1-ой мировой войны), — советской России всё же не удалось изменить в свою пользу после II-й мировой войны невыгодное для нее решение вопроса о проливах, принятое на вышеупомянутых конференциях.

А при первой попытке нажима советской России на Турцию в этом направлении последняя была ре-

шительно поддержана всеми великими державами, и ответила советской России категорическим отказом.

Включением же ныне Турции в Атлантический пакт, выход из Черного в Средиземное море закрыт для России гигантской силой всех двенадцати держав, этот пакт составляющих, а созданием, стараниями Англии, Балканского пакта сведено почти на нет стратегическое значение приобретенной советской Россией в ее сателлитских балканских державах базы для действий против проливов с сухого пути.

**
*

Вступая в 1-ую мировую войну, Россия никаких личных эгоистических целей, кроме защиты Сербии, не имела.

Однако в 1915 году, когда стало очевидным, что война будет сопряжена с громадными, — доселе небывалыми, — жертвами, русское правительство не могло не поставить, для оправдания этих жертв перед народом, целью войны — решение вопроса о проливах.

Желание России решить этот вопрос было признано ее союзниками, — правда, скрепя сердце, — и оформлено специальным соглашением, заключенным в конце 1915 года.

Подготовляя материал для заключения этого соглашения, министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился осенью 1915 года к верховному командованию с просьбой высказать свой взгляд о том, какая форма решения вопроса о проливах является, с военной точки зрения, наиболее желательной и выгодной для России.

В связи с этим в Штабе Верховного Главнокомандующего была составлена обширная записка, в которой были рассмотрены все возможные формы решения этого вопроса, причем все эти формы были классифицированы в порядке их выгодности и приемлемости для России.

В составлении этой записки приняли участие: генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, начальник дипломатической канцелярии Н. А. Базили и автор настоящих воспоминаний.

Так как по самому своему существу вопрос этот прежде всего «морской», С. Д. Сазонов продолжительно совещался с нами, моряками Штаба Верховного Главнокомандующего, и заключения этих совещаний были положены в основание вышеупомянутой записки.

Во время этих совещаний нельзя было не заметить, с какими трудностями были для С. Д. Сазонова сопряжены переговоры по этому вопросу с союзниками и с каким недоверием он к союзникам относился, а также с какой тревогой уже осенью 1915 года он смотрел на будущее России в тот момент, когда решался вопрос о смене великого князя Николая Николаевича.

В составленной нами после этих совещаний записке, все формы решения вопроса о проливах были сведены в три группы:

В первой группе были все формы, предусматривавшие установление, в том или ином виде, непосредственной власти России в проливах, то есть *владение* проливами. Эта группа, обнимая собой самые *выгодные* формы решения, должна была послужить базой для соглашения и переговоров на мирной конференции в случае успешного для России окончания войны.

Во второй группе были формы, предусматривавшие установление *контроля* России над проливами. Эта группа, обнимавшая *приемлемые* формы решения вопроса, должна была бы служить базой для мирных переговоров, в случае нерешительного окончания войны.

В третьей группе были *неприемлемые и опасные* для России формы решения вопроса; причем в ней было указано, что в случае неуспешного исхода войны, Россия должна настаивать на сохранении «status'a quo» в проливах, то есть на сохранении над ними турецкой власти, ни в коем случае не соглашаясь на применение форм решения, перечисленных в этой последней, особо для России опасной, группе.

В первую группу входили все формы завладения или длительной оккупации нами проливов. Различие между формами этой группы состояло лишь в величине той территориальной площади по обоим сторонам проливов, которая должна была бы отойти под власть России. Формы эти были довольно многочисленны, ибо в 1915 году, когда составлялась записка, нельзя было предвидеть ряд факторов, которые должны были бы оказать косвенное влияние на решение этого вопроса, а именно: удастся ли после войны окончательно вытеснить Турцию из Европы; останется ли Константинополь столицей Турции и следует или нет включать его в зону Российских владений; в какой мере придется удовлетворить притязания Греции на северный берег Мраморного моря и т. д.

Однако все формы решения вопроса о проливах, приведенные в этой группе, обеспечивали столь прочное господство России над проливами, что проникновение в Черное море во время войны, даже для самых мощных противников России, было бы невозможным. При этом во все эти формы непременным условием

входил переход во власть России островов Лемнос, Сомофракия, Имброс и Тенедос в Эгейском море, которые командуют морскими путями, ведущими из Средиземного моря к Дарданеллам; владение этими островами исключало бы возможность для противника блокады проливов со стороны Средиземного моря и обеспечивало бы нашу морскую связь Черного моря с бассейном Средиземного моря.

Соглашение, заключенное С. Д. Сазоновым в 1915 году с нашими союзниками, базировалось на этой группе. Причем нам было этим соглашением гарантирована наиболее выгодная форма решения вопроса.

Во второй группе были приведены нижеследующие формы контроля России над проливами: 1) отмена ограничений пользования проливами для судоходства, установленных Берлинским трактатом; 2) закрытие проливов для плавания всех военных судов, не принадлежащих прибрежным державам Черного моря, с установлением фактического русско-турецкого контроля над плаванием в проливах; 3) и, наконец — самое главное в этой группе — предоставление России обеспечения ее участия в фактическом контроле плавания в проливах, *базы* в районе самых проливов или в их непосредственной близости.

В третьей группе были всесторонне рассмотрены и подробно анализированы различные виды и комбинации видов *нейтрализации* и *интернационализации* проливов, представляющих собой самую опасную и наименее приемлемую для России форму решения вопроса о проливах.

Изучению этой группы было в записке отведено обширное место, так что здесь возможно лишь привести главные заключения этого изучения.

Нейтрализация проливов состоит в том, что на их берегах и в их водах воспрещается возводить какие бы то ни было укрепления или сооружения военного характера, а *военным* и торговым судам всех наций разрешается проходить через проливы во всякое — военное и мирное время.

Таким образом разница, с точки зрения России, между нейтрализацией проливов и положением вещей, установленным Берлинским трактатом, бывшим в силе до Первой мировой войны, состояла в том, что по постановлениям Берлинского трактата никакие военные суда, кроме турецких, не имели права входить через проливы в Черное море, между тем как при нейтрализации этим правом могут пользоваться все без исключения державы, и Россия должна считаться с возможностью появления в Черном море — в центре ее жизненных интересов — флота любой державы в целях дипломатического на нее давления, или в целях нападения на ее берега (Крымская война 1854-56 года) и прекращения ее морских сообщений с внешним миром.

Иными словами, по постановлениям Берлинского трактата, двери к жизненным центрам России были открыты для одного лишь слабого турецкого флота, тогда как при нейтрализации они были бы настежь открыты для всех военных флотов мира.

Вследствие этого нейтрализация проливов вызвала бы в первую очередь необходимость для России громадных затрат в целях создания мощного флота и укрепления берегов Черного моря, тогда как при режиме, установленном Берлинским трактатом, она могла ограничиться сравнительно незначительными силами, рассчитанными лишь на противодействие слабому турецкому флоту.

Без создания мощной морской силы в Черном мо-

ре, Россия при нейтрализации проливов была бы во время войны под постоянной угрозой непосредственного удара противника на ее жизненные центры, а в мирное время была бы в значительной степени лишена свободы действий во внешней политике, имея обнаженной свою, смертельно уязвимую, Ахиллесову пяту.

Казалось бы однако, что нейтрализация проливов могла бы иметь для России выгоду в том, что в случае войны при нейтрализации морская связь с ее возможными союзниками в бассейне Средиземного моря была бы обеспечена.

На самом же деле эта выгода только кажущаяся и вот почему.

С военной точки зрения нейтрализация проливов, то есть воспрещение создавать на их берегах долговременные фортификационные сооружения, в случае войны никакого практического значения не имеет, ибо при помощи мин заграждения, подвижных моторизованных батарей и авиации, можно в 24 часа сделать проливы непроходимыми, и остановить всякую попытку прорыва военных судов через них. Это в полной мере подтвердил опыт неудавшейся Дарданелльской операции, во время коей именно мины и подвижные батареи, а не долговременные укрепления, остановили союзный флот, пытавшийся прорваться через пролив.

Таким образом дипломатический акт нейтрализации, при современных средствах военной техники, никакого реального значения иметь не может; что же касается «моральной» ценности такого акта, пример нарушения Германией нейтралитета Бельгии дает этому вопросу исчерпывающий ответ, так что не может быть сомнения в том, что и Турция, если бы того пожелала, легко могла бы сделать проливы непроходимыми, не-

смотря на акт нейтрализации, и тем прервать связь России с ее возможными союзниками.

С другой стороны, в истории вековой борьбы России за свои морские сообщения, никогда еще не было и никогда не будет случая, чтобы Турция стояла на стороне России или ее союзников; открыто или тайно Турция всегда стояла и будет стоять на стороне ее явных и скрытых врагов.

Еще хуже обстояло бы для России дело при интернационализации проливов.

При одной лишь нейтрализации проливов Турция сохранила бы свои суверенные права над ними, и Россия, имея с ней общую сухопутную границу на Кавказе, могла бы, в случае необходимости, оказать на нее мощное военное давление для облегчения положения в проливах или даже могла бы захватить Босфор, высадкой на незащищенное турецкое побережье Черного моря.

Между тем, при интернационализации, суверенные права над интернационализированной зоной переходят от державы собственницы этой зоны к специальному международному органу, и таким образом, при интернационализации проливов, Россия, для защиты своих жизненных интересов на Черном море и в проливах, имела бы дело не с одной лишь слабой Турцией, а с целым светом.

Иными словами: по постановлениям бывшего Берлинского трактата, двери к сокровищнице России на Черном море были для всех закрыты, а ключи от них находились в руках слабой Турции; при нейтрализации проливов эти двери были бы для всех открыты, но вследствие сохранения при этом суверенных прав над проливами за Турцией, Россия не была бы лишена возможности военного воздействия для облегчения

своего положения; при интернационализации же проливов двери эти остаются настежь для всех открытыми, а ключи от них переходят в международные руки и Россия лишается возможности военного воздействия для облегчения своего положения.

Таковы были соображения, изложенные в записке Штаба Верховного Главнокомандующего, которая была вручена С. Д. Сазонову и которая послужила основанием для заключения в 1915 году нашего соглашения с союзниками о проливах.

По окончании 1-й мировой войны и заключении Версальского мирного договора, была созвана в 1922 году в Лозанне конференция для решения вопроса о проливах, на которой руководящую и решающую роль играла Англия.

И вот та самая Англия, которая в 1915 году, когда ей была необходима помощь России для борьбы с Германией, дала свое письменное согласие на оккупацию Россией проливов, то есть на наиболее выгодное решение для России вопроса о проливах, эта самая Англия, когда ей Россия была больше не нужна и когда престиж императорской России погиб, настояла в Лозанне на самой невыгодной и опасной для России форме решения вопроса о проливах: — на их нейтрализации и интернационализации.

Англия, и иже с ней, воспользовались первым благоприятным моментом, чтобы схватить Россию за горло, ибо стремление бывших союзников России к интернационализации проливов объясняется ничем иным, как их желанием подчинить себе Россию в политическом отношении и ослабить ее вес в международных отношениях.

При этом в контрольном органе интернационализации проливов, учрежденном в Лозанне, председательское место получила Англия, что было равносиль-

но передаче именно ей, исконному противнику России в этом вопросе, фактического контроля над проливами, ибо в ту пору Англия располагала самым мощным флотом мира.

Большевистские представители на Лозаннской конференции из кожи лезли вон, чтобы избежать столь невыгодных и опасных для России решений или, чтобы хоть сколько-нибудь эти решения смягчить, но их голос никем не был услышан, потому что за ними не было престижа императорской России.

Самый тот факт, что даже большевики, которые в начале своего властвования над Россией невнимательно относились к самым жизненным ее интересам, не подписали решений Лозаннской конференции, лучше всяких других доказательств показывает, какое катастрофическое значение имели для России принятые на этой конференции решения. А в связи с этим яснее всего выявляется грандиозность совершенного революцией над русским народом преступления, выразившегося в уничтожении престижа Русского государства, последствием чего и явилось гибельное для России решение вопроса о проливах.

Вскоре после Лозаннской конференции Англии показалось выгодным восстановить свои торговые сношения с Россией. До сих пор еще не забыто циничное заявление по этому поводу английского премьера в парламенте: «торгуем же мы с канибалами, отчего бы нам не торговать с русскими?».

Советское правительство решило этим воспользоваться, чтобы возбудить вопрос о пересмотре Лозаннской конференции. В связи с этим была созвана конференция в Монтрэ, на которой советское правительство добилось изменения решений Лозаннской конференции в свою пользу, но, как увидим ниже, польза была лишь кажущаяся.

Интернационализация проливов была, действительно, отменена и был распущен орган международного контроля, во главе коего стояла Англия, а суверенные права Турции были восстановлены. Однако, было сохранено право военным судам всех наций входить во всякое время в проливы и плавать в них, с тем лишь ограничением, чтобы по своей общей силе отряд чужих военных судов, вошедших в проливы и плавающих в них, не превышал силу советского Черноморского флота; при этом «контролирование» по статье конвенции в Монтрэ, то есть оценка силы отряда судов, входящих в проливы, была возложена на Турцию.

Турция после 1-ой мировой войны всецело перешла в орбиту западных держав-победительниц, и подчинилась их влиянию; в морских же вопросах, и в частности в вопросе о проливах, особенно сильно было на нее влияние Англии. Поэтому последняя — раз был конференцией в Монтрэ подтвержден принцип права входа в турецкие проливы военных судов всех наций, — легко согласилась на отмену интернационализации этих проливов, ибо была уверена, что Турция будет «оценивать» силу входящих в проливы военных судов так, как того она, Англия, захочет.

Таким образом конференция в Монтрэ никакой реальной выгоды Советам не дала, а лишний раз подтвердила беспомощность советской дипломатии, давшей себя обойти в этом жизненно-важном для России вопросе, что ясно видно из нижеследующего случая: в июле месяце 1953 года англо-американский отряд, состоящий из 22 военных судов, вошел через Дарданеллы в Мраморное море, где учредил себе базу для предстоящих маневров в этой зоне; советское правительство немедленно против этого протестовало, но получило от Турции ответ, что она не считает пребывание этого отряда в Мраморном море и в

проливах нарушением соответствующей статьи конвенции в Монтрэ; и советское правительство должно было этим ответом удовольствоваться.

После II-й мировой войны советское правительство, выйдя из нее победительницей, считало момент благоприятным для решения вопроса о проливах и в ультимативной форме предложило Турции установить вместе с ней кондоминиум (совладение) в проливах, что было, конечно, ни что иное, как, прикрытый «фиговым листком», фактический переход проливов в полную власть советской России, ибо она, не разоружившись после войны, располагала неизмеримо сильнейшим военным потенциалом, чем Турция.

Однако Турция, опираясь на решительную поддержку в этом вопросе всех западных великих держав, мужественно отвергла этот ультиматум, и советское правительство, видя, что здесь дело чревато войной со всеми своими бывшими союзниками, на своем ультиматуме не настаивало.

После этого со всех сторон, и особенно из Америки, потекла в Турцию обильная помощь в виде кредитов, военного материала и военных миссий для укрепления и расширения ее военного потенциала. Вместе с тем она была включена в Северо-Атлантический пакт и вошла в состав Балканского пакта, заключенного в 1953 году между ею, Грецией и Югославией.

Таким образом ныне, несмотря на то, что сов. Россия вышла из II-ой мировой войны победительницей, вопрос о проливах фактически стоит для нее нисколько не лучше, чем он стоял при их интернационализации, ибо, как и тогда, над проливами и ныне нависла мощь всего света.

Потерпев неудачу в деле ультимативного предложения Турции кондоминиума над проливами, советское правительство, спустя некоторое время, сде-

лало попытку установить, — если не свое владение, — то хотя бы свой контроль над проливами, и выступило с предложением Турции уступить России в арендное пользование какой-либо залив в проливах для учреждения в нем своей базы.

Это, как нам известно, была наивыгоднейшая для России форма контроля над проливами, приведенная во второй группе решений вопроса о проливах, вышеупомянутой записки, составленной в Штабе Верховного Главнокомандующего в 1915 году.

Но и эта попытка Советов не имела успеха: турецкое правительство попросту на это предложение не ответило.

После смерти Сталина положение советской власти в России и в сателлитских странах настолько пошатнулось, что его наследники, дабы обеспечить себе внешний мир в этот период кризиса власти, решили смягчить агрессивный характер сталинской внешней политики и, в числе предпринятых ими в этом направлении шагов, сами отказались от требования базы в проливах.

Таким образом, и после победоносной войны вопрос о проливах остался в том самом невыгодном и опасном для России положении, в каковое он был поставлен Лозаннской и Монтрэсской конвенциями после поражения России в І-ой мировой войне.

Вопрос о проливах неизменно и всегда был и будет мерилом мощи России в ее международных отношениях до тех пор, пока он не будет окончательно решен в ее пользу, ибо этот вопрос, представляя собой неизменный жизненный фактор, на коем зиждется благосостояние и безопасность России, не зависит от режима, под которым она живет.

В период ослабления мощи России этот вопрос

как бы «опускается на дно» русской внешней политики, вновь поднимаясь на ее поверхность по мере нарастания этой мощи. И для правильной оценки русских международных отношений необходимо всегда иметь в виду, что почти во всяком шаге русской внешней политики заключен в более или менее ясной, прямой или косвенной форме вопрос о проливах.

Глава VII

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ЗАВЛАДЕЛА БОСФОРОМ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Зная, сколь велико было значение вопроса о проливах для благосостояния России и сколь громадное влияние, не только на исход войны, но и на дальнейшие судьбы России, должно было бы иметь решение этого вопроса в ее пользу, невольно всякий русский человек спросит: почему мы не завладели Босфором в 1916 году, когда все приготовления к тому на Черном море были полностью закончены.

Мысль эта тем глубже должна волновать всякого из нас, что, как ныне доподлинно известно и как сие подтверждает ряд авторитетных показаний, завладение Босфором в 1916 году не только обеспечило бы России полную победу в войне, но предотвратило бы тем самым революцию со всеми ее трагическими для нас и для всего мира последствиями.

Приступая к ответу на вопрос «почему мы не завладели Босфором в 1916 году», необходимо обратить внимание на некоторые обстоятельства, в зависимости от которых этот ответ находится.

При ответе на этот вопрос неизбежно придется касаться высоко стоящих в русской военной иерархии лиц, от которых решение этого вопроса зависело; между тем, связанная с этим решением громадная ответственность не только перед Россией, но и перед историей, обязывает при упоминании имен к сугубой осторожности и документальной обоснованности, а документы Штаба Верховного Главнокомандующего ча-

стью погибли, частью же находятся в советской России.

Однако автор настоящих воспоминаний берет на себя смелость касаться этого вопроса лишь потому, что в Ставке морская, то есть главная, часть этого вопроса была сосредоточена в его ведении, вследствие чего всё, что касалось вопроса о проливах, составляя главную сущность и смысл его должности в Штабе Верховного Главнокомандующего во время войны, глубоко врезалось в его память. Кроме того, сознавая громадную историческую важность этого вопроса и связанный с ним тяжкой личной ответственностью, им были приняты перед крушением Ставки меры к тому, чтобы препроводить в надежное место все дела его управления, так что историки получат в свое время возможность документально проверить всё то, что им будет приведено в дальнейшем изложении.

***

Решение вопроса о завладении Босфором находилось в сфере деятельности и ответственности нижеследующих факторов: правительства, военного и морского командования и, наконец, Государя.

Для точного определения роли и ответственности каждого из этих факторов в решении этого вопроса, необходимо установить отношение каждого из них к этому вопросу во время, непосредственно предшествовавшее 1-ой мировой войне, и во время самой войны.

Как уже известно, вопрос о завладении Босфором исчез из поля зрения русских государственных дея-

телей перед концом прошлого столетия и вплоть до самой 1-ой мировой войны он не значился в числе тех правительственных заданий, которые русская вооруженная сила должна была бы в случае войны решать. Поэтому постановка этого задания нашей вооруженной силе правительством, уже после начала войны, застала ее совершенно к тому неподготовленной, за что главная доля ответственности и падает именно на русское правительство.

Известную долю вины в этом вопросе несет на себе и русская общественность, поскольку конечно, она могла в те времена влиять на политику правительства. После того, как в конце прошлого столетия славянофильские круги, для коих вопрос о проливах считался краеугольным камнем русской политики, утратили в России свое влияние, этот вопрос значительно поблек в сознании русской общественности; под влиянием же разочарования в военной мощи России после войны с Японией, в русском обществе стало внедряться мнение о неспособности России к разрешению столь широкой военно-политической проблемы, каковой являлся вопрос о проливах, а потому русское правительство не видело перед войной никаких побуждений со стороны общественности к решению этого вопроса.

Чтобы составить себе полное представление как перед войной стоял вопрос о завладении Босфором в морских кругах, необходимо рассмотреть как он ставился в Морском Генеральном Штабе, на ответственности которого лежала разработка основных директив по подготовке флота к войне и составлению самых планов войны.

Созданный незадолго до войны Морской Генеральный Штаб, не успел еще выкристаллизовать собственную военно-политическую идеологию и находил-

ся под большим влиянием своего значительно более старшего сухопутного собрата — Главного управления Генерального Штаба. Последний, всецело поглощенный после войны с Японией подготовкой к назревающей грандиозной борьбе с Германией и не отдавая себе отчета в важности для этой борьбы обеспечения наших морских сообщений через проливы, требовал от Морского ведомства сосредоточения в первую очередь всех усилий и средств на усилении флота Балтийского моря, ибо это море было тесно связано с тем сухопутным театром, на котором должны были развиваться военные действия против Германии.

Вследствие этого в идеологии нашего Морского Генерального Штаба Балтийское море приобрело значение главного морского театра военных действий, и на усиление Балтийских морских сил были направлены все кредиты и внимание, а интересы Черноморского театра были отодвинуты на задний план, тем более что задача завладения Босфора, для обеспечения наших морских сообщений через проливы, ни правительством, ни Главным управлением Генерального Штаба нашему Морскому ведомству ни в какой форме перед войной и не ставилась.

Поэтому вопрос о завладении Босфором рассматривался Морским Генеральным Штабом лишь в перспективе отдаленного будущего и приурочивался к 1930-35 годам, когда должна была быть закончена так называемая «большая программа» восстановления нашего флота после его уничтожения в войне с Японией в 1905 году.

Вместе с тем в Морском Генеральном Штабе господствовало убеждение, что вопрос о проливах решится сам собой в результате грядущей войны с Германией, и, в связи с этим, внушенный нам Главным управлением Генерального Штаба лозунг «ключи от

проливов находятся в Берлине» был Морским Генеральным Штабом положен в основу подготовки наших морских вооруженных сил к предстоящей войне.

Иными словами Морской Генеральный Штаб полагал, по примеру своего сухопутного собрата, что вопрос о проливах будет решен победой над Германией, ибо эта победа повлечет за собой перестройку всех мировых политико-географических взаимоотношений, а поэтому он и направил все свои усилия на обеспечение победы на главном театре войны против Германии. В связи с этим им мыслилось, что, в случае победы над Германией, не представится необходимым занимать проливы с бою, ибо они нам достанутся, как плод нашей победы на главном театре войны. Поэтому Морским Генеральным Штабом, — в целях сосредоточения всех усилий на том театре военных действий, где должна была решиться судьба всей войны, — было признано целесообразным и возможным не ставить в войне с Германией Черноморскому флоту задачу завладения Босфором, и, в целях экономии средств, было признано возможным не вести в ближайшее время никакой подготовки к выполнению этой операции.

Однако лозунг «ключи от проливов находятся в Берлине», приведший к тому, что мы оказались в 1-ой мировой войне совершенно неподготовленными для завладения Босфором, нельзя было никоим образом признать правильным.

Даже поверхностное рассмотрение истории наших международных отношений должно было привести наших государственных деятелей к убеждению, что ключи от проливов всегда находились не в Берлине, а в Лондоне, и что даже после полной победы над Германией, нам придется выдержать за обладание проливами ожесточенную борьбу с Англией, которая си-

стематически препятствовала нашему выходу в бассейн Средиземного моря, о чем было подробно сказано в предыдущей главе.

При этом совершенно неосновательны и даже наивны были надежды наших политических и военных руководителей на то, что союзные обязательства изменят точку зрения и позицию «коварного Альбиона» в этом вопросе.

В этом отношении Венский конгресс 1814 г. должен был бы дать нашим руководителям особо поучительный пример. На нем, как известно, Англия, добившись перед тем в союзе с Россией, — главным образом благодаря именно ей — победы над Наполеоном, столь решительно и систематически выступала против всех аспираций России, что это едва не довело до вооруженного столкновения между ними.

Насколько же правильно утверждение, что ключи от проливов всегда находились ни в чьих иных руках, кроме английских, ясно видно из того, что после войны Англия, как нам уже известно, обеспечила себе господство над проливами международными соглашениями, установившими самый невыгодный и опасный для России режим в проливах.

Таким образом, наши государственные деятели, приняв точку зрения, что «ключи от проливов находятся в Берлине», проявили перед войной непростительную недальновидность и неосведомленность в области истории наших отношений с Англией.

Но помимо политической недальновидности в этом вопросе, наши руководители проявили в нем и чисто военную недальновидность, ибо они не учли того громадного влияния на исход войны, какое должна была бы иметь свобода наших морских сообщений с внешним миром через проливы во время самой войны.

Между тем перед Первой мировой войной в составе Морского Генерального Штаба была группа лиц, которые считали, что мы всё же должны вести подготовку к завладению Босфором во время предстоящей войны с Германией.

Группа этих лиц, во главе с начальниками Черноморского и исторического отделений капитанами 2-го ранга Каськовым и Квашниным-Самариным, считала, что, в случае войны с Германией, мы должны силой завладеть Босфором, чтобы поставить Англию перед совершившимся фактом, и на будущей мирной конференции закрепить за собой проливы по праву «beati possidentes (блаженны имущие)»; при этом ими выдвигались совершенно справедливые соображения, что война с Германией даст нам исключительно благоприятную обстановку для завладения проливами, которая в будущем вероятно больше не повторится, ибо, имея Англию в этой войне на своей стороне, мы, при завладении Босфором, не встретимся с открытым вооруженным сопротивлением ее, грозной для нас морской силы, как это в прошлом постоянно бывало.

Несмотря на то, что эта группа, опираясь на неопровержимые исторические данные, всеми способами старалась провести свою правильную точку зрения, ей всё же не удалось изменить сложившуюся в руководящих кругах Морского Генерального Штаба стратегическую идеологию, вытекающую из воспринятой ими идеи «о ключах от проливов в Берлине».

Однако, не следует при этом упускать из виду, что даже, если бы в Морском Генеральном Штабе и восторжествовала точка зрения этой группы лиц, Главное управление Генерального Штаба, за которым оставалось решающее слово в деле подготовки к войне с Германией, и которое решительно требовало сосредоточения всех усилий морской подготовки на

Балтийском море, — категорически воспротивилось бы проведению этой точки зрения в исполнение.

Отрицательное отношение нашего сухопутного Генерального Штаба к Босфорской операции, помимо ошибочного соображения «о ключах от Босфора в Берлине», основывалось на некоторых других соображениях, оказавшихся впоследствии также ошибочными.

Во-первых, руководители нашего сухопутного Генерального Штаба держались перед 1-ой мировой войной, уже отжившего строго-догматического требования о безусловном сосредоточении максимума сил на главном театре военных действий, в связи со строжайшей экономией при выделении сил для второстепенных операций; причисляя к таковым Босфорскую операцию, они ошибочно полагали, что выделение для этой операции необходимых десантных войск ослабило бы «без всякой пользы» наши силы на главном театре войны, где, для успешной борьбы с таким грозным противником, каким была Германия, ни один батальон не мог бы быть лишним.

С другой стороны, Генеральный Штаб не усматривал никакой непосредственной помощи операциям армии на главном театре войны от завладения Босфором, то есть от обеспечения наших морских сообщений для подвоза боевых припасов из-за границы, ибо, придерживаясь распространенного ошибочного мнения о непродолжительности грядущей войны, считал, что она будет закончена с теми боевыми запасами, которые окажутся в наличии при ее начале.

Вместе с тем, после войны с Японией, наши сухопутные собратья потеряли доверие к боеспособности флота, и, не отдавая себе отчета в последовавшем затем громадном прогрессе его в этом отношении, счи-

тали весьма рискованным вверить ему судьбу десантных войск для Босфорской операции.

Но и помимо всех этих ошибочных соображений, нельзя не указать на то, что наш сухопутный Генеральный Штаб, при недостаточной широте взглядов и при не вполне ясном понимании национально-государственных задач России, был всецело во власти «континентальной» идеологии, так что широкие морские проблемы России были ему чужды и на связанные с их решением морские операции он смотрел более чем скептически.

Чтобы иметь полное представление о положении перед войной вопроса о завладении Босфором, необходимо еще знать, как к нему относился Государь.

Как известно, в начале царствования императора Николая II безответственная и корыстолюбивая группа лиц внушила ему идею, что вследствие значительных сопротивлений, на которые неизменно наталкивается решение нашей национальной проблемы о проливах, следует искать обеспечения наших морских сообщений с внешним миром не на Черном море, а на Тихом океане. Вследствие этого наша политика в конце прошлого столетия была направлена на Дальний Восток и главное внимание Государя было поглощено делами этой дальней нашей окраины, а проблема Черного моря исчезла из его поля зрения.

После катастрофы в войне с Японией и ослабления нашей военной мощи, невозможно, конечно, было и думать о решении столь трудной проблемы, каковой была проблема о проливах, тем более что надвигалась угроза со стороны Германии, борьба с которой должна была бы потребовать сосредоточения против нее всех наших сил. Под влиянием опасности со стороны Германии и настоятельных требований нашей союзни-

цы Франции о сосредоточении всех наших сил для борьбы с общим врагом, Государь воспринял точку зрения нашего Генерального Штаба о том, что «ключи от проливов находятся в Берлине» и утвердил разработанный Главным управлением Генерального Штаба план войны с Германией, в котором не было отведено никакого места подготовке к Босфорской операции.

Таким образом, мы вступили в Первую мировую войну со всех точек зрения — политической, общественной, военной и морской — совершенно неподготовленными к завладению проливами, то есть к решению той нашей главной национальной проблемы, от которой, как само течение военных действий показало, зависел исход войны и дальнейшие судьбы нашего отечества.

***

Вскоре после начала военных действий русское правительство, как известно, было вынуждено поставить целью войны решение вопроса о проливах.

Вынеся из переговоров с нашими союзниками по этому вопросу впечатление об их неискренности и, наученный опытом более чем странных обстоятельств, при которых Англия, тайно от нас, предприняла и вела Дарданелльскую операцию, министр иностранных дел С. Д. Сазонов пришел к убеждению о необходимости прочно обеспечить решение этого вопроса фактом «beati possidentes (блаженны имущие)». Вследствие этого он обратился к верховному командованию, в компетенцию коего этот вопрос после начала войны перешел, с представлением о необходимости завла-

деть Босфором, и это требование неоднократно и настойчиво повторял.

Казалось бы, раз правительство с соизволения Государя поставило единственной целью войны, в которой должны были быть напряжены все силы страны до последней крайности, решение вопроса о проливах, и, в частности, завладение Босфором, верховное командование — как бы это ни было для него неожиданным — должно было бы неуклонно считаться с этим решением правительства и должно было бы приложить самые крайние старания для приведения этого решения в исполнение.

К сожалению, в действительности, это оказалось далеко не так. Нечего, конечно, и говорить, что флот и все органы его управления, а в первую очередь, Морское управление Штаба Верховного Главнокомандующего, с воодушевлением приняли это решение правительства, и, после неудавшейся из-за нашей неподготовленности попытки осуществить Босфорскую операцию в начале 1915 года в связи с Дарданелльской операцией, приложили все старания к тому, чтобы в кратчайший срок восполнить недостатки нашей подготовки для завладения Босфором.

Как выше было уже сказано, нам удалось, в результате до крайности напряженной работы, подготовить к весне 1916 года все силы и средства для перевозки за один раз и высадки на занятый неприятелем берег десантного корпуса усиленного состава до 2½ дивизий со всеми его обозами и службами.

С морской стороны к весне 1916 г. операция для завладения Босфором была во всех подробностях, как мы уже знаем, подготовлена: мы ожидали лишь назначения десантных войск для ее осуществления.

Но в среде наших сухопутных собратьев Штаба

Верховного Главнокомандующего и, в частности, в управлении генерал-квартирмейстера дело обстояло совсем иначе: Генеральный Штаб, и после заявления правительства, что целью войны является решение вопроса о проливах, продолжал придерживаться точки зрения о том, что ключи от них находятся в Берлине, и, несмотря на выраженное правительством пожелание о завладении Босфором, продолжал относиться к этому отрицательно.

Весьма показательным в этом отношении является нижеследующий случай: однажды в начале войны, за завтраком в вагоне-ресторане у великого князя Николая Николаевича, мой сослуживец В. В. Яковлев и я, сидя за одним столиком с генерал-квартирмейстером генералом Ю. Н. Даниловым, завели с ним разговор о решении вопроса о проливах, на что он нам ответил: «об этом поговорим, когда будем на реке Одере» — иными словами, после победы над Германией.

Этой точки зрения авторитетнейшего руководителя нашего Генерального Штаба Ю. Н. Данилова, — являющейся ничем иным как перефразировкой идеи, «о ключах в Берлине», — держался впоследствии и начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев.

Твердо придерживаясь убеждения, что вопрос о проливах будет решен победой над Германией, генерал Алексеев, про себя, считал Босфорскую операцию ненужной затеей, способной лишь отвлечь войска от главного театра войны, и тем затруднить эту победу.

Но так как Государь был горячим сторонником Босфорской операции, а министр иностранных дел С. Д. Сазонов на ней настаивал, генерал Алексеев не

отвергал ее категорически, но ставил для своего на нее согласия такие, — по мнению нас моряков, — необоснованные — требования, кои были невыполнимы: а именно: он считал, что для исполнения Босфорской операции безусловно необходима целая десантная армия силой в 3½-4 корпуса; между тем транспортная флотилия не была в состоянии перевезти, в должный срок, столь многочисленную армию, и обеспечить после высадки ее снабжение.

При исчислении десантной армии в 3½-4 корпуса генерал Алексеев исходил из следующих соображений: ближайшее, не занятое противником, удобное место для высадки значительных десантных войск, — устье реки Сакарии, — отстояло к востоку от Босфора в расстоянии 4-5 армейских переходов, при полном бездорожьи; так как противник за эти 4-5 дней успел бы предпринять меры для усиления своих войск в районе Босфора, наша десантная армия должна была бы быть, по мнению генерала Алексеева, достаточно сильна, чтобы иметь возможность успешно вести наступательную операцию, в чрезвычайно трудных условиях бездорожья, с далекого расстояния от Босфора.

Не подлежит сомнению, что при условии высадки у реки Сакарии, десантная армия должна была бы быть столь многочисленна, что даже при крайнем напряжении всех транспортных средств Черного моря, мы не могли бы осуществить ее сосредоточение, то есть перевозку в район высадки, в намеченные сухопутным командованием сроки. Этим требованием сухопутное командование поставило флот в безвыходное положение, что и было генералом Алексеевым использовано для обоснования своего заключения о том, что Черноморский флот вообще не в силах выполнить Босфорскую операцию.

Между тем Морской Штаб Верховного Главнокомандующего и командование Черноморским флотом в лице адмирала Колчака и его Штаба держались совершенно иной точки зрения, прямо вытекающей из всесторонне проверенных данных обстановки.

Эти данные, опровергающие заключение генерала Алексеева, были следующие:

К весне 1916 года, вследствие ряда катастроф на Кавказском фронте, постоянных неудач в районе Суэцкого канала и Палестины, а, особенно, вследствие громаднейших потерь при обороне Дарданелл, боеспособность турецкой армии была сведена почти на нет, запасы исчерпаны и войсковые соединения совершенно расстроены.

Последний удар боеспособности турецкой армии нанесло немецкое верховное командование, потребовав, в связи с успехами Брусиловского наступления летом 1916 года, от Турции отправки на наш фронт в Галицию, для поддержки терпящей бедствие австрийской армии, целого турецкого корпуса. Энвер паша, верный слуга немцев, не посмел им в этом отказать, и приказал для сформирования этого корпуса, получившего № XV, собрать всё, что было еще более или менее боеспособного в составе войск, находившихся в районе проливов и Константинополя.

После отправки в июле месяце этого корпуса в Галицию, в районе проливов осталось всего три дивизии слабого состава, из которых две были в районе Дарданелл, а одна — 15-ая — в районе Босфора.

Принимая во внимание незначительную провозоспособность железной дороги, забитой к тому же доставкой угля в Турцию, и большое расстояние, немцы, в случае необходимости усилить турецкие войска в районе Босфора для противодействия нашей атаке, не могли бы подвезти в этот район более или менее

значительные подкрепления ранее чем через две недели. Скорее, подкрепления к Босфору могли бы быть подвезены лишь морем из района Дарданелл; однако, несмотря на сравнительно небольшое расстояние, перевозка этих подкреплений заняла бы всё же много времени, так как действиями Черноморского флота почти все турецкие пловучие средства были уничтожены, о чем уже было сказано в V-ой главе. С другой стороны, в случае нашего нападения на Босфор, вряд ли турки решились бы выделить сколько-нибудь значительные подкрепления для Босфора из состава, и так уже совершенно слабого, гарнизона Дарданелл, ибо в этом случае они должны были бы считаться с возможностью немедленного нападения наших союзников на Дарданеллы, значительные силы коих находились на Салоникском фронте, в непосредственной близости от Дарданелл.

Вместе с тем укрепления Босфора были очень ослаблены переброской к Дарданеллам, во время нападения на них англичан в 1915 году, части артиллерии и большого количества боевых припасов; кроме того, агентами нашей тайной разведки, высаживаемыми по ночам с наших миноносцев на турецкий берег, было установлено, что, возведенные в 1915 году турками полевые укрепления и окопы на местах, удобных для высадки десанта в районе Босфора, никем не заняты и пришли в полное запустение. При этом было установлено, что турки в 1916 году вообще не поддерживали в районе Босфора никакой бдительности и совершенно не ожидали нашего нападения: наши миноносцы во время частых поисков в районе Босфора приближались вплотную к его берегам, не вызывая, даже в лунные ночи, со стороны турок никакого противодействия и не возбуждая никакого их внимания.

Для полной оценки безнадежности той обстановки, в которой находилась летом 1916 года оборона

Босфора, остается еще указать на состояние немецко-турецкого флота: немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау», составлявшие главные его силы, подорвались на наших минах в Черном море, и, находясь в продолжительном капитальном ремонте, не могли бы оказать обороне Босфора существенной помощи.

Основываясь на этих неопровержимых и тщательно проверенных данных обстановки, мы, моряки, считали, что для завладения Босфором нет никакой необходимости предпринимать методическую наступательную операцию многочисленной десантной армии с дальнего от него расстояния, как того хотел бы генерал Алексеев, а что Босфор можно легко занять внезапной высадкой в непосредственной его близости десантного отряда, не превышающего по своему численному составу подъемной способности Черноморской транспортной флотилии.

В связи с этим Морским Штабом Верховного Главнокомандующего, совместно с штабом Черноморского флота, был подробно разработан план операции внезапного нападения на Босфор, главные основания коего были следующие: после ночного траления подступов к Босфору, транспортная флотилия приближается к берегу, и перед рассветом высаживает по обеим сторонам Босфора две дивизии с их артиллерией; место высадки немедленно ограждается сетями, минными заграждениями и дозорными судами по тому же плану, по которому была организована, блестяще оправдавшая себя, охрана места высадки V корпуса у Трапезунда весной 1916 года, о чем будет сказано ниже; третья дивизия и тяжелая корпусная артиллерия высаживаются, в зависимости от выяснившейся на берегу обстановки, после высадки первых двух дивизий; с рассветом судовая артиллерия всего Черноморского флота энергично поддерживает движение вперед высадившихся войск, и берет под огонь своей

тяжелой артиллерии турецкие береговые батареи; при этом судовая артиллерия нашего флота имеет громадное преимущество, ибо восходящее солнце, прекрасно освещая цели на берегу, совершенно ослепляет турецких наводчиков; по овладении десантом входных батарей, флот входит к вечеру в Босфор, а десантные войска ночным штурмом овладевают, при содействии флота, группой батарей среднего Босфора, вслед за чем проход для флота к Константинополю уже будет свободен; после этого часть транспортной флотилии отправляется за вторым эшелоном десантных войск (2 дивизии) в ближайшие порты Черного моря, каковой мог бы быть доставлен к Босфору уже на 4-ый день, то есть ранее прибытия к Константинополю каких бы то ни было турецких подкреплений; этот второй эшелон должен был бы, совместно с первым, занять Константинополь и знаменитую Чаталджинскую позицию, преграждающую доступ к Константинополю со стороны Балканского полуострова, и этим была бы пресечена всякая связь Турции с ее союзниками.

Таким образом по плану Морского Штаба Верховного Главнокомандующего и Черноморского командования, для внезапного завладения Босфором было бы достаточно всего 5 дивизий, то есть в два раза меньше, чем их требовалось по оперативным предположениям генерала Алексеева.

Весной 1915 года, когда боеспособность Турции не была еще расстроена, англичанам удалось высадить на прочно занятые свежими турецкими войсками и хорошо подготовленные к обороне берега Дарданелл, 5 посредственных, по своим боевым качествам, дивизий, при чем, вследствие ряда грубейших ошибок, сделанных нерешительными и неискусными английскими руководителями этой операцией, не была

соблюдена ни малейшая внезапность, так что турки этой высадки ожидали во всеоружии. Поэтому, конечно, не могло быть — да у нас моряков и не было — ни малейшего сомнения в том, что летом 1916 года, когда боеспособность Турции была сведена почти на нет, 5-ти нашим отборным дивизиям, которые должны были бы по предположениям Морского Штаба Верховного Главнокомандующего быть взяты из состава нашей блестящей Кавказской армии, удастся безо всяких затруднений внезапно высадиться на берег Босфора и быстро занять весь Босфорский район, обороняемый всего лишь одной мало боеспособной турецкой дивизией, совершенно к тому же не ожидавшей нашего нападения; при этом особенную уверенность в успехе этой операции давало то обстоятельство, что ею будет руководить такой решительный и высокоталантливый вождь, каким был командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак.

**
*

Но несмотря на то, что все данные обстановки были, как выше сказано, особенно благоприятны для внезапного завладения Босфорским районом; несмотря на то, что весной 1916 года транспортная флотилия в разгар деятельности немецких подводных лодок на Черном море выполнила без всяких потерь и затруднений перевозку и высадку в Трапезунде нашего 5-го кавказского корпуса в составе трех дивизий, и этим на деле доказала свою полную подготовленность к такой операции; несмотря, наконец, на то, что правительство неоднократно высказывало, в лице С. Д. Сазонова, пожелание о занятии нами Босфора, а Государь был горячим сторонником этого, — генерал

Алексеев всем нашим доводам противопоставлял возражение о рискованности, по его мнению, внезапной операции, и упорно настаивал на необходимости наступательной операции, с участием в ней не менее 10 дивизий, каковых транспортная флотилия поднять не могла, и каковые он вообще не считал возможным дать, ибо этим было бы значительно ослаблено наше положение на главном театре военных действий, где подготовлялось к весне 1917 года наше решительное наступление в Галиции.

Так как можно было предполагать, что главной причиной отрицательного отношения генерала Алексеева к Босфорской операции было не столько недоверие к нашим доводам, сколько именно строго догматическая точка зрения в вопросе применения принципа сосредоточения максимальных сил на главном театре военных действий, нами была сделана — признаюсь — «дерзкая» попытка эту точку зрения изменить.

Размышления в связи с моей профессорской деятельностью в Морской Академии и всестороннее изучение военной истории, привели меня к убеждению, что в некоторых случаях, особенно в больших войнах, где участвуют целые «вооруженные народы», победа может быть достигнута так же и решительными операциями на второстепенных театрах войны.

Особенно же ясно стала эта мысль выявляться при внимательном изучении той обстановки, в которой велась 1-ая мировая война.

Обстановка эта, в широком идейном смысле, была похожа на обстановку при осаде укрепленного района: вооруженные силы Тройственного союза были заключены в грандиозном укрепленном районе, окруженном со всех сторон армиями и морскими силами Антанты.

«Укрепленный район» этот был особенно силен на главном театре войны в Западной Европе, где были возведены мощные полевые укрепления и сосредоточены главные силы Тройственного союза.

Для атаки же укрепленного района обычно не избирается наиболее сильно обороняемое место, а наоборот, наиболее слабое место, ворвавшись через которое внутрь укрепленного района «осаждающий» может разрушить, ударом в тыл, всю систему обороны «осажденного».

Таким слабым для Тройственного союза местом в его «укрепленном районе» была в 1916 году Турция.

Неопровержимым подтверждением правильности этого заключения служат приведенные в 1-й части, в связи с Дарданелльской операцией, мнения авторитетнейших руководителей германской вооруженной силы генерала Людендорфа и адмирала Тирпица о том, что завладение Антантой проливами и, связанная с этим капитуляция Турции, будет иметь неминуемым последствием поражение Германии.

Казалось бы, что если германское командование пришло к такому заключению, то к такому же заключению должно было бы придти и наше командование, прояви оно большую широту взглядов и отсутствие предвзятости при оценке обстановки.

К сожалению, это оказалось не так: мысль о несоответствии с обстановкой современных больших войн догматического применения принципа сосредоточения сил и мысль о решающем значении в обстановке 1-ой мировой войны завладения проливами для нанесения сокрушающего удара изнемогавшей Турции, была мною изложена в июле месяце 1916 года в докладной записке, которая с полного одобрения Начальника Морского Штаба Верховного Главноко-

мандующего адмирала Русина была мною доложена генералу Алексееву.

Он меня поверхностно выслушал и приказал передать записку своему «alter ego» («второму я») генералу Борисову; там она, без всякой пользы для дела, «погибла» жертвой узости взглядов нашего Генерального Штаба на ведение войны, каковая отрицательная черта этого Штаба была после войны отмечена в трудах нашего военного ученого генерала Н. Н. Головина.

В заключение нельзя не отметить, что крушение Германии в 1-ой мировой войне началось прорывом во внутрь «укрепленного района» Тройственного союза, именно на второстепенном Солунском фронте, повлекшим за собой капитуляцию Болгарии.

***

После того, как нами были исчерпаны все доводы в пользу Босфорской операции и так как Государь не считал для себя возможным в этом оперативном вопросе, — как впрочем и во всех вообще оперативных вопросах верховного командования, — воздействовать на своего начальника Штаба, нами было исходатайствовано соизволение Государя на сформирование в портах Черного моря собственного «морского» десантного отряда, на что Государь, бывший, как мы знаем, горячим сторонником Босфорской операции, охотно дал свое согласие.

Случай этот как нельзя лучше показывает сколь ненормально было в то время положение в нашем верховном командовании, раз Верховный Главнокомандующий не решился приказать своему начальнику

Штаба привести в исполнение правильную оперативную идею, а прибегнул для этого к окольным путям, вследствие чего эта идея и не могла быть своевременно, то есть летом или ранней осенью 1916 года, приведена в исполнение.

По повелению Государя было тотчас же приступлено к сформированию в Севастополе специальной десантной дивизии, причем Государь повелел, чтобы для укомплектования этой дивизии, по штатам, разработанным Морским Штабом Верховного Главнокомандующего, было отправлено из армии достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров.

Кроме того, в состав десантного отряда должна была еще войти, сформированная в портах Балтийского моря, так называемая Балтийская «морская» дивизия, которая для этого была перевезена на побережье Черного моря, а также значительно расширенный в своем составе Гвардейский экипаж.

Государь до самого конца своего верховного командования всё время живо интересовался ходом формирования десантной дивизии, и во время «серкля» после завтраков, когда я был в числе приглашенных, всегда подробно меня об этом расспрашивал.

Так как формирование и обучение десантного отряда должно было, даже при крайнем напряжении всех усилий, занять не менее 3-4 месяцев, а между тем осенние и зимние штормовые погоды на Черном море не допускали и мысли о какой бы то ни было высадке в это время года, мы принуждены были отложить выполнение Босфорской операции на весну 1917 года.

Генерал Алексеев с легкостью согласился на сформирование десантной дивизии, и не чинил препятствий этой «затее моряков», так как втайне был уверен, что

участь войны решится в марте месяце 1917 года на полях Галиции, то есть раньше, чем можно будет эту операцию предпринять, и тем самым надобность в ней сама собой отпадет.

Но вспыхнувшая в феврале месяце 1917 года революция разрушила чаяния генерала Алексеева и привела нас к страшному поражению.

Таким образом по причине отсталости стратегической идеологии нашего сухопутного Генерального Штаба, по причине неумения нашего верховного командования оценить важность Босфорской операции и легкую возможность ее осуществления в обстановке 1916 года, а также и по причине ненормального положения вещей в самом нашем верховном командовании, эта операция, долженствовавшая иметь решающее влияние на исход войны, не была своевременно приведена в исполнение.

Глава VIII

РЕВОЛЮЦИЯ

Единение царя с народом первых дней войны продолжалось очень недолго.

В связи с нарастающим духовным напряжением, вызванным тяжелой войной, постепенно обострялись впечатлительность и терпение интеллигентных классов общества, что и породило в нем, вследствие злосчастного направления нашей внутренней политики, оппозиционные течения, перешедшие в конце концов в революционные настроения.

Вместо того, чтобы стараться, елико возможно, поддерживать в обществе, столь необходимые для успешного хода войны стремления к единению всех творческих сил народа с его верховным правлением, правительство и главным образом престол, своими деяниями, наоборот всё больше и больше углубляли возникшую вскоре после начала войны между ними пропасть.

Эти деяния, имевшие фатальные последствия для будущего России, были: допущенное со стороны престола влияние на управление страной в столь тяжелый период ее истории распутинской клики и борьбы верховной власти с Государственной Думой, — так или иначе олицетворявшей творческие силы страны, — к патриотической помощи коих верховная власть не только упорно считала не нужным, но даже считала вредным, прибегнуть.

Крайнее упорство, — не поддававшееся никаким доводам и увещеваниям, откуда бы они ни исходили — в нежелании престола положить конец влиянию Распутина и его клики и нежелание призвать, в столь тяжелый час, к содействию власти общественные силы, а наоборот, борьба с ними, привело наконец всё патриотически настроенное русское общество в крайнее отчаяние, чем и объясняется столь быстрый, можно сказать, молниеносный успех революции.

Много уже было написано о Распутине, и было бы излишним возвращаться к описанию и оценке той трагической роли, которую сыграл он в истории России.

Здесь хочу лишь упомянуть о том глубоком влиянии, которое имела «распутиновщина» на умонастроения и духовные переживания личного состава Ставки.

Всем нам, конечно, было известно то положение, которое занял в царской семье этот презренный негодяй, влияние коего на Государыню и Государя не могли ослабить и открыть на него глаза даже представленные документально-фотографические доказательства об его низком разврате; мы знали об определенном вмешательстве Распутина, и сплоченной вокруг него корыстолюбивой и бесчестной клики, в дела управления государством и в назначения на высшие государственные должности; до нас доходили начавшиеся распространяться в 1916 году в русском обществе слухи о связях распутинской клики с тайными германскими агентами, в связи с чем появились, необоснованные, конечно, обвинения Государыни, — немки по происхождению, — в измене.

В таких условиях упорная защита Государыней и Государем Распутина и его клики оскорбляла наше национальное достоинство и вызывала среди всех нас,

так же как и среди всей, патриотически настроенной части русского общества, глубокое возмущение.

Столь велико было тогда это возмущение, что даже теперь, когда всё безвозвратно минуло и когда с годами улеглись страсти, оно, при воспоминании об этом трагическом прошлом, всё же закипает с прежней безмерной силой.

Вместе с тем упорная борьба престола, в столь тяжелое для страны военное время, с Государственной Думой вызывала в нас сильную тревогу за будущее.

Хотя, конечно, нельзя отрицать, что, — весьма, правда, незначительная часть радикально, или вернее революционно настроенных членов Думы, — преследовала не патриотическую, а партийную цель — воспользоваться войной для свержения власти, однако значительное большинство членов Думы имело перед собой единственно лишь патриотическую цель: помочь власти добиться победы в войне. Но, видя систематическое нежелание власти прибегнуть, в тяжелый час, к помощи олицетворяемых Думой творческих сил страны, и, опасаясь того вредного и растлевающего влияния, которое имела на государственные дела распутинская клика, патриотическое большинство Думы заняло оппозиционное положение по отношению к пагубной внутренней политике правительства, перешедшее, после насильственного акта роспуска Думы в начале 1917 года, в справедливое возмущение, которое окончательно оттолкнуло Думу, а вместе с ней и всё русское общество от престола и правительства.

Мы же в Ставке отдавали себе отчет в том, что в обстановке 1-ой мировой войны, когда сражалась с страшным врагом не только армия, но весь вооруженный народ, успех мог быть достигнут лишь при условии полного единения народа с властью и полного использования всех без исключения творческих сил

страны; мы ясно сознавали, что в это время несогласие, а тем более открытая борьба власти со страной, неминуемо должны привести к катастрофе; поэтому и мы, опасаясь за судьбу дорогого нам отечества, с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти.

***

Так как Государь горячо любил Россию, упорство, с которым он вел гибельную для нее внутреннюю политику, требует объяснений, чтобы не быть неправильно истолкованным.

Не подлежит, конечно, сомнению, что Государь не питал никаких симпатий к прогрессивным идеям в деле управления государством и не только недоверчиво, но даже враждебно относился к носителям и распространителям этих идей.

При своем религиозном мистицизме он твердо верил, что власть ему дана Богом и что его долг состоит в том, чтобы сохранить ее неумаленной; вследствие этого он отвергал всякие попытки самодеятельности и инициативы общественных сил, видя в этом посягательство на свою власть, и не останавливался перед тем, чтобы вступать с этими силами в борьбу.

Однако при объяснении того крайнего упорства, с которым Государь вел эту борьбу, нельзя удовольствоваться лишь ссылкой на его религиозный мистицизм, так же как нельзя искать причину этого упорства, быть может, в недостатке умственных способностей, ограничивающем его понимание.

Его дед император Александр II-ой и, особенно,

его прадед император Александр I-ый были не менее, чем он, мистически настроены и не отличались особенными умственными способностями; однако их пониманию были не только доступны передовые идеи, но к некоторым из этих идей они всё же прислушивались.

Основная причина такой разницы между ними и их потомком императором Николаем II-ым заключалась в разнице воспитания, в различии взглядов среды, в которой они вращались, и в характере влияния на них их близких.

На психологии и идеологии императоров Александра I-го и II-го неизгладимый отпечаток оставили их воспитатели швейцарец Лагарп и поэт Жуковский, носители не только передовых, но даже, — что касается Лагарпа, — революционных идей; оба императора и, особенно, Александр I-й, окружали себя либерально настроенными людьми и вращались в кругу высоко интеллигентных русских и иностранных людей.

Будь у императора Николая II-го в его молодости такие же воспитатели, как у этих его предков, можно с уверенностью сказать, что и ему, так же как им, было бы доступно правильное понимание блага России и он не вел бы с русским обществом такую ожесточенную борьбу, как это было в Первую мировую войну. Но, как известно, императора Николая II-го, в его молодости, не готовили к занятию престола, и его воспитание не отличалось от воспитания молодых людей, консервативно-настроенного, русского дворянства; при этом он вращался исключительно в кругу гвардейских офицеров, среди которых господствовали крайне консервативные, а подчас даже ретроградные понятия о государстве и о самодержавной власти.

Излишне, конечно, здесь доказывать, какое решающее влияние имеет на мировоззрение человека воспитание среды, в которой он вращается.

Неоткуда было в психологии императора Николая II-го зародиться и развиться либеральным взглядам на дело правления государством; воспитание и среда, в которой он вращался, наоборот, способствовали лишь развитию и укреплению зарожденных в нем религиозным мистицизмом ретроградных идей.

Но это еще не всё.

Императоры Александр I-ый и II-ой уделяли своим семьям даже, пожалуй, меньше внимания, чем бы сие полагалось; их супруги не имели на них ни малейшего влияния, да к этому и не стремились, а в дела управления государством не могли даже и думать вмешиваться.

Император же Николай II-ой был весь поглощен, как мы знаем, интересами своей семьи, а Государыня, которую он чрезмерно любил, буквально подавляла его слабую волю, и именно она, — больше чем кто-либо и что-либо, — укрепляла в нем ретроградно-мистическую идеологию, неуклонно требуя, чтобы он, не останавливаясь ни перед чем, решительно за эту идеологию боролся.

Вот мы и подошли к трагическому вопросу о фатальном влиянии Государыни на Государя, которое и было главным источником его упорства в ведении пагубной для России внутренней политики.

О том, сколь вредоносны были, по своей отсталости, взгляды Государыни на дело правления русским государством, каким слепым мистицизмом она была проникнута, сколь безгранично была она подвержена воле Распутина, к каким утонченным аргументам она прибегала, чтобы, пользуясь безмерной любовью к себе Государя, заставлять его исполнять ее желания, свидетельствуют, с исчерпывающей ясностью, ее письма к Государю.

Более неопровержимых документов, чем эти письма, для обоснования своих заключений, историческая наука дать нам не может, и, сознающий свой долг перед наукой честный и беспристрастный историк, не может обойти их молчанием, сколь бы это и не приходилось по душе ослепленным сантиментальностью и неспособным подняться на бесстрастный уровень науки читателям.

Хотя имеется целый ряд и других данных для суждения о фатальном влиянии Государыни на Государя, но, из уважения к памяти несчастной женщины-царицы, принявшей за свои невольные заблуждения мученический венец, ограничимся здесь лишь теми, которые вписаны в историю ее собственной рукой.

Но тут возникает перед нами непонятный вопрос: как могло случиться, что иностранная принцесса, родившаяся в культурной западно-европейской среде и воспитанная при английском дворе в духе позитивизма и реализма, подпала под неограниченное влияние некультурного мужика, очутилась в таком мраке мистицизма и стала исповедывать столь отсталые взгляды на государственное правление?

Распространенное объяснение непостижимой приверженности Государыни к Распутину одним лишь тем, что он обладал способностью останавливать припадки гемофилии у наследника, далеко не убедительны; если он такой способностью обладал, то, при нормальном отношении к вещам, достаточно было бы царского повеления, чтобы у него, — как вообще у всякого врача — «купить» эту способность за деньги, не вознося, как это делала Государыня и внушала в своих письмах Государю, такого полуграмотного мужика на степень «лучшего и вернейшего друга» царской семьи, каковым она его считала.

Объяснение такой непостижимой аберрации мышления Государыни можно, по моему глубокому убеждению, найти лишь в изречении «здоровый дух в здоровом теле».

Государыня, вне всякого сомнения, не была вполне здорова: она носила в себе зародыши таинственной и страшной болезни, — гемофилии, — являющейся следствием нарушения физиологического равновесия в организме, или говоря медицинским языком, следствием нарушения функций системы внутренней секреции.

Между тем, современная психофизиология пришла к заключению, что всякое нарушение функций внутренней секреции неминуемо вызывает, более или менее ясно выраженные, а подчас, непосвященному оку даже и незаметные, нарушения в психике, выражающиеся в различных формах истерии и психозов, которые, — особенно у женщин, — часто проявляются в религиозном мистицизме и экзальтации. Психозы же эти, подчиняя себе работу мысли, лишают ее свободы и приводят к ее аберрации. Таким образом умозаключения по всем решительно вопросам расцениваются и принимаются неуклонно с точки зрения этих психозов. Ретроградные взгляды Государыни на правление государством и превратные суждения о людях именно и объясняются аберрацией ее мышления под влиянием экзальтированного мистического настроения, коему эти взгляды и суждения полностью отвечали и из коего они прямо вытекали.

Этим также объясняется и то безграничное влияние, которое приобрел на нее Распутин.

Известно, что многие женщины с болезненной психикой склонны чрезмерно восторгаться людьми, обладающими свойствами особенно действовать на их эмоции.

Распутин же был постоянно окружен разными эк-

зальтированными, мистически настроенными и неуравновешенными женщинами, на которых именно и выявлялась в наивысшей степени власть этого отвратительного мужика.

Исходя из всего этого, заблуждения Государыни в ее суждениях и чувствах следует приписать болезненному состоянию ее психики. Только при таком объяснении, заблуждения эти могут быть названы невольными, и только такое, а никакое иное, объяснение может дать истории право снять с ее памяти бремя ответственности за тот вред, который она своими заблуждениями причинила России.

Но как бы то ни было, эти заблуждения, — постоянно и упорно внушаемые Государыней Государю, — воля которого была слепой любовью к ней совсем подавлена, — и который сам был склонен к мистицизму, привели к небывалому унижению престола в глазах всего света, к глубокому оскорблению чувства национального достоинства всего русского общества и к упорной борьбе власти с творческими силами страны в тяжелый час войны.

Прямым же последствием этого было безграничное возмущение русского общества и полное отчуждение страны от власти и престола, вследствие чего Государь в критическую последнюю минуту своего царствования оказался совершенно одиноким и решительно никто его не поддержал.

***

Английская и французская революции, жертвами коих пали Карл I-ый и Людовик XVI-ый, ясно показали, к каким трагическим последствиям приводит борьба монархов с народным представительством.

Зная, конечно, это, генерал Алексеев с глубокой тревогой за будущее взирал на упорную борьбу престола с нашей общественностью, усугубляемую всеобщим возмущением «распутиновщиной».

Но, как известно, все его старания добиться от Государя изменения пагубного направления его внутренней политики остались тщетными.

Осенью 1916 г., после назначения в сентябре месяце на пост министра внутренних дел А. Д. Протопопова, отношения между Думой и правительством стали всё более и более обостряться. О Протопопове было известно, что он психически не вполне нормален и во всяком случае крайне неуравновешен. Несмотря на то, что он сам был членом Думы, он повел такую ретроградную и беспорядочную внутреннюю политику, что вскоре вызвал резкие протесты Думы, которая потребовала от правительства его смены.

Кроме того, стало известно, что он в Стокгольме вошел в связь с немецким послом и вел с ним какие-то переговоры; так как вместе с тем было известно, что он пользовался особым доверием Государыни и был преданным исполнителем ее предначертаний, это дало еще большее обоснование молве о том, что измена свила себе гнездо на ступенях самого престола, и эта страшная молва нашла себе отголосок на кафедре Государственной Думы.

О том, какое это имело ужасное влияние на настроение общества и на его отношение к престолу, и говорить нечего.

В конце концов пагубная деятельность Протопопова привела к тому, что на его личности как бы поляризировалась вся борьба между престолом и русским обществом, возглавляемым Думой.

И несмотря на увещевания ряда авторитетнейших государственных деятелей, несмотря на письменные обращения к нему членов императорской фамилии, — великих князей, — в которых они предостерегали его, что доверие, оказываемое им недостойным того людям, неминуемо приведет Россию и династию к гибели, Государь, поддерживаемый Государыней, оставался непреклонным и ни с Протопоповым, ни с Распутиным расстаться не хотел.

Как раз в разгар этой борьбы, в ноябре месяце, генерал Алексеев тяжело заболел. Главной причиной его болезни было крайнее переутомление, но нет сомнения в том, что этому переутомлению немало способствовало сознание своего бессилия повлиять на Государя, и опасения за исход войны.

Генералу Алексееву был предписан врачами продолжительный отдых на юге.

По его совету Государем был призван для временного исполнения обязанностей начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Гурко.

Служебное положение, которое генерал Гурко занимал, не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями.

Но о нем было известно, что он очень решителен, тверд характером и либерально настроен, так что можно было полагать, что именно эти его свойства остановили на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство Государя.

О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности останется навсегда тайной, которую оба они унесли с собой в могилу.

Но фак тот, что с его назначением появились, неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры.

Однако проходили дни за днями, во время которых борьба престола с общественностью всё более и более ожесточалась, и чувствовалось, что приближается развязка, а никакого влияния генерала Гурко на ход событий не было заметно, так что вернувшийся через полтора месяца к своим обязанностям генерал Алексеев застал всё еще в худшем положении чем то, которое было при его отъезде.

Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению; или его в последнюю минуту остановило не изжитое еще традиционное верноподданническое чувство; или, наконец, быть может слухи о его намерениях были лишь плодом вымысла приведенных в отчаяние и опасающихся за судьбу своей родины людей — трудно сказать. Но во всяком случае надежды, возлагавшиеся на него в Ставке, ни в малейшей степени не оправдались.

Вскоре после отъезда генерала Алексеева на юг произошло знаменитое выступление в Думе ее члена Пуришкевича. В громовой речи он открыто заявил о том, что народное негодование, вызванное влиянием Распутина на государственные дела, грозит революцией и что престол не смеет допускать, чтобы через его посредство страной правил этот гнусный мужик.

Это выступление Пуришкевича, крайне правого монархиста, имело потрясающий отклик во всей стра-

не, ибо полностью подтвердило слухи о трагическом положении в деле правления страной.

Но нельзя также отрицать, что оно нанесло жесточайший удар престолу и окончательно отдалило от него всю страну. Однако, исходя от преданного престолу человека, это выступление вместе с тем показало, до какой действительно крайней степени дошло негодование всех честных русских патриотов, любящих свою родину.

17 декабря Распутин был убит. Всеобщее ликование, вызванное этим в стране, яснее всего свидетельствует о том, до какой степени переполнилась чаша долготерпения и гнева народного: незнакомые люди, передавая на улице эту весть, бросались с радостью друг другу в объятия!

Казалось бы, что это, так сказать, всенародное выражение протеста должно было, наконец, открыть глаза престола на пагубность его политики, и вызвать коренное ее изменение. Однако этого не произошло: Государыня, похоронив Распутина в дворцовом парке и причислив его к лику святых, ежедневно молилась на его могиле, а Государь еще более твердо и неуклонно продолжал поддерживать Протопопова и его деяния.

Донесения охранного отделения о состоянии умов в стране становились всё более и более тревожными, определенно указывая на приближение революции. Ничто уже не могло остановить фатального хода событий. В душах людей вселилось чувство безнадежности и у всех опустились руки.

При таких условиях революция, конечно, была неминуема.

**
*

В двадцатых числах февраля в Ставку начали поступать донесения из Петрограда о волнениях из-за недостатка хлеба и о циркулирующих в связи с этим среди населения зловредных слухах. 25-го начались волнения и забастовки на заводах, а 26-го были получены тревожные сведения о массовом выступлении рабочих, к которым присоединились большие толпы населения; при этом из донесений о ходе беспорядков было видно, что полиция и жандармерия с трудом с ними справляются, и что необходимо будет прибегнуть к содействию войск.

Это последнее известие нас в Ставке крайне встревожило, ибо нам было известно, что в Петрограде нет ни одной прочной кадровой войсковой части и что гарнизон его состоит из одного казачьего второочередного полка и из запасных батальонов гвардейских полков, причем эти батальоны укомплектованы запасными нижними чинами старших сроков службы под командованием весьма немногочисленных офицеров запаса, а потому не могут считаться надежными войсковыми частями.

И, действительно, вскоре затем пришло донесение, что при попытке употребить запасные батальоны они взбунтовались и перешли на сторону демонстрантов.

Из поступивших в ночь на 27-ое февраля сбивчивых, но крайне тревожных донесений, явствовало, что революционная толпа, с присоединившимися к ней запасными батальонами, смяла полицию и жандармерию, завладела большей частью столицы и осаждает

здание Главного Адмиралтейства, куда спасся главноначальствующий Петрограда генерал Хабалов с несколькими ротами военных училищ; правительство же и все правительственные органы перестали действовать, а некоторые члены правительства разыскиваются толпой в целях их ареста. Одним словом было ясно, что в столице началась революционная анархия.

27 февраля я был приглашен на завтрак к царскому столу. С глубокой тревогой в душе пошел я на этот завтрак, который должен был быть последним завтраком императора Николая II-го, с приглашенными к его столу гостями.

Зайдя по дороге в управление генерал-квартирмейстера, я узнал, что рано утром была получена от председателя Государственной думы Родзянко срочная телеграмма, в которой он, излагая критическое положение в столице, умолял Государя согласиться на образование правительства из пользующихся общественным доверием лиц, считая это единственным выходом из положения для спасения страны.

Эту телеграмму носил лично Государю тяжело больной генерал Алексеев, у которого была высокая температура. Но Государь своего согласия не дал, и это был последний акт его правления, которым он положил конец своей династии и монархии в России...

Завтрак проходил в обычном порядке, но в полном молчании и в скрываемом всеми тревожном настроении.

Государь, по правую руку которого сидел генерал Н. И. Иванов, был бледнее обыкновенного, и ни с кем не разговаривал. После завтрака он сейчас же ушел к себе в кабинет, в сопровождении генерала Иванова. Серкля не было.

Когда я спускался по лестнице, меня догнал дворцовый комендант генерал Воейков, который, как обычно, выглядел самоуверенно и самодовольно. Тут же на лестнице он мне задал вопрос: «можем ли мы гарантировать безопасность царской семьи в Ливадии». Дело в том, что в связи с событиями в Петрограде, по совету Воейкова, возникло намерение перевезти царскую семью из Царского Села в Крым, если состояние заболевших корью царских детей это позволит; Ливадийский же дворец находился на самом берегу Черного моря, и вопрос Воейкова относился к безопасности от неприятельского обстрела со стороны моря.

На это я ему ответил, что за безопасность от врага внешнего мы ручаемся, но за безопасность от врага внутреннего — нет. На это Воейков небрежно махнул рукой и ответил: «пустяки — с этим мы справимся».

Вернувшись к себе в управление, я застал в кабинете сильно взволнованных Н. А. Базили и С. Н.Ладыженского, которые, зная что морское управление соединено прямым проводом с Главным Адмиралтейством, где находился главнокомандующий Петрограда генерал Хабалов, пришли узнать о положении.

Вскоре пришел к нам, после разговора с Государем, и генерал Н. И. Иванов, с целью вступить в связь с генералом Хабаловым.

От генерала Иванова мы узнали, что Государь повелел ему, с георгиевским батальоном охраны Ставки, немедленно отправиться в Петроград и, присоединив к себе по пути части Царскосельского гарнизона, восстановить в столице порядок. Мы буквально пришли в ужас от такого непонимания размеров происходящей катастрофы: послать этого ветхого старца с горстью, хотя бы и георгиевских солдат, против десятков тысяч вооруженных и, доведенных до исступления, ре-

волюционеров, было сущим безумием; это было равносильно попытке потушить извержение вулкана стаканом воды.

Наши общие старания убедить генерала Иванова в том, что при создавшемся в Петрограде положении необходима для водворения порядка по меньшей мере целая боевая дивизия с артиллерией и что с одним, или даже несколькими батальонами, его миссия неминуемо кончится катастрофой — не имели успеха: он отмалчивался, и видно было, что он был уверен, вспоминая свою роль усмирителя солдатских бунтов в Сибири, после войны с Японией, что и на этот раз ему удастся стяжать себе, в глазах Государя, славу спасителя отечества.

Войти в связь с генералом Хабаловым ему не удалось, ибо прямой провод оказался прерванным, да и само командование генерала Хабалова было уже в это время ликвидировано.

Дальнейшее известно: выехав в тот же вечер из Ставки с георгиевским батальоном, он был остановлен в Царском Селе перешедшим на сторону революции царскосельским гарнизоном, а георгиевский батальон разоружен.

**
*

Опасаясь за свою семью, Государь 28-го февраля выехал из Ставки в Царское Село.

Многие ставят ему в вину, что в такой критический момент жизни государства, в нем взяли верх чувства любвеобильного семьянина над чувством монаршего долга, которое требовало от него оставаться в

Ставке для личного руководства борьбой с революцией, тем более, что, покидая Ставку он оставлял верховное командование в руках тяжело больного, морально подавленного, генерала Алексеева; кроме того, отправляясь в Царское Село, он сам подвергался опасности захвата революционерами.

Но нельзя закрывать глаза на то, что, если бы революционеры захватили в Царском Селе всю царскую семью с царицей и наследником и обратили бы их в своих заложников, Государь, оставаясь в Ставке, неминуемо бы так же покорился их требованиям, как если бы фактически был у них в плену.

К тому же, зная, какое ненормальное положение было в верховном командовании, где всё было в руках начальника Штаба, можно с уверенностью сказать, что, — останься Государь в Ставке, ход событий от этого бы не изменился.

Правильнее было бы заблаговременно перевезти, хотя бы на автомобилях, царскую семью из Царского Села в Ставку; но, как раз в это время, все царские дети лежали больные корью, а события развивались с такой быстротой, что просто не хватило времени, чтобы, — убедившись в безвыходности положения, — привести немедленно в исполнение эту меру, сознательно при этом рискуя успешностью лечения детей.

В этот критический час злой рок тяготел над Государем: больные дети вдали в объятиях революции и тяжело больной генерал Алексеев в Ставке; и нельзя поставить ему в вину, что общечеловеческое чувство неудержимо повлекло его к находящейся в такой страшной опасности семье.

Когда царский поезд покидал Ставку, в Петрограде больше не существовало никакой царской правительственной власти и столица была уже полностью

во власти революционеров; министры были арестованы, а из членов Государственной Думы было образовано Временное Правительство, первой задачей которого было: не пропустить царя и эшелона с войсками в район Петрограда. Для этого был образован в Петрограде всероссийский исполнительный комитет железных дорог, — знаменитый ВИКЖЕЛЬ, сыгравший столь решающую роль в успехе революции, которому немедленно и безоговорочно подчинились все железные дороги Петроградского узла; первый акт этого комитета был: остановить движение царского поезда к Царскому Селу, гарнизон которого, состоявший из наиболее преданных Государю гвардейских частей, еще не весь перешел на сторону революции.

Не доезжая 200 километров до Царского Села, царский поезд был остановлен на станции Дно, и все попытки его дойти до Царского Села окольными путями оказались тщетными.

Кто поймет глубину той трагедии, которую должен был в эту минуту переживать в своей душе, считавший себя за час перед тем всемогущим, Монарх, лишенный теперь возможности придти на помощь своей находящейся в смертельной опасности семье!?

Потеряв надежду достигнуть Царского Села, Государь направился в ближайший к Царскому Селу Псков, где находилась штабквартира главнокомандующего Северозападным фронтом генерала Рузского.

Этот болезненный, слабовольный и всегда мрачно настроенный генерал нарисовал Государю самую безотрадную картину положения в столице и выразил опасение за дух войск своего фронта по причине его близости к охваченной революцией столице.

Правда, в дальнейшем ходе революции оказалось, что чем ближе были войсковые части от революцион-

ного центра в столице, тем хуже был их дух и дисциплина; но во всяком случае 1 марта войска Северозападного фронта далеко еще не были в таком состоянии, чтобы нельзя было бы сформировать из них вполне надежную крупную боевую часть, если и не для завладения столицей, то хотя бы для занятия Царского Села и вывоза царской семьи.

Но у генерала Рузского воля, как и у большинства высших начальников, была подавлена и опустились руки под влиянием пагубной для России политики престола, и от него нельзя было ожидать энергичных и решительных мероприятий для борьбы с революцией, тем более, что вскоре по прибытии Государя в Псков, было получено требование Временного Правительства об его отречении от престола, во имя спасения России и безопасности царской семьи.

Нельзя при этом забывать, что всякое насильственное мероприятие против столицы действительно отразилось бы на положении царской семьи в Царском Селе, тем более, что Временное Правительство и без того уже не могло справиться с разбушевавшейся чернью. Поэтому Государь и сам бы на насильственные меры против столицы не согласился. На этот риск мог бы, во имя спасения России, пойти один лишь Петр Великий.

Прежде чем решиться на отречение, которое ему советовал и генерал Рузский, Государь, через посредство Ставки, запросил мнение об этом всех остальных главнокомандующих фронтами.

И тут-то он впервые измерил всю глубину той пропасти, которую, своим упорным отказом пойти навстречу справедливым желаниям и мольбам страны, сам создал между собой и ею: все главнокомандующие, не исключая великого князя Николая Николаевича, от-

ветили, что, во имя спасения отечества, считают необходимым его отречение, а, передавая эти их ответы Государю в Псков, к ним присоединился и его начальник Штаба генерал Алексеев.

Отвергнутый страной, покинутый армией, которую он так любил, отчужденный от своей семьи, император Николай II-ой остался один — не на кого ему было больше опереться, не на что ему было больше надеяться — и он, во имя блага России, отказался от престола.

Ту же горькую чашу испил 100 слишком лет назад Наполеон, когда он, упорно не желая пойти навстречу требованиям страны, жаждавшей мира и конца кровопролитных войн, был покинут своими маршалами и принужден отречься от престола.

Подписав 2-го марта акт отречения, Государь отправился в Ставку, где должен был ожидать прибытия депутатов Временного Правительства, которые будут его сопровождать в заточение в Царское Село к его семье.

***

Развивавшиеся с невероятной быстротой фатальные события нам в Ставке просто не дали времени придти в себя: кружилась голова, точно почва уходила под ногами; будущее мнилось чреватым страшными последствиями и никому не было легко на душе.

Рано, туманным утром 3-го марта, идя в управление генерал-квартирмейстера, я столкнулся в воротах сквера губернаторского дома с каким-то, выходящим оттуда человеком, в штатском пальто и нахлобучен-

ной на глаза барашковой шапке; со страхом озираясь кругом, он спросил меня: «правда меня так не узнают?» То был Воейков, который четыре дня перед тем с высоты своего величия нагло смотрел на ход грозных событий, а теперь, — перепуганный, — бежал первый, покидая облагодетельствовавшего его Государя.

И в то же время, также один за другим покидали в Царском Селе царскую семью близкие к ней и облагодетельствованные єю люди. Мало, очень мало, кто остался ей верен, ибо редко кому в этом печальном мире свойственно душевное благородство и неизмерима глубина человеческой низости.

Вечером 7-го марта мы в управлениях Штаба получили следующий, потрясающий, если в него вдуматься, циркуляр: «бывший Верховный Главнокомандующий простится завтра в 11 часов утра в управлении дежурного генерала с желающими чинами Штаба».

К 11 часам утра в большом зале управления дежурного генерала собрались почти все чины Штаба и Ставки; мало кто имел низость не придти. Зал был переполнен и в середине оставалось лишь малое свободное пространство. Царила мертвая тишина; все были подавлены величием несчастья, последний акт которого должен был тут свершиться.

Ровно в 11 часов послышались ответы казаков царского конвоя, стоявших на лестнице, с которыми в последний раз здоровался Государь.

В дверях, при входе Государя в зал, два молодых офицера конвоя упали в обморок.

Государь вошел в свободное пространство зала один; он был страшно бледен и несколько мгновений не мог начать говорить; справившись со своим волнением, он тихо, но ясно, сказал: «для блага любимой

мною родины, я отрекся от престола; прошу вас служить так же верно России и Временному Правительству, как служили при мне... прощайте...» Спазма сдавила горло и он поднес к нему руку. Со всех сторон раздались рыдания. Государь повернулся, пожал некоторым из ближе стоявших руки, и, сокрушенный, с поникшей головой, ушел.

Кончился многовековый период русской истории, во время которого Романовы создали Великую Русскую Империю; и в этот до гроба незабываемый час все мы поняли безмерную глубину горя последнего из них, невольно способствовавшего гибели любимой им России, ибо над ним тяготел неумолимый рок: этого, в душе мягкого, любвеобильного семьянина судьба не наградила свойствами, необходимыми для управления великой страной, бремя коего пало на его слабые и неподготовленные к тому плечи; глубоко верующий, он всеми силами ревниво охранял, — по его глубокому убеждению — самим Богом данную ему власть, и искренно думал, что именно в этом и зиждется благо любимой им России, ибо не умел думать иначе... и за это, после безмерных унижений, перенесенных с истинно святым смирением, приял мученический венец.

**
*

Теперь тут и возникает тревожный вопрос: сделало ли верховное командование в лице генерала Алексеева и его сотрудников всё, что было необходимо и возможно для предотвращения катастрофы, которая принесла России столько бедствий и страданий, а всему человечеству столько лишений и тревог за будущее?

Для правильного и объективного ответа на этот вопрос нужно прежде всего иметь в виду, что события революционного движения развивались с необыкновенной, можно сказать, — молниеносной быстротой.

Такому быстрому развитию этих событий и успеху революции без сомнения не столько способствовало утомление войной, сколько крайнее негодование политикой престола и правительства народных масс, видевших только в революции выход из созданного этой политикой безнадежного положения.

Конечно, с того момента как революцией было окончательно сломлено в столице сопротивление органов правительственной власти, а, особенно, с того момента как железные дороги подчинились революционному комитету Викжеля, против столицы, — принимая во внимание пребывание царской семьи в Царском Селе, — ничего предпринять было уже невозможно. Это и показала неудавшаяся попытка генерала Иванова с георгиевскими батальонами.

Можно, быть может, было бы еще спасти положение принятием энергичных и обширных мер в самые первые дни революционного движения, то есть 25 и 26 февраля. Но для этого верховное командование и главнокомандование Северозападным фронтом должно было быть в руках прозорливых, смелых и решительных боевых начальников, каковыми ни генерал Алексеев, ни тем более генерал Рузский не были; к тому те генерал Алексев как раз в этот критичский момент был тяжело болен. Кроме того, петроградские власти, в эти первые дни революции, посылали в Ставку успокоительные донесения и заверения, что с этим движением справятся собственными силами.

В той обстановке, в какой началась и развивалась революция, ее остановить было невозможно. Ее мог бы, быть может, остановить великий князь Николай

Николаевич, — останься он во главе верховного командования; но при нем революция, наверно, и не началась бы.

Остается, значит, во всей своей широте, чреватый великой ответственностью, вопрос: почему же не были своевременно предприняты меры для предотвращения начала революционного движения в столице и, в случае необходимости, для успешной борьбы с ним.

Верховное командование, даже при поверхностном знании истории, должно было отдавать себе отчет в том, что революционные движения во время войны не редкое вообще явление и что они всегда начинаются именно в столицах. Поэтому во время войны всегда должны предприниматься самые обширные и надежные меры для обеспечения порядка в столице.

Особенно же это было необходимо, когда всем нам и, конечно, верховному командованию стало ясно, что направление нашей внутренней политики способствует развитию революционного настроения в народных массах.

По закону на верховном командовании лежит долг принять все меры для успешного исхода войны. Революционное движение неминуемо должно было бы иметь отрицательное влияние на этот исход; этого, конечно, верховное командование не могло не знать. Поэтому, — раз оно не было в состоянии изменить пагубное направление нашей политики, — его прямой долг был, — никак не поддаваясь каким-либо чувствам и политическим соображениям — неукоснительно принять со своей стороны самые решительные и продуманные меры для обеспечения порядка в столице. Это ему повелевал его долг.

Как же оно этот свой долг исполнило?

Верховное командование несомненно знало о нарастании революционного настроения в столице. Об этом его постоянно осведомляли тревожные донесения охранного отделения, в которых прямо говорилось о том, что близится революция.

Правда, министр внутренних дел Протопопов уверял верховное командование, что он с одной лишь столичной полицией и жандармерией справится со всякими беспорядками, но генерал Алексеев, зная как и мы все, оппортунизм, неуравновешенность и крайнюю ретроградность взглядов Протопопова, ни в коем случае не смел положиться на его заверения и, именно потому, что высшая гражданская власть в столице была в руках этого полусумасшедшего и всеми ненавидимого человека, должен был со своей стороны принять особо сугубые меры для обеспечения порядка в столице.

О том, что генерал Алексеев это сознавал, видно из того, что незадолго до начала революции столица и прилегающий к ней район были выделены в особую область, во главе которой был поставлен главноначальствующий генерал.

На эту, особо ответственную в данных серьезных обстоятельствах, должность был, однако, назначен никому неизвестный и ни чем себя не зарекомендовавший, заурядный генерал Хабалов, который, не отдавая себе отчета в положении, вероятно, из карьерных соображений, не решался докучать Ставке какими-либо своими требованиями, и довольствовался тем, что имел.

Между тем, подведомственный ему гарнизон столицы состоял лишь из запасных батальонов гвардейских полков, казачьего второочередного полка и нескольких сот юнкеров и курсантов разных военных училищ и курсов.

В 1916 году запасные батальоны были укомплектованы главным образом солдатами старых сроков службы, семейными, давно уже потерявшими понятие о воинской дисциплине, и сами были чрезвычайно благоприятным «материалом» для возбуждения, а никак не для усмирения беспорядков; при этом почти все, — к тому же совершенно недостаточные числом, офицеры этих батальонов, — призванные так же из запаса, принадлежали к радикально, и даже революционно, настроенным слоям русского общества; они именно и увлекли в критический момент запасные батальоны на сторону революции и тем обеспечили ей успех.

Во второочередных казачьих частях положение было немногим лучше.

Таким образом в распоряжении генерала Хабалова для подкрепления, в случае надобности, столичной полиции не было никаких других надежных боевых частей, кроме нескольких сот юнкеров и курсантов.

Как же случилось, что верховное командование не озаботилось назначить в состав гарнизона столь жизненно важного центра для успешного хода войны, каковым была столица, достаточное число надежных кадровых войсковых частей?

Нам в Ставке было известно, что Государь высказывал генералу Алексееву пожелание об усилении Петроградского гарнизона войсковыми частями из гвардейского корпуса, бывшего на фронте; но, как всегда, раз вверив генералу Алексееву верховное оперативное руководство, Государь не считал возможным на этом своем правильном пожелании настаивать; однако, на этом энергично настаивал командир гвардейского корпуса генерал Безобразов во время одного из своих приездов в Ставку, незадолго до начала революции.

Всё же генерал Алексеев не принял это требование во внимание, ссылаясь на успокоительные заверения петроградских властей и на то, что в Петрограде все казармы заняты запасными батальонами, так что негде будет разместить, особенно в зимнее время, войсковых частей, посылаемых с фронта для усиления гарнизона столицы.

Ссылка на переполненные казармы, когда шла речь о столь важном вопросе, как усиление столичного гарнизона, не может рассматриваться иначе, как совершенно несостоятельная отговорка. Мало ли было в Петрограде разных других помещений, кроме казарм, в которых могли бы быть помещены войска, посланные с фронта; да, наконец, можно было бы, если бы это понадобилось, произвести некоторые «уплотнения» населения, которое до сих пор ни в какой еще мере не испытывало на себе неудобства войны.

Какова же была действительная причина такой непредусмотрительности и необдуманности генерала Алексеева в столь важном вопросе усиления гарнизона столицы?

Вдумайся он в этот вопрос, и «болей за него душой», он не мог бы не озаботиться ненадежностью запасных батальонов и недостаточностью заверений такого человека, каким был Протопопов.

Почему же он не вывел из этого неоспоримо напрашивавшихся заключений и не принял соответствующих мер?

Возможно, что направлением нашей внутренней политики воля генерала Алексеева не была в такой степени подавлена; но, несомненно, он с отвращением относился ко всем вопросам, связанным с внутренней политикой, и предпочитал искать решений в «чистой» сфере знакомого ему дела — на фронте.

Генерал Алексеев уже давно подготовлял, как мы знаем, к весне 1917 года прорыв неприятельского фронта, который должен был бы принести нам окончательную победу. Он лично разработал во всех деталях план этого прорыва и назначил всякой войсковой части ее место и задачу в этой операции, так что всякая войсковая часть была у него на счету. Особенно же важную и ответственную роль должна была сыграть в этой операции гвардия, которая именно для этого и была сосредоточена в соответствующем районе Юго-западного фронта, далеко от столицы.

Прорыв этот должен был начаться в марте, как только будет благоприятная погода, и генерал Алексеев ревниво охранял всякую войсковую часть, которая должна была в нем участвовать, руководствуясь при этом теми же соображениями, какими он руководствовался при отказе дать войска для Босфорской операции, питая надежду, что мы достигнем победы раньше, чем вспыхнет революция.

Конечно, если бы его надежды оправдались, он был бы вознесен историей на степень гениального полководца, которая однако его дарованиям не соответствовала. Ибо гениальным делает полководца способность предусматривать всё, что может помешать исполнению его замысла.

То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Глава I

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАОС. КЕРЕНСКИЙ

Несмотря на то, что за годы войны, предшествовавшие революции, кадры нашей армии сильно поредели, и войска, пополненные значительным числом запасных старших сроков службы, больше походили, по своему характеру, на милицию, нежели на регулярную армию, — что впрочем к этому времени имело место во всех воюющих государствах, — и несмотря на то, что революционная пропаганда, — вопреки принятым строгим мерам, — всё же проникала на фронт, настроение войск на фронте, непосредственно перед революцией, было вполне удовлетворительно, дисциплина достаточно крепка и у командного состава не было сомнения в том, что войска мужественно и без всяких колебаний исполнят любую оперативную задачу.

Но, стяжавший себе столь печальную славу «приказ № 1» Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, освобождавший войска от подчинения своим начальникам и в корне нарушивший самые основы воинской дисциплины, имел катастрофическое влияние на боеспособность армии. Переданный по беспроволочному телеграфу, он в один момент стал известен по всему фронту, и мгновенно уничтожил в войсках дисциплину, послушность своим начальникам и сознание своего воинского долга.

В войсковых частях образовались солдатские комитеты, присвоившие себе право критики и утверждения не только административных, но и оперативных распоряжений командного состава; началось пресле-

дование солдатами офицеров, не пользовавшихся их симпатиями, каковые в некоторых случаях сопровождались насилиями и даже убийствами; быстро распространившиеся слухи о разделе помещичьих и казенных земель между крестьянами побудили солдат в массах покидать фронт, чтобы «не опоздать» к этому разделу; под влиянием злонамеренной пропаганды началось во многих местах фронта братание с противником.

Во мгновение ока развернулась во всём своем трагизме картина позорного развала военной мощи великой Империи.

Злейший враг России не мог бы придумать более действительного способа для моментального уничтожения ее военной мощи, чем тот, который придумали составители своего «приказа № 1».

При этом особо знаменательно то, что этот приказ был первым и последним — никаких других «приказов» за ним не последовало, из чего нельзя не заключить, что единственной целью его авторов было именно желание уничтожить одним ударом русскую военную силу, а это, несомненно, было им внушено врагами России и русского народа.

Позора этого изменнического деяния ничем и никогда не смоют с себя его авторы.

Дабы не задерживать процесс быстрого развала нашей армии, немецким войскам на фронте было приказано ни в коем случае не предпринимать никаких операций, а всеми силами стремиться ускорить этот развал путем братания, пропаганды о мире и даже путем подкупов.

Тут, конечно, не может не возникнуть вопрос, по каким причинам процесс распада нашей армии имел такой поистине молниеносный характер.

На это имело, конечно, большое влияние всеобщее утомление затянувшейся войны. Однако, несмотря

на это армии других, участвовавших в войне стран, — хотя в них и случались вспышки неповиновения — не утратили своей боеспособности, ибо эти вспышки были, как сие имело место, например, во Франции — в корне подавлены решительными мерами твердой правительственной власти.

Затем известное влияние на быстроту распада нашей вооруженной силы имело слабо выраженное в наших народных массах, а следовательно и в войсках, сознание своего патриотического долга, в широком смысле этого понятия, что является следствием недостаточной степени просвещения и гражданского самосознания.

Наконец — а это быть может и было самое главное — не только рядовыми офицерами, но и высшими начальниками, овладел с начала революции как бы полный «паралич воли», вследствие чего командный состав, в своем большинстве, не проявил достаточной энергии для борьбы с революционным развалом в армии. Явление это в среде рядового офицерского состава может быть отчасти объяснено тем, что к началу революции большинство кадровых офицеров выбыло уже из строя, и их убыль была пополнена офицерами из запаса, принадлежавшими в большинстве случаев к тем слоям русского общества, которые были наиболее подвержены влияниям революционных идей и обладали значительно меньшей «воинской» стойкостью, чем кадровые офицеры. Что же касается высшего командного состава, то этот «паралич воли» перед революцией, может быть объяснен единственной надеждой, что революция выведет Россию из того безнадежного состояния, в которое ее привела губительная внутренняя политика престола. Но как бы то ни было, этот всеобщий «паралич воли» наиболее ярко выражался в душевном состоянии нашей вооруженной силы в начале революции и был одной из глав-

ных причин столь быстрого процесса потери ее боеспособности.

Когда же после первых дней «революционного угара» стало ясно, к каким, еще худшим последствиям, чем политика престола, приведет Россию революция, командный состав спохватился: но было поздно — остановить этот процесс распада армии было уже невозможно.

Из этого ясно видно, какое отрицательное влияние на процесс распада нашей вооруженной силы имела пагубная внутренняя политика престола, ибо она была единственным источником «паралича воли» командного состава в начале революции.

***

При том состоянии, в какое пришла наша вооруженная сила после прихода к власти Временного Правительства, не могло быть и речи о каких бы то ни было активных боевых операциях. Вся деятельность командного состава была направлена на то, чтобы елико возможно задержать распад вооруженной силы и удержать солдат на фронте.

Но тут командный состав столкнулся с противодействием советов солдатских и рабочих депутатов, преодолеть которое он оказался не в состоянии. При этом командный состав не мог рассчитывать на поддержку правительства, которое само было поглощено борьбой с демагогической деятельностью Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, и в этой борьбе постоянно вынуждено делать уступки демагогам.

При таких условиях оперативная работа верховного командования прекратилась, и вся его деятель-

ность сосредоточилась на том, чтобы убедить Временное Правительство в необходимости поддержать командный состав в деле восстановления дисциплины в войсках и настоятельной необходимости в связи с этим ограничить демагогическую деятельность советов солдатских и рабочих депутатов.

Однако, все старания верховного командования в этом направлении оказались безуспешными.

Да это было и неудивительно, ибо верховное командование потеряло после революции свой бывший авторитет. Так же как и большая часть командного состава, Ставка капитулировала перед революцией и воля ее также была парализована.

Это было отчасти следствием идеологии и умонастроений того личного состава Ставки, при котором началась революция.

Как уже было отмечено во II-ой части настоящих воспоминаний, этот личный состав, не представляя собой сплоченного единой волей и мыслью тела, не был способен вступить в борьбу с революцией, как это несомненно бы сделал личный состав Ставки великого князя Николая Николаевича, который решительно повел бы эту борьбу до конца, не щадя ничего.

Вместо того, чтобы вступить в борьбу с революцией, личный состав Ставки надел красные банты и в процессии под предводительством начальника Штаба покорно отправился на загородное поле у Могилева для участия вместе с населением в манифестации в целях прославления торжества революции, организованной Могилевским советом солдатских и рабочих депутатов, который был образован после успеха революции, неизвестно откуда взявшимся подпрапорщиком еврейского происхождения и какими-то полуинтеллигентными демагогическими «ораторами».

И с той поры начался «крестный путь» Ставки. Все ходили, как потерянные; всех подавляло сознание

полного бессилия и у всех кружилась голова перед открывшейся под ногами революционной бездной. Почва под ногами уходила; не на что было опереться.

В связи с провозглашенным Временным Правительством правом синдикального объединения даже в армии и флоте, — чем как бы было легализировано существование советов солдатских и рабочих депутатов, — в Ставке была сделана попытка образовать, по примеру Петрограда, объединение офицеров; но это объединение вскоре после своего учреждения распалось, ничего не достигнув.

Не мало также способствовало падению авторитета Ставки и то обстоятельство, что за 5 месяцев существования Временного Правительства на посту Верховного Главнокомандующего сменились 5 лиц: генералы Алексеев, Брусилов, Корнилов, Духонин и даже адвокат по профессии, А. Ф. Керенский.

Из этих пяти Верховных Главнокомандующих один лишь Корнилов сделал, как известно, попытку вступить в борьбу с революцией, закончившуюся неудачей и заточением его в Быхове; генерал Алексеев, обессиленный болезнью, переживал ясно на нем видимый, душевный слом и, не имея сил для этой борьбы, вскоре ушел с поста Верховного Главнокомандующего; генерал Брусилов и, конечно, А. Ф. Керенский вели на посту Верховного Главнокомандующего политику революционного характера, стараясь найти этим путем недостижимый компромисс с советами солдатских и рабочих депутатов; генерал же Духонин, назначенный перед самым концом Ставки, когда процесс развала вооруженной силы был в сущности уже закончен, был уже бессилен что-либо сделать и был, как агнец, принесен в жертву революции.

Особенно же способствовало падению авторитета Ставки то, что она тотчас же после революции обратилась в настоящий проходной двор.

Со всех сторон нахлынули в нее многочисленные депутации и депутаты разных советов и исполнительных комитетов солдат, рабочих, матросов и крестьян, снабженные какими-то «мандатами», написанными на клочках бумаги, не поддающимися никакой проверке. Все они носились с деловым видом по улицам Могилева, не выказывая чинам Ставки ни малейшего внимания, а, наоборот, во многих случаях, смотря на них враждебно, и буквально врывались к нам в управления, где бесцеремонно рассаживались, не считаясь ни с чем, и предъявляя нам самые абсурдные требования и проекты, касающиеся ведения войны, и даже вмешивались в оперативные вопросы.

Малейшие знаки нетерпения с нашей стороны, а тем более нежелание их выслушивать и удовлетворять их требования, вызывали с их стороны угрозы и обвинения в контрреволюции, которые нередко служили предметом обсуждения в местном совете солдатских и рабочих депутатов.

Временами эти депутации и депутаты собирались для обмена мнений в совершенно загаженных залах верхнего этажа губернаторского дома, где раньше жил Государь, и там на этих сборищах царил тогда настоящий бедлам.

Какой бы то ни было контроль над этими людьми, вторгнувшимися в место расположения Ставки, был совершенно невозможен, и потому в этой толпе проникали в Ставку разные подозрительные аферисты, шпионы, бывшие каторжники и даже умалишенные.

Верховное командование, из опасения навлечь на Ставку подозрение в контрреволюции и сопротивлении «завоеваниям революции», не решалось воспротивиться этому нашествию, и старалось путем бесконечных разъяснений и увещеваний «ублажить» эту нахлынувшую на Ставку революционную орду.

Так как оперативная работа Штаба Верховного Главнокомандующего фактически прекратилась, или вернее была беспредметна, за неспособностью, а в некоторых случаях даже за нежеланием войск выполнять оперативные задачи, то об этой работе не приходится больше и говорить, ибо она была лишена всякой цели. Штаб Верховного Главнокомандующего обратился из повелевающего органа верховного командования в «уговаривающее» и «убеждающее» учреждение, лишенное авторитета.

Для суждения же о том хаотическом состоянии, в каком протекала работа Штаба после революции, приведу лишь несколько характерных эпизодов из тех, поистине кошмарных времен.

***

Вскоре после отречения Государя адмирал А. И. Русин ушел со своего поста начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего и на его место был назначен вице-адмирал Максимов, прозванный во флоте, — благодаря своему финскому происхождению, «Пойка». Он говорил по-русски с ярко выраженным финским акцентом, отличаясь полной беспринципностью и громадным честолюбием, совершенно не отвечавшим его более чем ограниченным способностям. После убийства революционной чернью командовавшего Балтийским флотом адмирала Непенина и многих офицеров, Максимов повел на Балтийском флоте до крайности демагогическую политику, имевшую целью достичь своего избрания матросами на пост командующего флотом. Он этого и достиг ценой всяческих унижений, и обратился на посту командующего флотом в послушное орудие матросских революцион-

ных комитетов, в среду которых втерлись немецкие агенты, имевшие целью совершенно разрушить боеспособность Балтийского флота и открыть этим немецкому флоту доступ к столице.

Принимая во внимание значение первостепенной важности для обороны столицы — главного центра революционной власти — сохранения боеспособности Балтийского флота, Временное Правительство, отдавая себе ясный отчет в крайней опасности и вредоносной деятельности Максимова, пришло к заключению о необходимости убрать его с поста командующего флотом; но при первой же попытке оно натолкнулось на сопротивление матросских комитетов, которые решительно выступили в защиту своего ставленника и воспротивились его смене. Тогда Временное Правительство, бессильное привести в исполнение свое решение, придумало «обойти» Максимова, сыграв на его честолюбии, и предложило ему пост начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего. На это он согласился, и согласились также на это и матросские комитеты, польщенные назначением их ставленника на столь высокий пост.

Узнав о назначении Максимова, я доложил генералу Алексееву, что служить под начальством этого демагога и принимать участие в его зловредной деятельности не хочу, а потому прошу дать мне другое назначение; о том же я сообщил Морскому Генеральному Штабу в Петроград для доклада Временному Правительству. Генерал Алексеев и Морской Генеральный Штаб принялись меня уговаривать не уходить из Штаба в столь тяжелое время, где я служил с самого начала войны и был хорошо знаком с работой верховного командования, но я настаивал на своем.

Через несколько дней после этого Керенский, проездом на фронт для «уговаривания» какой-то взбунтовавшейся воинской части, остановился в Могилеве и

генерал Алексеев сообщил мне, что Керенский желает меня видеть.

Тут, в его вагоне на станции, я в первый раз увидел Керенского и имел с ним деловой разговор. Он сообщил мне, что Максимову дано понять, чтобы он не вмешивался в работу Штаба, о которой он не имеет понятия, что его назначение последовало для возвеличения заслуг матросов перед революцией, назначением их избранника на этот высокий пост. Мне же Керенский предложил вести далее работу, не обращая внимания на Максимова и не приводя, попросту, в исполнение его распоряжений.

На этих условиях я согласился остаться в Ставке; и действительно, в течение своего кратковременного пребывания на посту начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего, Максимов совершенно не вмешивался в дела Штаба, и я его даже редко видел, а все доклады делал помимо него, непосредственно Верховному Главнокомандующему и отправлял распоряжения за подписью последнего.

Как только Максимов был матросами забыт, что произошло, как во всех вообще революциях, весьма быстро, он был сменен и решительно никто, из избравших его матросов, не подал даже голоса в защиту своего ставленника, так что его ликвидация произошла безболезненно и он исчез, «растворившись» в революционном хаосе.

После его смены Морской Штаб Верховного Главнокомандующего был преобразован в морское управление Штаба Верховного Главнокомандующего и я был назначен его начальником.

При первом знакомстве, в связи с назначением Максимова, с А. Ф. Керенским он произвел на меня впечатление человека совершенно загнанного и изнемогающего под свалившимся на него бременем власти. При наступившем революционном хаосе и бессилии

правительственной власти, все почему-то обращались только к нему за разрешением самых разнообразных вопросов и буквально разрывали его на части; вокруг него, где бы он ни находился, носились какие-то растерзанные типы обоих полов; всё это в революционной экзальтации галдело, ожидая от Керенского каких-то «чудес».

Произошло это потому, что Керенский, человек с высшим образованием, отдавал себе всё же ясный отчет в том, в какую пропасть устремляется Россия под давлением разбушевавшихся революционных страстей; вместе с тем, будучи представителем революционных слоев общества, он не мог не удовлетворять их стремлений к «углублению» революции; умеренные же круги общества старались его использовать для задержания процесса революционного развала, в то время как революционные круги требовали от него обратного, то есть углубления революции.

Будучи сам порожден революцией он, конечно, не мог вступить с ней в открытую борьбу, да и не обладал для этого соответствующими данными — тут нужен был бы по меньшей мере Ришелье или Наполеон; а потому он и вертелся между революционной демагогией и стремлением спасти Россию от угрожающей ей гибели.

Таким образом ему не оставалось ничего другого, как «лавировать» и «уговаривать», ясным примером чего служит вышеприведенный случай с назначением Максимова, который вместе с тем открывает перед нами всё бессилие власти Временного Правительства и его главы А. Ф. Керенского, стяжавшего себе меткое прозвище «Главноуговаривающего».

**
*

Однажды, совершенно неожиданно, ко мне в управление пришел молодой морской офицер, бывший по службе на хорошем счету, и, мрачно на меня уставившись странным взглядом, сказал: «Я приехал сюда, чтобы объявить себя диктатором; скажите генералу Алексееву, чтобы он немедленно явился ко мне в гостиницу, где я буду писать основные законы; вас я пока решил оставить на вашем месте»... и вышел.

Было ясно, что он лишился рассудка, но непонятно было, каким образом он попал в Ставку; поэтому я навел справки по прямому проводу в Главном Морском Штабе в Петрограде, откуда мне сообщили, что этот офицер лишился рассудка, под впечатлением убийств и преследований офицеров на Балтийском флоте, был помещен в психиатрическое отделение морской больницы в Петрограде, откуда убежал, и что Штаб просит препроводить его обратно в больницу, в сопровождении санитаров.

Об этом было сообщено коменданту Ставки, который и распорядился о его препровождении в Петроград. В номере же гостиницы, куда он ушел после посещения моего управления, нашли несколько листов бумаги, исписанных параграфами «основных законов».

Однако этим дело не ограничилось.

Не прошло и нескольких дней, как этот же офицер неожиданно явился утром ко мне на квартиру, когда я был в своем управлении, и заявил моей жене, что приехал, чтобы меня убить. Моя жена не растерялась и, осторожно предупредив меня по телефону, сказала ему, что я вернусь домой лишь поздно вечером. Он не стал ждать и ушел.

Между тем контрразведывательное отделение Ставки, которое было мною об этом уведомлено, уста-

новило за ним наблюдение, причем оказалось, что его сопровождает какой-то человек, приметы коего совпадали с приметами разыскиваемого контрразведкой немецкого шпиона. Сразу же возникло подозрение, что этот сомнительный человек хочет использовать лишившегося рассудка офицера для каких-то своих целей. Этот сомнительный человек ожидал его на улице, пока он был у меня в квартире, и после они оба направились к губернаторскому дому, где жил генерал Алексеев, но по дороге завернули в ресторан, где лишившийся рассудка офицер начал буйствовать, разбивать обстановку и произносить бессвязные речи. Когда потерявшие след агенты контрразведки нашли его в ресторане, сопровождавший его сомнительный тип уже бесследно исчез.

Впоследствии к этому несчастному офицеру вернулся рассудок, и он нормально продолжал свою жизнь.

Этот случай показывает, до какой степени тяжело влияли на психику офицерского состава страшные на него гонения в начале революции, и как повсюду ослабело исполнение служебных обязанностей, раз психически больной мог дважды беспрепятственно убежать из больницы, а также показывает, в каких тяжелых, — подчас даже опасных, — условиях протекала наша работа в Ставке.

**
*

Подтверждением того же служит нижеследующий случай.

9-го июля меня вызывал к прямому проводу адмирал М. И. Смирнов, бывший тогда начальником штаба Черноморского флота, для чрезвычайно важного и срочного разговора.

Аппараты «Бодо» прямых проводов, связывающие Ставку с фронтами и Петроградом, находились в Могилевской почто-телеграфной конторе. Разговор происходил следующим образом: собеседники, находившиеся у аппаратов на обоих концах прямого провода, диктовали разговор телеграфисту, который отстукивал его буквами на ленте аппарата и, конечно, точно знал содержание разговора.

М. И. Смирнов сказал мне, что матросские комитеты вынесли постановление отнять у офицеров их ручное оружие, и явились к адмиралу Колчаку с требованием, чтобы он отдал им свою золотую саблю, полученную им за храбрость в Порт-Артуре во время войны с Японией. Колчак этому решительно воспротивился и выступил против них с горячей патриотической речью, не достигнув, однако, цели. Так как матросы продолжали в грубой форме настаивать на своем, М. И. Смирнов, опасаясь гнева адмирала и возможных, в связи с этим, катастрофических последствий, считал единственным выходом из положения немедленный вызов адмирала Колчака в Ставку.

Керенский, от которого этот вызов зависел, находился в это время в Петрограде, и я сказал Смирнову, что сейчас же передам ему об этом, а сам перешел к рядом стоявшему аппарату «Бодо» прямого провода с Зимним дворцом в Петрограде, где жил Керенский и происходили заседания правительства.

Керенского в Зимнем дворце, однако, не оказалось и никто не знал, куда он уехал. Между тем М. И. Смирнов вновь сообщил, что адмирал Колчак, после вторичного требования матросов, выбросил свое золотое оружие за борт, не желая его отдавать матросам, и что настроение матросов стало настолько угрожающим, что в любой момент может наступить катастрофа, а потому необходимо вызвать адмирала из Севастополя, не теряя ни минуты.

Тогда я решил, не ожидая ответа от Керенского, послать этот вызов за его подписью.

Тут у меня возникло сомнение, захочет ли передать вызов телеграфист, который ведь знал, что согласие на него не получено еще от Керенского, и который мог поэтому счесть этот вызов «контрреволюционным» деянием с моей стороны.

Раньше, до революции, такой вопрос не мог бы и возникнуть, ибо, конечно, телеграфист не посмел бы не выполнить приказания начальника одного из управлений штаба; но теперь приходилось считаться с его «воззрениями», тем более, что именно телеграфисты, фельдшера, приказчики и тому подобные полуинтеллигенты составляли главный контингент советов солдатских и рабочих депутатов и всевозможных исполнительных комитетов.

Однако всё обошлось благополучно: вызов был передан и матросская толпа убралась с флагманского корабля, а через несколько часов в Севастополе был получен вызов, за подписью Временного Правительства, адмирала Колчака в Петроград, куда он в тот же вечер и выехал, чтобы в Севастополь больше не возвращаться.

После его ухода с поста командующего флотом, мы потеряли господство на Черном море, и неприятельские суда, которые за всё время его командования ни разу не появлялись на Черном море, начали беспрепятственно на нем плавать и оперировать.

**
*

После того, как немецкое командование убедилось в том, что наша армия потеряла свою боеспособность, началась ранней весной массовая перевозка немецких

войск с нашего фронта на Запад, где подготовлялось генеральное наступление против наших союзников.

Крайне встревоженные этим, наши союзники требовали от Временного Правительства, через посредство своих социалистов, участников, так же, как и наши социалисты, II-го интернационала, немедленного принятия решительных мер, чтобы остановить переброску немецких войск на Запад.

Керенский, глава наших социалистов, не намеревался — надо отдать ему справедливость — уклониться от исполнения нами наших союзных обязательств и, стремясь елико возможно охранить честь России, хотел удовлетворить требования союзников.

Поэтому было решено предпринять, издавна уже подготовленный, прорыв на Югозападном фронте.

Керенский несколько раз ездил на тот участок фронта, где должен был быть этот прорыв осуществлен, и «уговаривал» назначенные для этой операции войсковые части, мужественно исполнить свой воинский долг.

Операция прорыва была предпринята в начале июля месяца в присутствии Керенского и, — благодаря замечательной артиллерийской и инженерной подготовке, а также и благодаря значительной потере боеспособности австрийских войск, — фронт был пробит на широком участке, с которого австрийцы, не выдержав страшной артиллерийской бомбардировки, попросту бежали, так что наши войска беспрепятственно проникли в глубину их расположения на несколько верст, оставив далеко за собой всю укрепленную полосу австрийского фронта и выйдя в глубокий тыл всей системы обороны австрийцев в Галиции.

Полное поражение австрийцев было неизбежно, тем более, что немцы, до такой степени ослабили свой фронт в России перевозками на Запад, что никакой помощи им оказать не могли.

Но тут наши войска остановились, начали «митинговать» и, ссылаясь на большевистский лозунг «война без аннексий и контрибуций», категорически отказались идти дальше. И как ни старался Керенский и другие, бывшие с ним социалисты, сдвинуть их с места, им это не удалось.

Таким образом позорно пропал чрезвычайно благоприятный случай победоносно закончить войну, а австрийцы были спасены от неминуемого поражения.

Тут-то с одной стороны стало ясно, как близки были мы, не будь революции, к победе, а с другой стороны, тут же творцы революции воочию убедились, в какое позорное состояние привели их деяния нашу армию.

Тогда-то Временное Правительство, убедившись, что путем «уговаривания» нельзя командовать войсками, вынесло решение о необходимости восстановить в войсках дисциплину, и с этой целью назначило Верховным Главнокомандующим особо отличившегося на войне генерала Л. Г. Корнилова.

Глава II

ПОПЫТКА ВОССТАНОВИТЬ БОЕСПОСОБНОСТЬ АРМИИ. ГЕНЕРАЛ Л. Г. КОРНИЛОВ

После своего вступления в должность Верховного Главнокомандующего, генерал Корнилов первым делом занялся разработкой проекта мероприятий, для восстановления дисциплины и боеспособности в войсках. Этот проект он намеревался лично доложить Временному Правительству для получения его одобрения. В связи с этим он сообщил Временному Правительству о своем желании, чтобы оно посвятило заслушанию его доклада отдельное заседание.

Получив на это согласие, он выехал из Ставки в Петроград на это памятное заседание, в сопровождении генерал-квартирмейстера и автора настоящих воспоминаний, как начальников оперативных управлений армии и флота Штаба Верховного Главнокомандующего.

Заседание происходило в Малахитовом зале Зимнего дворца. Все внутренние помещения дворца производили тягостное впечатление: полы не были подметены, вся обстановка была в чехлах, покрытых пылью, повсюду было видно полное запустение.

В Малахитовом зале стоял большой стол «покоем», покрытый зеленой скатертью, во главе которого занял место Керенский, а по левую его руку сел генерал Корнилов. Мы оба с генерал-квартирмейстером сели за малый стол, внутри «покоя», лицом к Керенскому и генералу Корнилову. Вокруг большого стола сидели многочисленные члены Временного правительства, состоявшего к тому времени почти исключи-

тельно из представителей левых социалистических партий.

На лицах большинства из них было написано враждебное к нам отношение и они угрюмо молчали; лица их не выражали никакой одухотворенной мысли и ни на ком из них нельзя было «глаз остановить»: одеты они были больше чем небрежно и походили скорей на рабочих, чем на интеллигентных людей.

Открыв заседание, Керенский предоставил слово генералу Корнилову, который, в качестве предисловия к своему проекту, начал излагать положение на фронте, в связи с потерей войсками боеспособности. Вдруг к нему наклонился Керенский, и что-то ему сказал на ухо; мы увидели, как генерал Корнилов смутился, «скомкал» после этого изложение обстановки на фронте и быстро перешел к изложению мероприятий для восстановления дисциплины.

Впоследствии мы от генерала Корнилова узнали, что Керенский ему на ухо сказал: «Будьте осторожны; я не уверен, что ваши слова не станут известны немцам». Значит в зале заседаний Временного Правительства мог быть тайный агент противника!

Доклад генерала Корнилова был принят без возражений, и все предложенные им мероприятия были Временным Правительством одобрены.

***

Песле заседания Керенский пригласил генерала Корнилова и нас на завтрак. Он занимал в Зимнем дворце помещение, в котором в свое время жил император Александр II-ой. Мы сначала вошли в его кабинет, где «имели честь»(!) быть представленными, находившейся там «бабушке русской революции» Бреш-

ко-Брешковской. Это была грузная, расплывшаяся в ширину, наполовину выжившая из ума старуха. Все вместе мы прошли в маленькую столовую императора Александра II-го, где застали знаменитого художника И. Е. Репина, который с почтительными поклонами просил разрешения сделать, во время завтрака, эскиз с Брешко-Брешковской для ее портрета. Это Репин-то!

Он поместился со своим блокнотом в углу столовой, а Брешко-Брешковская, во время всего завтрака, когда он ее зарисовывал, старалась принимать «авантажные позы», что было «и печально и смешно».

За столом прислуживали бывшие придворные лакеи, но уже не в ливреях, а в серых куртках без гербовых пуговиц. Когда один из них поднес мне блюдо, я заметил, что оно дрожало в его руках; я посмотрел на него и узнал в нем старика камер-лакея, который еще так недавно прислуживал в Ставке у царского стола. Слезы были у него в глазах: видимо, мое присутствие ему напомнило прошедшее время его долголетней и чинной придворной службы.

Во время завтрака Керенский был в хорошем настроении и неоднократно побуждал Л. Г. Корнилова самым энергичным образом приводить в исполнение предложенные им и утвержденные правительством мероприятия для восстановления боеспособности армии.

После завтрака мы тотчас же уехали в Ставку, где и было немедленно приступлено к осуществлению принятых решений.

**
*

Генерал Л. Г. Корнилов был безгранично храбрый, честный, правдивый и прямой по душе офицер, всецело проникнутый чувством своего воинского долга.

Благодаря личной храбрости, проявленной им в боях, и благодаря своему смелому побегу из немецкого плена, он пользовался в армии почти легендарной известностью и, несмотря на свою строгость и требовательность по службе, солдаты его любили и были ему преданы.

Во время начавшегося в армии развала после революции он создал, из оставшихся верными своему долгу солдат, ударный полк, носивший его имя, который отличался своей особой храбростью и был ему безгранично предан; особенно же беззаветно, — буквально до степени обожания, — был ему предан текинский конный дивизион, который неотлучно был при нем и был готов весь «лечь за него костьми». Этот полк и дивизион приняли на себя охрану Ставки после назначения генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим.

Одна лишь весть о его назначении имела уже магическое действие: солдаты на фронте, зная его решительность и строгость, «подтянулись» и стали даже отдавать честь офицерам, а солдатские комитеты стушевались и притихли.

Но, помимо своих выдающихся воинских качеств, генерал Корнилов не обладал ни дальновидностью, ни «эластичностью» мысли искусного политика, и не отдавал себе отчета в трудностях и даже опасностях, с которыми сопряжена должность Верховного Главнокомандующего.

Сложные политические комбинации, особенно революционного времени, были ему совершенно чужды и, по простоте душевной, он не замечал тех ловушек и пропастей, которыми была усеяна революционная почва.

**
*

После назначения генерала Корнилова, патриотические, умеренно настроенные, круги русского общества, потерявшие уже было надежду на спасение России, воспряли духом. Круги эти состояли из деятелей Союзов Земств и Городов, из членов умеренно-либеральных буржуазных партий и из разных представителей культурно-просветительных объединений.

В то время, как революционный центр, возглавляемый Временным Правительством и советами солдатских и рабочих депутатов, находился в Петрограде, деятели вышеупомянутых патриотических объединений, союзов и партий сосредоточились в Москве.

Они организовали там «общественное совещание» и пригласили на него генерала Корнилова, надеясь этим поднять патриотическое настроение в стране.

Стремясь расширить, опорой на общественность, «базу» для приведения в исполнение одобренных уже правительством мероприятий, генерал Корнилов принял приглашение на московское совещание, и этим себя погубил.

Принимая это приглашение, он выходил из рамок своей военной сферы и вступал на политическую почву; будь он при этом дальновиднее и будь он ближе знаком с историей революций, он должен был бы ожидать, что вызовет этим среди революционеров подозрение в «бонапартизме», чего они всегда и везде больше всего боялись, особенно, когда дело шло о боевом и популярном генерале, каковым был Л. Г. Корнилов.

Это, конечно, и случилось.

Если бы генерал Корнилов отдавал себе в этом ясный отчет, то решился бы на этот шаг лишь после всесторонней и серьезной подготовки, то есть после

создания себе мощной военной опоры, путем сосредоточения в Ставке и вблизи столицы боевых и вполне ему преданных, сильных войсковых частей, на которые он мог бы, в случае надобности, положиться. Это возможно было сделать, исподволь и осторожно, под предлогом формирования в районах поблизости столицы «ударных частей» для Северозападного фронта, что было Временным Правительством одобрено и было в то время особенно «модно».

Между тем в Ставке при генерале Корнилове был один лишь ударный полк его имени и текинский дивизион, а на фронте он, повидимому, ограничился обещанием поддержки со стороны главнокомандующего Югозападным фронтом генерала Деникина, что не могло иметь большого значения, ибо этот фронт был слишком далек от столицы.

В Моске генерал Корнилов был встречен с большим воодушевлением и «Московское совещание» прошло в средине августа месяца под знаком громадного патриотического подъема, что, конечно, не могло не перепугать революционных деятелей и заставить их бояться «за свою шкуру».

***

В конце августа месяца Временное Правительство предательски спровоцировало генерала Корнилова, обратившись к нему с «конфиденциальной» просьбой послать в Петроград конный отряд, якобы для усмирения готовящегося большевистского восстания, и объявило, когда этот отряд под командой генерала Крымова подошел к столице, что Корнилов намеревается свергнуть правительство и «задушить» революцию. Обвинив его в контрреволюции, Временное Пра-

вительство вынесло решение о его смене и аресте, и, помимо Ставки, послало на фронт запрещение исполнять его приказания.

Войска на фронте вновь «революционно» вздохнули и никто, конечно, не принял открыто его сторону. И таким образом пропало, как пропадают «покушения с негодными средствами», выступление генерала Корнилова и вместе с тем безвозвратно погибло успешно начатое им дело восстановления боеспособности армии.

Было ли в действительности у генерала Корнилова, приписанное ему Временным правительством, намерение свергнуть революционную власть, трудно сказать. В его планы и мысли были посвящены в Ставке лишь 2-3 близких к нему офицера и генерал Деникин на Юго-западном фронте. Даже, объявленный вместе с ним арестованным, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал А. С. Лукомский не был в его намерения посвящен, о чем я лично от него узнал во время разговора, который имел с ним ночью, после получения постановления об аресте генерала Корнилова и его. И я этому верю, ибо А. С. Лукомский, один из мудрейших и дальновиднейших людей, которых я в своей жизни встречал, конечно, удержал бы Л. Г. Корнилова от таких рискованных шагов, которые, без соответствующей подготовки, могли бы лишь привести его и начатое им дело к гибели.

Однако арестовать генерала Корнилова в Ставке было не так-то легко, и не обошлось бы без страшного кровопролития, ибо Корниловский полк и текинский дивизион решили воспротивиться этому силой.

Узнав об этом, Временное Правительство поручило трудную задачу приведения в исполнение своего постановления генералу Алексееву, находившемуся в Петрограде «не у дел».

Генерал Алексеев, получив от Временного Правительства заверение, что жизнь генерала Корнилова и

его сотрудников не будет подвергнута опасности, взял на себя эту задачу, дабы сколь возможно «смягчить» последствия этого, погибшего дела.

После переговоров генерала Алексеева с генералом Корниловым и преданными ему частями, было решено, что генерал Корнилов и его сотрудники будут «заключены» под стражей текинского дивизиона, в одной из гостиниц Могилева. По приведении этого решения в исполнение Корниловский полк ежедневно проходил мимо этой гостиницы парадным маршем, приветствуя своего вождя.

Вскоре затем могилевские «узники» были переведены в Быхов, где их так же, как в Могилеве, «караулил» текинский дивизион.

После большевистской революции Л. Г. Корнилов ушел из своей «тюрьмы» и, став во главе своих «тюремщиков» — верных ему текинцев, — прошел легендарным походом через весь юг России на Дон, где впоследствии геройски погиб, сражаясь во главе Добровольческой армии с большевиками.

Глава III

КОНЕЦ СТАВКИ. ГЕНЕРАЛ ДУХОНИН

Вместо генерала Корнилова, Верховным Главнокомандующим был назначен генерал Н. Н. Духонин. Это был храбрый и безупречно честный боевой генерал, по характеру очень мягкий и любезный человек.

После неудачи «Корниловского выступления» развал армии пошел с удвоенной быстротой. Вновь начались гонения и убийства офицеров, по подозрению в принадлежности к сторонникам Корнилова. Комитеты солдат и матросов вновь забрали силу, и борьба их с правительственной властью и с командным составом обострилась, на почве обвинения их в «попустительстве», приведшем-де к Корниловскому выступлению. Временное правительство, потерявшее всякую опору своим предательством Корнилова, принуждено было, в угоду большевистски настроенным революционным комитетам, усилить свою демагогическую политику, что, конечно, не могло привести ни к чему другому, как к захвату, в ближайшее время, власти крайними революционными элементами.

При таких условиях генерал Духонин не мог, конечно, ничего предпринять для задержания развала нашей вооруженной силы, и мы в Ставке оставались бессильными зрителями наступившей агонии великой Российской Империи.

В начале октября месяца немцы, в целях давления на революционный центр в Петрограде и побуждения Временного Правительства к заключению мира, завла-

дели Рижским заливом и заняли Ригу, чем была создана сильная угроза Петрограду.

Рижский залив, который фортификационными работами в течение трех лет войны был к осени 1917 года превращен в неприступный укрепленный район, был занят немцами без боя, ибо команда береговых батарей и гарнизоны островов залива отказались сопротивляться немцам и сдали им свои укрепления.

В Петрограде настала паника, и большевики, бывшие сторонниками немедленного мира, — чем снискали себе расположение солдатских масс, — взяли верх в борьбе с Временным Правительством, всё еще старавшимся исполнять наши союзные обязательства.

25-го октября произошел большевистский переворот, во время которого Временное Правительство мгновенно и бесславно погибло.

Таким образом Временное Правительство, избежав, воображаемой им, со страху, военной диктатуры, попало в объятия большевизма, который его и задушил.

Первые дни после ликвидации Временного Правительства, большевики посвятили упрочению своей власти захватом министерств, из коих некоторые, в том числе министерство иностранных дел, отказались добровольно им покориться.

Так как на стороне органов правительственной власти не было никакой реальной силы, большевики быстро овладели аппаратом государственного управления в Петрограде, и Ставка осталась последним органом законной верховной власти. Было ясно, что в ближайшее время большевики приступят к ее ликвидации.

Первым актом большевиков, после упрочения своей власти в Петрограде, было требование, обращенное к Ставке, приступить к переговорам о заключении мира, на что Ставка ответила отказом.

Тогда большевики назначили Верховным Главнокомандующим прапорщика Крыленко, который во главе матросских баталионов, бывших главной опорой большевиков при захвате ими власти, был отправлен в Могилев для ликвидации Ставки.

***

По получении известия о большевистском перевороте, в Ставке настали разногласия в ее личном составе: некоторые стояли за то, чтобы не признавать большевистской власти, и сопротивляться ей, оставаясь в Могилеве; другие считали необходимым немедленно перевести Ставку, как можно дальше от Петрограда, в район Югозападного или даже Румынского фронта, где войска не были в состоянии такого развала, как находившиеся вблизи столицы; но были и сторонники того, чтобы подчиниться большевикам, защищавшие свое мнение тем, что раз Ставка подчинилась Временному Правительству, которое насильственно захватило власть у Царского правительства, то нет основания не подчиниться большевикам, которые тем же путем захватили власть у Временного Правительства.

В первый момент восторжествовало первое из этих мнений, и, так как в Ставке, после ухода Корниловского полка и текинского дивизиона, не оставалось никаких надежных войсковых частей, было предложено чинам Штаба указать на известные им, по своей надежности, войсковые части, чтобы их сосредоточить в районе Ставки.

Я указал на казачью бригаду Астраханского войска, в котором долго служил и пользовался большой популярностью, находившийся в то время уже в отставке, отец моей жены войсковой старшина М. Ф.

Кокушкин. Эта бригада случайно была на отдыхе недалеко от Могилева, и была немедленно переведена в село Княжево, в нескольких верстах от Ставки.

Однако, упрочение власти большевиков в Петрограде шло столь быстро, что прежде чем Ставка успела подготовиться к сопротивлению, было получено известие о том, что эшелоны во главе с Крыленко двинулись из Петрограда в Могилев.

В Ставке настало смятение. Было сначала решено немедленно переехать на автомобилях в Киев, и генерал Духонин, который всё время колебался, какое решение принять, приказал срочно готовиться к переезду. Дела генерал-квартирмейстерства начали уже погружать на грузовые автомобили и жечь то, что нельзя было увезти, как вдруг генерал Духонин отменил свое приказание и решил остаться в Могилеве.

При такой неопределенности положения личный состав Ставки решил собраться, чтобы вынести окончательное решение о судьбе Ставки. Собрались в том самом зале, где происходило прощание с Государем. Собрание носило сумбурный характер и было принято предложение предоставить совету начальников управлений Штаба решение этого вопроса.

Мы — нас двенадцать начальников управлений, — собрались тотчас же у старшего из нас начальника инженерного управления генерала Величко, где большинством голосов было решено подчиниться большевикам и оставаться в Могилеве. Некоторые из нас, в том числе и автор настоящих воспоминаний, против этого возражали, но безуспешно.

На заседании также присутствовал и тогдашний комендант Ставки генерал Бонч-Бруевич, тот самый, поведение которого в начале войны при наступлении в Галиции, в бытность его генерал-квартирмейстером III-ьей армии, было более чем странным, о чем уже

было сказано в 1-ой части настоящих воспоминаний. Он после революции «окрасился» в ярко красную краску и в Могилевском совете солдатских депутатов был «persona grata» (важной персоной).

Впоследствии выяснилось, что он, тотчас же после этого заседания, сообщил об его ходе и высказанных на нем мнениях Могилевскому совету солдатских депутатов, а, по прямому проводу, сообщил также большевистскому правительству в Петроград.

**
*

Когда, после неудачи Корниловского выступления, стало очевидным, что настало начало конца, я отправил свою семью из Могилева, в сопровождении брата моей жены, уланского ротмистра В. М. Кокушкина, впоследствии геройски погибшего в борьбе с большевиками, на хутор к ее родителям в Саратовскую губернию.

Так как после большевистского переворота не оставалось больше сомнений в том, что дни Ставки сочтены, то по моему докладу генералу Духонину, Черноморский флот был передан в подчинение главнокомандующему Румынским фронтом, а в связи с этим, морское управление Штаба Верховного Главнокомандующего было упразднено.

За несколько дней до гибели Ставки я распустил личный состав своего управления, отправил с доверенным писарем секретный архив в Петроград в надежные руки, а сам решил до последнего момента оставаться в Ставке.

**
*

Считая, что после решения о подчинении большевистской власти, принятого на совещании начальников управления Штаба, настало время покинуть Ставку, я приготовился к отъезду и пошел проститься с генералом Духониным. У него я застал его супругу, милейшую Наталию Владимировну, с которой он в последний раз прощался, отправляя ее в ту же ночь в Киев, чтобы не подвергать ее опасностям, угрожавшим Ставке.

Когда я вернулся около полуночи от генерала Духонина в свое опустевшее управление, эшелоны Крыленко были уже в Орше и утром должны были прибыть в Могилев.

Вызвав по телефону шофера моего автомобиля, который находился в гараже Ставки, я приказал ему взять с собой запасный бак бензина и подать автомобиль к управлению, намереваясь уехать на нем в Киев, и далее действовать, смотря по обстоятельствам.

Вскоре автомобиль подъехал и шофер поднялся ко мне в управление; он мне сказал, что запасного бака ему не дали и что только что поступило в гараж запрещение совета солдатских депутатов шоферам выезжать со мной за пределы Ставки. Поняв в чем дело, я сказал шоферу, чтобы он отвез меня на железнодорожную станцию, намереваясь сесть в первый, проходящий на юг поезд. Но шофер мне на это ответил, что на станции и на мостах через Днепр выставлены сторожевые посты, которые меня не пропустят. Спросив его, относится ли это запрещение только ко мне,

я узнал, что оно распространяется так же на генерал-квартирмейстера генерала Дитрихса и на полковника Ткачева, начальника воздухоплавательного управления; оба они были решительные противника подчинения Ставки большевистской власти.

Решив уйти из Ставки пешком, я отпустил своего шофера, поблагодарив его за верную и преданную службу.

Впоследствии я узнал, что генерал Дитрихс и полковник Ткачев, предупрежденные во время своими людьми, благополучно скрылись из ставки: полковник Ткачев, у которого автомобиль был не в гараже Ставки, а при его квартире, сел на него и со стоверстной скоростью пролетел мимо сторожевого поста на мосту, а генерал Дитрихс ушел во французскую военную миссию, где его переодели в форму французского солдата, и он выехал в составе этой миссии, когда она покинула Ставку, после захвата ее большевиками.

Сам же я, переодевшись в штатское, оставшееся при мне после моей командировки в Румынию, вышел перед рассветом по никем не охраняемой тропинке за город в поле, и окольными путями пришел в село Княжево, где стоял штаб Астраханской казачьей бригады.

В это время эшелоны Крыленко подходили уже к Могилеву, и штаб бригады ожидал распоряжений Ставки для действий, но никаких распоряжений не получал, ибо, как мы знаем, было принято решение отдать Ставку без сопротивления, о чем я и поставил штаб бригады в известность.

По прибытии на Могилевскую станцию Крыленко вызвал к себе генерала Духонина, которого матросы зверски убили при входе в вагон, где находился Кры-

ленко, и таким образом кончил свое существование последний законный Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России, а с ним кончила свое существование и Ставка — последний оплот русской законной верховной власти...

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

«На вопрос: что делать я ответил себе — не бояться истины, куда бы она меня ни привела».

Л. Н. Толстой (мысли)

Ранней весной 1917 года, как только позволила бы погода, должны были быть предприняты на Югозападном фронте и в Черном море решительные операции, которые, всякая порознь, а тем более обе вместе — несомненно привели бы к победоносному окончанию войны.

Обе эти операции были так тщательно подготовлены и для их осуществления были сосредоточены такие силы и средства, что ни малейшего сомнения в их полном успехе быть не могло.

Как известно, к осуществлению Босфорской операции мы были уже готовы летом 1916 года, но должны были отложить ее на весну 1917 г., в согласии с желанием генерала Алексеева. Если летом 1916 года обстановка, вследствие начавшегося развала Турции, была для осуществления операции благоприятна, то, конечно, весной 1917 года она была бы еще благоприятнее, вследствие еще большего развала Турции и усовершенствования наших сил и средств, предназначенных для этой операции. Что же касается операции на Югозападном фронте, то легко удавшийся прорыв в разгар развала нашей армии ясно показал, каково было бы его влияние на исход войны, если бы он был предпринят, когда наша армия не утратила еще, вследствие революции, свою боеспособность.

Начавшаяся революция не позволила нам предпринять своевременно эти решающие операции, имевшие целью победоносно окончить войну, и таким образом

революция была прямой и непосредственной причиной нашего поражения, закончившегося заключением позорного Брест-Литовского мира.

Значит всё, что способствовало ускорению начала революции или способствовало затягиванию войны, составляло косвенные причины нашего поражения; к этим причинам относится также и неприятие мер, — если таковые были возможны, к предотвращению революции и мер к ускорению хода войны.

При этом особенно трагичной покажется нам ответственность тех правителей России, которые могли так или иначе влиять на ход событий, если мы вспомним, что революция вспыхнула всего лишь за несколько недель до срока, назначенного для исполнения операций, которые должны были принести нам окончательную победу.

Сторонники мистического мировоззрения будут видеть в этом сроке нескольких недель «перст судьбы», которая-де была нам неблагоприятна, и будут стараться оправдать этих правителей, несущих свою долю ответственности за наше поражение. Но позитивная наука судит об этом иначе: приписывая все исторические события деятельности человека, а не влиянию судьбы, она считает гениальными правителей, сумевших предусмотреть все причины, которые так или иначе влияли на ход исторических событий, и направивших их на благо своей страны, а порицает тех из них, кто этого не сумел.

***

Всякое историческое событие в жизни человечества, а тем более победа или поражение в войне, является следствием многочисленных, между собой внут-

ренно связанных причин, из которых причина, представляющая собой конечный итог их взаимодействия, считается непосредственной или прямой.

Поэтому, чтобы составить себе правильное и полное суждение о причине нашего поражения в 1-ой мировой войне и определить ответственность за него наших правителей, мы должны изучить все те элементы, из которых эта прямая причина окончательно сложилась.

Прямой причиной нашего поражения была, как мы уже сказали, революция или, точнее говоря, то обстоятельство, что она вспыхнула раньше, чем мы успели предпринять те решительные операции, которые должны были дать нам окончательную победу в войне.

Посмотрим же теперь каковы были те причины, из которых это обстоятельство сложилось.

Одной из этих первопричин была наша неподготовленность к решению нашей национальной морской проблемы, то есть к осуществлению Босфорской операции. Мы уже знаем, что успех этой операции, по мнению ряда авторитетных лиц, должен был значительно сократить продолжительность войны. Но так как мы в мирное время не вели никакой подготовки к ее осуществлению, то приступили к этой подготовке лишь после начала войны, и потому смогли бы ее предпринять лишь тогда, когда она была уже невыполнима, вследствие того, что революция совершенно уничтожила боеспособность наших вооруженных сил.

Ответственность за эту неподготовленность падает на наше правительство и на высшие органы управления нашими вооруженными силами. Правительство несет ответственность за то, что, пренебрегая предначертаниями Петра Великого, не ставило перед войной нашей вооруженной силе задачу решения вопроса о проливах, а органы высшего военного управления несут ответственность за то, что, хотя эта задача и не

была им правительством поставлена, они не сумели предусмотреть, какое громадное влияние на исход войны должно было бы иметь завладение Босфором, и, с чисто стратегической необходимости, не предприняли со своей стороны никаких мер к подготовке этой операции и не включили ее в свой план войны. Известную долю ответственности несет за это и Государь, который, под влиянием безответственных и корыстолюбивых лиц его окружения, направил нашу внешнюю политику на Дальний Восток, думая принести этим пользу России, и этим нарушил мудрый завет своего великого предка императора Петра 1-го.

Это всё было прямым следствием режима государственного управления Россией перед 1-ой мировой войной, при котором не было объединенного и ответственного перед страной за свою политику кабинета министров, а при котором каждый министр, будучи ответствен лишь перед Монархом, действовал по его безответственной воле, без согласия с остальными министрами и органами правительственной власти.

Как бы то ни было, наша неподготовленность к завладению Босфором была одной из причин, которые затянули войну и тем самым способствовали успеху революции.

Другая важная причина, способствовавшая нашему поражению, была смена великого князя Николая Николаевича. Отстранение от верховного командования этого решительного, мудрого и волевого вождя, пользовавшегося громадным доверием и популярностью в армии и во всей стране, несомненно ослабило мощь духа народного и открыло путь революции, ибо, если бы она при нем и вспыхнула, — что было мало вероятно, — он сумел бы немедленно принять энергичные меры, чтобы пресечь ее в корне, и во всяком случае «руки у него перед ней не опустились бы».

Впрочем лучшего доказательства возможности его

влияния на исход войны, нежели уже приведенное выше мнение генерала Людендорфа, что с его сменой Германия «сделала шаг вперед к победе», не может быть, ибо, если противник наш сделал этим шаг вперед к своей победе, то мы тем самым сделали шаг вперед к нашему поражению.

Смена великого князя последовала по единоличной воле Государя, под влиянием Государыни и распутинской клики и вопреки настояниям правительства и общества, которые всячески старались отговорить от этого Государя, и потому он один ответствен за эту пагубную меру, приблизившую нас к революции и поражению.

В 1915 году император Николай II, считая, что в тяжелую годину испытаний его долг быть во главе армии, устранил от верховного командования одаренного, военно-высокообразованного, легендарно-популярного в войсках вождя, которого он не любил, и стал на его место, не имея для этого ни соответствующих способностей, ни знаний и ни того морального влияния, которое на русский народ и войска имел великий князь Николай Николаевич. Между тем, сто лет перед этим, в еще более тяжелую годину для России Отечественной войны, предок императора Николая II, император Александр I значительно более, нежели он, одаренный и знающий, сам устранил себя от верховного командования, считая себя для сего недостаточно военно-образованным и подготовленным, проявив этим возвышенное понимание своего монаршего долга, широту своего ума и глубину понимания блага России, и назначил, отвечая всеобщим желаниям, Верховным Главнокомандующим Кутузова, который, однако, не пользовался его личными симпатиями, но который в то время, подобно великому князю Николаю Николаевичу в Первой мировой войне, один в России был способен нести тяжкое бремя верховного командования.

**
*

Но еще более важная, если даже не самая важная причина, широко открывшая двери революции и способствовавшая ее молниеносному успеху, была пагубная внутренняя политика престола, находившегося под влиянием гнусной распутиновщины и ретроградной идеологии разных недостойных и вредоносных деятелей. Политика эта, приведшая к упорной борьбе престола с общественностью, имела следствием всенародное возмущение, развила в стране революционные настроения и парализовала волю не только высших гражданских, но и военных правительственных кругов. Так как многие высоко авторитетные лица и даже близкие родственники Государя неоднократно, в самой решительной и драматической форме, предостерегали его от пагубных для России и династии последствий этой политики, то за это он и Государыня, которая вдохновляла его упорство, несут перед историей нераздельную ответственность.

Ведь если русский народ, возмущенный распутиновщиной и доведенный до отчаяния враждебным отношением престола к патриотической общественности, выдержал всё же в течение 2½ лет тяготы войны, то нет сомнения в том, что при бережном к нему отношении и направлении внутренней политики не к ослаблению, а к всемерному укреплению его духа, он выдержал бы еще и те несколько недель, которые отделили вспыхнувшую в конце января 1917 г. революцию от намеченных на весну того года решающих операций; и тогда Россия, вместо того, чтобы позорно пасть в страшную бездну, закончила бы войну в блеске славы и величия.

Существует мнение, что известную долю вины в разжигании революции имеют и либеральные круги русского общества, объединенные в Государственной Думе и разных общественных организациях, и что их долг перед отечеством состоял не в том, чтобы в тяжелую годину войны разжигать революционные страсти, которые могли лишь привести нас к поражению, а, наоборот, в том, чтобы всеми способами препятствовать развитию этих страстей. Нет, конечно, сомнения в том, что эти круги вели, если и не прямо революционную, то во всяком случае резко оппозиционную пропаганду, так что верховное командование было даже вынуждено запретить доступ представителям этих кругов на фронт. Но не может быть сомнения и в том, что как бы ни было высоко развито сознание своего гражданского долга во время войны у русского общества, оно не могло не поддаться разрушительному влиянию, действительно, возмутительной и оскорбляющей чувство народного достоинства внутренней политики верховной власти. Этого не вынесли бы даже общественные круги наций, проникнутых самым возвышенным пониманием своего гражданского долга во время войны, а потому не приходится слишком обременять русскую общественность ответственностью за способствование развитию в стране революционных настроений.

Значительно способствовало нашему поражению и то, что не были приняты меры для прочного обеспечения порядка в столице, а также и то, что летом 1916 года, когда мы к этому были готовы, не была осуществлена Босфорская операция, успех которой, помимо чисто стратегического значения, несомненно поддержал бы дух всего народа и, воодушевив победой всю страну, устранил бы опасность революции.

Ответственность за это падает главным образом на верховное командование, которое не сумело оценить

и предусмотреть решающего влияния этих факторов на исход войны.

Помимо этих главных причин нашего поражения, в известной мере влияли еще некоторые второстепенные причины, вне нашей воли находящиеся, которые, сами по себе, не могли бы, однако, иметь решающего влияния на исход войны, но, в совокупности с вышеперечисленными главными причинами, сыграли известную роль в нашем поражении.

Первой из этих причин были наши союзнические обязательства, вследствие которых мы, в ущерб положению на нашем фронте, принуждены были предпринять ряд операций для спасения наших союзниц Франции, Италии и Румынии; операции эти стоили нам громадных людских жертв и расходов драгоценных боевых припасов, что, конечно, способствовало затягиванию войны на нашем фронте, ибо отдалило до весны 1917 года наш прорыв на Югозападном фронте и, косвенно, повлияло также на запоздание Босфорской операции.

Однако, рассматривая обстановку 1-ой мировой войны во всем ее целом, трудно сказать не окончилась лы бы эта войны полной победой Германии, а значит и нашим собственным поражением, если бы мы не принесли больших жертв для поддержки наших союзников.

Весьма вероятно, конечно, что другие народы не оказали бы своему союзнику столь широкую помощь, как это сделали мы, а при оказании этой помощи во всяком случае больше бы считались со своими личными интересами. Возможно. Но эта широкая отзывчивость и самопожертвование в оказании помощи, к нам о ней взывающим, свойственны русскому народу и составляют одну из неотъемлемых качеств его национального характера.

Кроме того, известное отрицательное влияние на

исход для нас войны имело «странное» к нам отношение Англии, выразившееся: 1) в пропуске, при «загадочных» обстоятельствах, немецких крейсеров в Константинополь, чем было ослаблено наше положение в отношении Босфорской операции; 2) в «темной» обстановке, при которой велась англичанами Дарданелльская операция; и 3) в роли английского посла Бьюкенера, поддерживавшего в столице революционные круги нашего общества, в чем некоторые исторические исследователи видят стремление Англии в 1-ой мировой войне уничтожить не только свою противницу Германию, но и свою союзницу Россию.

Хотя, конечно, традиционная английская политика, действительно, и основана на стремлении к ослаблению наиболее мощной державы на континенте и на враждебном отношении к России, однако вряд ли было бы правильно утверждать, что в 1-ой мировой войне Англия прямо стремилась к уничтожению России, ибо при этом она рисковала бы обеспечить полную победу Германии, а себе, в связи с этим, неминуемую погибель. Но что России она добра не желала, это, конечно, верно.

Впрочем, роль сэра Бьюкенена может быть объяснена и тем, что он, опасаясь, как мы все, пагубных последствий внутренней политики престола, которая могла бы привести к поражению России и выходу ее из коалиции, надеялся, измеряя чувство гражданского долга русского общества своей английской меркой, путем переворота закрепить положение России в рядах коалиции.

Но, дабы ни у кого не было повода сваливать всю вину за наше поражение на других, повторяю, что, если бы не было этих главных, — лишь от нас зависевших вышеперечисленных причин, — второстепенные «внешние» причины, сами по себе, ни в коем случае не могли бы привести к нашему поражению.

Подводя теперь итоги всему вышесказанному, мы приходим к заключению, что главными решающими причинами нашего поражения в 1-ой мировой войне были: наша неподготовленность к войне, смена великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего, пагубное направление нашей внутренней политики, непринятие мер для обеспечения порядка в столице и неприведение в исполнение в 1916 году Босфорской операции; а второстепенными, но не решающими причинами были: наши союзнические обязательства и отношение к нам Англии.

Но неизмеримое наше несчастье было в том, что в самую тяжелую пору нашей истории верховное управление государством находилось в руках слабовольного и мистически настроенного императора Николая II-го, не обладавшего свойствами, необходимыми для правления великой страной, а вместе с тем верховное командование вооруженными силами фактически находилось в руках генерала Алексеева, — хотя и безгранично преданного своему долгу отличного знатока военного дела, но не обладавшего ни широтой взглядов, ни дарованиями, присущими выдающимся полководцам.

Те, кто будут стремиться оправдать верховное командование в том, что оно своевременно не предприняло Босфорскую операцию, будут, конечно, упорно настаивать на том, что флот был неспособен ее выполнить.

Они сознательно закроют глаза на то, что в 1916 году флот полностью доказал свою на то способность перевозкой 5-го Кавказского корпуса в Трапезунд; что в 1916 году турецкие вооруженные силы и

оборона Босфора почти совсем утратили свою боеспособность; что предпринятая англичанами в начале войны наспех и с случайными войсками Дарданелльская операция доказала полную возможность высадки даже на прочно занятый противником берег; что мы предполагали предпринять Босфорскую операцию с отборными войсками; что с морской стороны операция была во всех подробностях подготовлена; что, наконец, ею должен был руководить такой решительный и талантливый вождь, каким был адмирал Колчак.

Пусть будет так: исчерпывающий и бесспорный ответ, конечно, мог бы дать один лишь опыт, то есть попытка осуществить эту операцию.

Но тут-то именно и возникает грозный вопрос почему, — раз от этого зависел исход войны, раз осуществление этой операции требовало правительство, раз этого хотел Государь, раз на этом настаивали моряки, — верховное командование, пожертвовавшее сотнями тысяч потерь для второстепенных операций на фронте, как например при озере Нароч, — не решилось рискнуть 2-3 дивизиями для попытки своевременно осуществить решающую Босфорскую операцию; почему оно не поставило в своих планах эту операцию хотя бы вровень с подготовкой прорыва на Юго-западном фронте и почему оно само не настаивало на ее осуществлении, а, наоборот, смотрело на нее как на излишнюю затею?

На этот вопрос возможен лишь один ответ, который заключается в том, что наше верховное командование, после ухода с поста Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, не отвечало в достаточной мере своему назначению, особенно в той, бесконечно трудной обстановке, в которой ему пришлось действовать.

**
*

Из катастрофы, постигшей Россию в 1-ой мировой войне, можно сделать несколько поучительных для всех вообще государств и народов выводов.

Прежде всего подтвердилось, что в обстановке современных войн, в которых участвует весь народ, а не одна лишь армия, как прежде, успех может быть достигнут лишь при условии полного единения власти с народом, что имеет место лишь в действительных демократиях, где власть исходит от народа, и перед ним ответственна, а никак не при безответственных монархиях или диктатурах. В этом отношении победа, одержанная Россией во II-ой мировой войне под режимом сталинской диктатуры, составляет исключение, подтверждающее вышеприведенный вывод, ибо сам Сталин после войны удивлялся, как его не сверг, пользуясь войной, русский народ; произошло же это лишь потому, что русский народ был поставлен перед выбором: идти ли в чужое немецкое рабство или остаться под властью Сталинской диктатуры, и выбрал последнее.

Особенно же подтвердилось и то, что во время войны настоятельно необходимо оберегать всеми способами дух нации и принимать всяческие меры для поддержания его на должной высоте, дабы вся нация была способна выдержать до конца крайнее моральное напряжение, требуемое от нее современными условиями войны; но никак не ослаблять силу сопротивляемости ее духа пагубным, а тем более оскорбительным для нее направлением внутренней политики. В связи с этим нельзя не отметить того, как бережно относи-

лись во время II-ой мировой войны американское правительство и верховное командование к духу своей нации, и с каким неусыпным вниманием относились ко всяким, даже незначительным факторам, которые могли бы, так или иначе, влиять на ее душевное настроение.

**
*

Существует мнение, что в условиях громадного прогресса современной военной техники сила духа по сравнению с оружием, то есть, с материальными средствами, имеет в современной вооруженной борьбе гораздо меньше значения, чем это было в прошлом.

Мнение это не только ошибочно, но является следствием полного непонимания самого существа вооруженной борьбы. Наоборот, сила духа имеет теперь гораздо большее значение, чем прежде, ибо невероятное разрушительное действие современного оружия, поражающее одинаково и бойцов на фронте и население страны, требует от всех них громадной силы духа, чтобы выдержать это разрушительное действие и не поддаться влиянию инстинкта самосохранения, побуждающего их к отказу от борьбы.

Поэтому-то, поддержанию духа не только бойцов, но и всего населения, должно быть в современной борьбе посвящено самое тщательное внимание. Между тем, история в многочисленных примерах показывает, что главными факторами силы духа бойцов и всего населения являются популярность личности вождя, стоящего во главе вооруженной силы, и любовь и доверие народа к своей правительственной власти.

Пренебрежение этими факторами, а тем более действия, направленные вопреки им, есть настоящее безу-

мие, последствия коего ясно видны в трагическом для России исходе Первой мировой войны.

Затем сам характер военных действий в современной войне показал, что широте ее охвата, когда в ней участвуют не только отдельные государства, но даже целые континенты и почти весь мир, никак не отвечают узкие и незыблемые стратегические доктрины, а наоборот — чем шире охват войны, тем большая широта стратегической идеологии необходима для успешного руководства военными действиями.

Впрочем, история военного искусства показывает, что на стратегию, как науку — больше чем на многие другие науки, — влияет социальная эволюция человечества и прогресс техники, причем это влияние всё более ускоряется, в связи с ускорением темпа этой эволюции и прогресса. Поэтому, особенно за последнее время, происходят, от одной войны к другой, значительные изменения в стратегической идеологии, которые должны быть внимательно изучены и преподаны с кафедр высших военно-научных учреждений; в противном случае военачальники, не отличающиеся широтой взглядов, действуя в будущей войне по застарелым стратегическим доктринам, не будут в состоянии руководить военными действиями в полном согласии с современной военной обстановкой и извлекать из нее соответствующую пользу. К сожалению, это имело место в нашем стратегическом руководстве военными действиями во время 1-ой мировой войны, что, в первую очередь, следует приписать застарелости и косности стратегической идеологии, преподававшейся с кафедр нашей Академии Генерального Штаба, о чем столь талантливо и авторитетно говорит в своих послевоенных трудах наш выдающийся военный ученый и писатель генерал и профессор Н. Н. Головин.

Впрочем, застарелость стратегической идеологии

перед 1-ой мировой войной может быть отмечена и в некоторых иностранных высших школах.

**
*

Для достижения страной высших степеней своего развития и благосостояния необходимо, чтобы ее правители неуклонно держались выработанного в согласии с ее социальными и экономическими интересами направления внешней политики, потому и называемой: национальной или государственной.

Чрезвычайно в этом отношении поучительна — правда на наш счет — политика Англии.

В течение последних 150 лет одним из элементов английской национальной политики, — нигде не написанной, но имеющей столь же непоколебимую силу, как английские традиции или неписанная английская конституция, — было враждебное отношение к России.

Это враждебное отношение вытекало из сознания опасности для английских интересов усиления мощи России на континенте и, особенно, на море, в связи с выходом ее в бассейн Средиземного моря.

Этого враждебного отношения, передаваемого из поколения в поколение английских государственных деятелей, неуклонно держались в своей политике по отношению к России Кастельрэйт, Абердин, Дизраэли, и наконец Черчилль, даже в тех случаях, когда Англия, из соображений оппортунизма, заключала с Россией союз, дабы с ее помощью сокрушать других своих врагов.

**
*

Вопреки мнению Л. Н. Толстого будто бы личность военачальников не имеет никакого значения на войне и что, помимо их воли, результат военных действий является автоматическим следствием коллективной деятельности всех в них участвующих бойцов, 1-я мировая война, — как впрочем и все войны в прошлом, ясно показывает, сколь решительно влияет на ход военных действий личность вождей, стоящих во главе вооруженных сил, чему яркими примерами служат личности великого князя Николая Николаевича и адмирала Колчака. А потому нельзя не придти к заключению, что горе тому народу, во главе которого стоят правители, лишенные свойств, соответствующих их назначению, а счастливы те народы, которые умеют в роковой час своей исторической жизни выдвигать на руководящие посты людей, отвечающих по своим дарованиям и свойствам требованиям переживаемого страной опасного времени.

В современных же условиях всемирных и всеобъемлющих войн назначению верховного командования не может уже отвечать военачальник, обладающий одними только военными способностями и знаниями, как бы таковые ни были глубоки и совершенны; этому бесконечно ответственному назначению может удовлетворять лишь личность, обладающая, помимо всех военных дарований, — обширными способностями государственного деятеля и дипломата при исключительных умственных способностях и широте взглядов. Такими

личностями, в полной мере отвечающими требованиям, предъявляемым ныне Верховному Главнокомандующему, были: в Первой мировой войне маршал Фош, во Второй мировой войне генерал Эйзенхауэр.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Адмирал Александр Дмитриевич Бубнов, автор воспоминаний «В царской ставке», родился в Варшаве в 1883 году. Он происходит из старинной семьи, давшей ряд известных ученых. Среди них упомянем ассистента Боткина, д-ра Н. А. Бубнова, известного в мировой медицине своими трудами по лечению сердечных болезней и Н. М. Бубнова — историка и декана Киевского университета.

Кроме гимназии, автор настоящей книги окончил Морской корпус и Николаєвскую Морскую Академию. Во время Русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении на эскадре адмирала Рождественского и был тяжело ранен. После окончания Русско-японской войны А. Д. Бубнов служил в Морском Генеральном Штабе и одновременно был профессором в Николаевской Морской Академии.

Во время 1-й мировой войны адмирал Бубнов был в штабе Верховного Главнокомандующего сначала в должности флаг-капитана, а затем — начальником Морского управления. Во время гражданской войны 1918-1920 гг. Бубнов был включен адмиралом Колчаком в состав русской делегации, возглавлявшейся С. Д. Сазоновым, на Версальскую мирную конференцию.

После окончания Гражданской войны А. Д. Бубнов эмигрировал в Югославию, где в течение 20 лет

был ординарным профессором Югославской Морской Академии и состоял действительным членом Русского научного института в Белграде. В 1941 г. вышел в отставку по должности ординарного профессора бывшей Королевской Югославской Морской Академии.

Из научных трудов Бубнова упомянем его книгу «Высшая тактика» — издание Академии, 1911 г., в основе которой лежит курс, прочитанный автором в Николаевской Морской Академии. В Югославии на хорватском языке вышла его «История военно-морского искусства» в трех томах (1930-1933 г.). «Русская морская проблема» была опубликована в Праге в 1929 г. На французском языке Бубнов выпустил в свет книгу «Le Problème du Bosphor» (Проблема Босфора»), Париж, 1935 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РЕКОМЕНДУЕТ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЕЩЕ РЯД ИНТЕРЕСНЫХ И ЦЕННЫХ МЕМУАРОВ

Цена в долл.

Д. АМИНАДО — Поезд на третьем пути. 352 стр. 2.75

В книге «Поезд на третьем пути» на фоне политического брожения предреволюционных лет, совпавшего с годами литературного расцвета, проходит жизнь русской интеллигенции. Автор рисует сначала глухую провинцию, потом Одессу, Киев, Москву; годы октябрьского переворота, эмиграцию. Д. Аминадо сумел передать настроение незабываемой эпохи.

М. БОК. — Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. 347 стр. 2.75

Имя Петра Аркадьевича Столыпина связано с эпохой крупных реформ начала нашего века. О Столыпине-человеке до сих пор, однако, написано немного. Поэтому воспоминания дочери Столыпина — ценный вклад в нашу скудную литературу об этом замечательном государственном деятеле. В своей безыскусственно написанной книге она нарисовала образ Столыпина-человека, который был одновременно и образцовым хозяином, и блестящим администратором, и выдающимся политиком.

Цена
в долл.

П. А. БУРЫШКИН — Москва купеческая. 350 стр. 3.00

Воспоминания П. А. Бурышкина — общественного деятеля и одного из представителей московского купечества — освещают ту роль, которую русское и особенно московское купечество сыграло в культурном и экономическом развитии России. Книга написана просто и увлекательно и представляет несомненный интерес для широкого русского читателя.

Н. ВАЛЕНТИНОВ — Встречи с Лениным. 356 стр. 3.00

Спасаясь от ареста, Валентинов в 1904 году бежал в Женеву и там в течение года находился в постоянном общении с Лениным. В своих воспоминаниях он рисует портрет вождя большевистской партии в повседневной жизни и домашней обстановке. Перед читателем встает незабываемый образ политического фанатика, резкого, беспринципного, нетерпимого к чужому мнению.

Знакомясь по книге Валентинова с Лениным-человеком, нельзя не почувствовать, что личные черты характера большевистского лидера имели огромное влияние на весь ход российской революции.

«Книга эта — большого интереса. Моментами, — — сказал бы, — захватывающего интереса. Ценность ее подымается еще потому, что Валентинов не «выдумывает», не «прикрашивает», и не «расцвечивает» свои «встречи», а повествует только о том, что в действительности было, рисует «с натуры», поэтому портрет одержимого палача России получился живым и несомненно похожим». (В. Зеелер, «Русская Мысль», Париж).

Цена в долл.

МАРК ВИШНЯК — Дань прошлому. 409 стр. 3.00

Воспоминания Марка Вишняка охватывают период от конца девятнадцатого века до разгона Учредительного Собрания. Большая часть воспоминаний связана с общественной, политической и научной жизнью Москвы. Еще в университетские годы Вишняк примкнул к партии социалистов-революционеров; после Февральской революции он был избран во Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное Собрание. Убежденный противник большевиков, Вишняк после 1919 года эмигрировал заграницу.

Великий князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ — В мраморном дворце. 412 стр. 3.00

Автор воспоминаний — сын великого князя Константина Константиновича, поэта, известного под псевдонимом «К. Р.». Книга «В мраморном дворце» посвящена описанию жизни придворных и высших военных кругов в России в конце 19-го и в начале 20-го века. В заключительной части воспоминаний автор рисует жуткую картину расправы большевиков с представителями русской аристократии и императорской семьи, и дает незабываемый портрет Урицкого и окружавших его чекистов.

А. И. ДЕНИКИН — Путь русского офицера. 382 стр. 2.75

В этой книге генерал Деникин рассказывает о годах своей жизни, предшествовавших гражданской войне. Сын крепостного крестьянина, А. И. Деникин,

*Цена
в долл.*

знакомит читателя с той суровой школой жизни, которую ему пришлось пройти: безотрадное детство, школа, военное училище, военная академия, гарнизонная служба, японская война, революция девятьсот пятого года, Первая мировая война. Написанные с той простотой, искренностью и прямотой, которые всегда отличали вождя Белого Движения, эти воспоминания свидетельствуют о большом литературном даровании их автора.

«В лице автора удивительным образом сочетались офицер по призванию, для которого служба претворяется в служение, и тот несомненно незаурядный писатель, который, описывая только то, что хорошо знает, вырастает до размеров крупного авторитета...» (Н. Рыбинский, «Новое Русское Слово», Нью-Йорк).

Ю. ЕЛАГИН — Укрощение искусств. 434 стр. 3.00

Книга эта, вышедшая также по-английски, удостоилась очень лестных отзывов в американской печати. Написанная в форме воспоминаний молодого советского музыканта, она дает яркое представление об условиях жизни музыкантов, работников сцены и писателей, лишенных в СССР основного условия для творчества — свободы.

«Он (Елагин) правдиво рассказал о театре и музыке в Сов. России. И если, может быть, против его воли, его книга является едва ли не самым разоблачительным документом большевистской деспотии, то тем более велика ее ценность». (В. Ленат, «Новое Русское Слово», Нью-Йорк).

*Цена
в долл.*

БОРИС ЗАЙЦЕВ — *Чехов* (Литературная биография). 260 стр. 2.50

«Чехов Антон с ранних лет видел жизнь такой, как она есть: оранжереи не было. Видел пеструю смесь ничтожного и смешного, насильнического и серьезного», — так Борис Зайцев определяет мироощущение Чехова. Биография начинается с малоизвестной истории происхождения семьи Чехова, и кончается описанием смерти Чехова в Баденвейлере (Германия). Книга Зайцева написана с глубокой симпатией к Чехову и дает живой образ его как писателя и человека.

В. ЗЕНЗИНОВ — *Пережитое.* Воспоминания. 414 стр. 3.00

Воспоминания Зензинова, скончавшегося 20 октября 1953 г. в Нью-Йорке, охватывают период нарастания широкого народного революционного движения, начавшегося в России в конце 19 века и закончившегося разгромом революции девятьсот пятого года. Начав еще в гимназические годы с мечтаний о равенстве и свободе, Зензинов прошел весь путь революционера, став в конце концов участником Боевой Организации и членом Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Воспоминания написаны с заражающей искренностью; книга проникнута глубокой верой в справедливость и страстным протестом против всякого притеснения и подавления человеческой личности.

В. П. ЗИЛОТИ — *В доме Третьякова.* 347 стр.... 2.75

Мемуары дочери П. Н. Третьякова, создателя знаме-

нитой Третьяковской галереи, переносят читателя в Москву конца прошлого века. На глазах Веры Павловны создавалась и росла Третьяковская галерея. Автор делится своими воспоминаниями о русских художниках — Репине, Васнецове, Сурикове, Перове, писателях — Толстом, Тургеневе, и музыкантах Чайковском, Скрябине, Рубинштейне, молодом Рахманинове. Книга Зилоти будет интересна для каждого русского читателя, а для людей любящих Москву — особенно. Предисловие к этим воспоминаниям написано проф. М. М. Карповичем.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — Тюрьмы и ссылки. 412 стр. 3.00

Книга Иванова-Разумника охватывает огромный по значительности период общественно-политической жизни России: «Тюрьмы и ссылки» начинаются рассказом автора об аресте за участие в студенческой демонстрации, устроенной в Петербурге в марте 1901 года, и кончаются избавлением Иванова-Разумника от преследования НКВД в сентябре 1941-го года в результате военных событий. Иванов-Разумник повествует о своих тюремных днях и ссылках в царское и в советское время. Его рассказ дает читателю яркое представление о том, как советский режим систематически разрушил в России все основы правосудия, законности и гуманности.

В. А. МАКЛАКОВ — Из воспоминаний. 410 стр. 3.00

«Громадность происшедших в России перемен превратила «недавнее прошлое» в «историю». Это нам помогает беспристрастнее отнестись к нашим преж-

ним оценкам». Эти слова из предисловия автора определяют основное значение книги. На фоне личных воспоминаний В. А. Маклаков дает оценку исторического пути, пройденного Россией после эпохи Великих Реформ и завершившегося революцией семнадцатого года. Блестящий адвокат и видный общественный деятель В. А. Маклаков был свидетелем, а часто и активным участником событий, описанных им в его воспоминаниях. Большой интерес представляет анализ современного конфликта между демократией и тоталитаризмом.

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ — Портреты современников. 413 стр. 3.00

Сын знаменитого художника Константина Маковского, Сергей Маковский рано соприкоснулся с артистическим и литературным миром, став впоследствии видным критиком и редактором литературно-художественного журнала «Аполлон». В первом очерке Маковский описывает своего отца, как человека и художника. Центральное место в книге занимают портреты Владимира Соловьева, Шаляпина, Дягилева, Иннокентия Анненского, Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштама, Александра Бенуа и других. Книга проникнута глубокой человечностью и симпатией к изображенной в ней эпохе.

М. М. НОВИКОВ — От Москвы до Нью-Йорка 405 стр. 3.00

Автор книги — последний свободно избранный ректор Московского Университета, известный русский

ученый. Всю свою долгую жизнь проф. М. М. Новиков посвятил науке, служению России и борьбе за ее свободу. Труд проф. Новикова — повествование вдумчивого наблюдателя и участника событий, предшествовавших захвату власти большевиками. Эта книга — свидетельство борьбы русских ученых против порабощения науки тоталитарным режимом.

«...Мемуары М. М. Новикова ценны, как материал для познания взглядов и жизнедеятельности русской либеральной и научной «элиты» накануне судьбоносного 17-го года. Они интересны и описанием работы русских ученых в эмиграции — и в Чехословакии и в Мюнхене эпохи УНРРА». (М. Вишняк, «Новый Журнал», Нью-Йорк).

Свящ. А. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ. — Отец Иоанн Кронштадтский. 380 стр. 3.00

Отец Иоанн Кронштадтский пользовался еще при жизни исключительным почитанием и любовью верующих всей России, грядущие испытания которой он так верно предсказал.

О. Семенов-Тян-Шанский воскресил в своей книге образ этого большого русского праведника. Автор не ограничился простым жизнеописанием, но и ввел читателя во внутренний мир отца Иоанна, и показал главные источники его вдохновения и силы.

МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ — Записки советского военного корреспондента. 368 стр. 2.75

В 1932 году Михаил Соловьев стал военным корреспондентом «Известий». Это назначение дало ему возможность проникнуть в высшие военные круги

Цена в долл.

Советского Союза и наблюдать сложную закулисную игру на верхах Красной армии. Одновременно Соловьев ознакомился с жизнью и психологией бойцов.

Перед читателем проходит плеяда маршалов и генералов, часто вознесенных гражданской войной из унтер-офицеров на высшие командные посты. Маневры Красной армии, Финская война и Вторая мировая — большие события и маленькие эпизоды — всё зарисовано с одинаковой живостью и убедительностью и с глубоким пониманием психологии русского человека.

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ — *Отец* (жизнь Льва Толстого). Том I — 416 стр. 2.75

Том II — 416 стр. 2.75

В двух томах воспоминаний о своем отце младшая дочь Льва Толстого, Александра, дает подробную биографию великого русского писателя. В своей книге Александра Толстая рассказывает о личной жизни Толстого, о его семейной драме, его исканиях правды и справедливости. «Отец» вводит читателя в «творческую лабораторию» Толстого. На многих конкретных примерах А. Толстая показывает, как Лев Толстой перековывал свои наблюдения, переживания и впечатления в художественные образы необычайной убедительности.

«Отец», без сомнения, одна из самых авторитетных и полных биографий великого русского романиста и мыслителя.

Цена в долл.

Кн. О. Н. ТРУБЕЦКАЯ — Князь С. Н. Трубецкой
Воспоминания сестры. 269 стр. 2.25

Князь С. Н. Трубецкой был одним из самых блестящих представителей русской философской науки в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Либеральный общественный деятель и христианский мыслитель, князь Трубецкой верил в возможность мирного разрешения политических проблем царской России. Судьба сделала его свидетелем и участником крупных событий в истории политической и общественной жизни его родины. В воспоминаниях его сестры кн. О. Н. Трубецкой личность князя С. Н. Трубецкого и события, к которым он был причастен, нашли живое, яркое и убедительное отражение.

А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС — На путях к свободе.
429 стр. 2.25

А. В. Тыркова-Вильямс выросла в скромном дворянском гнезде Новгородской губернии. Душой многочисленной и дружной семьи была мать, духовный облик которой сложился под влиянием идеалов шестидесятников. А. В. Тыркова-Вильямс продолжала путь матери: она рано примкнула к освободительному движению 90-х годов.

Мемуары Тырковой пронизаны широкой терпимостью к людям и непоколебимой верой в право народа бороться за свое счастье и свободу.

...«На путях к свободе» в значительной мере является обвинительным актом против всей либеральной и революционной интеллигенции, включая и кадетскую

партию и самое Тыркову, которая явно писала свои воспоминания с глубоким чувством вины — и коллективной и своей личной». (Ю. Денике, «Новый Журнал», Нью-Йорк).

В. М. ЧЕРНОВ — Перед Бурей. 412 стр. 3.00

Воспоминания одного из основателей и долголетнего лидера партии социалистов-революционеров, В. М. Чернова, охватывают период от конца прошлого века до отъезда автора из России в двадцатом году. Воспоминания, собранные в книгу уже после смерти Чернова, рисуют драматическую картину нарастания революционного движения в России, его победу в феврале семнадцатого года, и разгром демократической революции большевиками под руководством Ленина.

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ — От войны до войны (1919-1939). Вторая мировая война: Книга I. Перевод с английского. 418 стр. 2.75

Первая книга воспоминаний Черчилля, посвященных Второй мировой войне, охватывает период между Первой и Второй мировой войной: от Версальского мира до вторжения Гитлера в Польшу. Выделяя существенное из массы событий и деталей, Черчилль показывает как безрассудство победителей и растущее озлобление побежденных привели человечество к новой трагедии. В мировой литературе нет более полного, яркого и авторитетного изображения событий недавнего прошлого, имеющего огромное влияние и на теперешние судьбы мира.

Цена в долл.

Сумерки войны. Вторая мировая война: Книга II. Перевод с английского. 312 стр. 2.75

Это вторая книга первого тома мемуаров Черчилля о Второй мировой войне. «Сумерки войны» охватывают период между падением Польши и вторжением немцев в Голландию. С суровой сдержанностью описывает Черчилль драматические месяцы, пережитые Великобританией с предельным нервным напряжением. Он не скрывает заблуждений французских и британских государственных деятелей, ошибочные суждения которых привели Западные демократии чуть ли не на край гибели.

Падение Франции. Вторая мировая война: Книга III. Перевод с английского. 350 стр. 2.75

Третья книга воспоминаний Винстона Черчилля охватывает наиболее драматический период в истории Второй мировой войны: разгром Франции и апогей могущества нацистской Германии. С присущим ему мастерством и простотой, Черчилль описывает нарастание военной драмы, эвакуацию английского экспедиционного корпуса в Дюнкерке, капитуляцию Франции и грозные месяцы, когда неподготовленная к войне Англия боролась одна против противника, имевшего подавляющее военное превосходство.

В одиночестве. Вторая мировая война: Книга IV. Перевод с английского. 372 стр. 2.75

Четвертая книга воспоминаний Черчилля охватывает период Второй мировой войны между разгромом Франции и нападением нацистской Германии на Со-

ветский Союз. Автор считает этот страшный год «самым значительным и самым опасным во всей английской и британской истории». Повествование о развитии военных действий переплетается с мастерским изображением той сложной дипломатической игры, в которую были вовлечены почти все страны мира и которая, в конце концов, привела к войне между Советским Союзом и Германией.

О. ГЕОРГИЙ ШАВЕЛЬСКИЙ — Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота Том I — 415 стр. 3.00
Том II — 413 стр. 3.00

Два тома Воспоминаний протопресвитера Георгия Шавельского охватывают период времени с 1910-го года до разгрома Добровольческой Армии. Наибольшее внимание автор уделяет годам Первой мировой войны. Занимая должность протопресвитера военного и морского ведомства, автор мог следить за настроениями армии и флота во всех концах огромной Российской империи; в то же время близость к правящим кругам и к царской семье давала ему возможность видеть, какую пагубную роль для России играли некоторые из советников государя. Читатель видит Россию в самую драматическую эпоху ее истории.

Printed in U. S. A.
by RAUSEN BROS.
142 E. 32nd Street
New York 16, N. Y.
85

Цена: $3.00

А. БУБНОВ — В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

